

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО
ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ, РАБОТЕ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ДЕЛАМ
МОЛОДЕЖИ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Алим Теппеев
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Альберт Тюбеев
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

1. 2010

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Дорогие наши читатели!

В связи с тем, что журнал «Литературная Кабардино-Балкария» стал шире использоваться в учебных заведениях и библиотеках как нашей республики, так и братских республик, в нашу редакцию приходят письма с просьбой опубликовать на страницах журнала биографии писателей, чтобы можно было ознакомиться коротко с их жизнью и творчеством. Это поможет расширить круг познания школьников, самостоятельно изучающих отдельные произведения писателей, приобрести навыки к самоусовершенствованию в процессе учебы.

Вникая в эту проблему и считая необходимым шире практиковать публикации материалов о писателях, редакция решила с этого номера начинать печатать короткие биографические сведения о писателях и работниках культуры в объеме одной-двух журнальных страниц с фотографией.

Редакция и впредь будет знакомить своих читателей с рукописями новых книг писателей, публикуя отрывки с комментариями, подборки стихов, воспоминания и письма в небольших объемах.

Выражаем свою благодарность всем тем, кто помогает улучшить работу редакции, направляя тем самым вектор общественного интереса.

Пишите нам о том, что бы вы хотели найти на страницах журнала, это даст нам возможность для составления интересных и полезных номеров журнала.

Али ШОГЕНЦУКОВ

Партизан Жамбот

Поэма

Когда свирепствуют морозы
В лесу, от инея седом;
А горных рек немые слезы
Текут, скрываясь подо льдом;

Когда сельчанам и узнать бы
Недолгий отдых от забот...
В широкий круг адыгской свадьбы
Созвал друзей своих Жамбот.

Наездник славный, злому лиху
Наперекор, всегда в седле,
Он взял красавицу Лялиху –
На зависть всем парням в селе.

И дни минутами летели,
Все было в радость молодым.
Что сердцу холод и метели,
Любовь рассеет их, как дым,

Любовь заставит верить в счастье,
В нем все мечты отражены.
Но... раскололся мир на части –
На землю пала тень войны.

Как гром, заговорили пушки:
Решайся – «против» или «за»?
И прятать голову в подушки
В такие времена нельзя.

И, робости не зная сроду,
Жамбот, как деды в старину,
Ушел отстаивать свободу,
Оставив милую жену.

В те дни над бедной горской саклей
Сужали вороны круги...
Там, где Жамбот взвивался с саблей,
Снопами падали враги.

В те дни на пастбищах предгорий
И у подножья темных скал
Багровый пар, как призрак горя,
Над кровью пролитой витал.

Враги же стаей, как шакалы,
Врывались в мирные дома.
Смыкая жадные оскалы,
Опустошая закрома.

Нет сладу с лаем пулемета
У безоружной бедноты.
Понуры всадники Жамбота,
Миную белые посты,

Уходят в лес заиндевелый,
Куда и ворон не носил
Костей своих; где только смелый
Решил собрать остатки сил,

В землянке жить, врачую раны;
Поклявшись биться до тех пор,
Пока не сгинут все тираны
И рабства вековой позор.

В те дни для грустных глаз Лялиху
Лишь склон горы далекой мил,
Где лишь кизил и облепиху
Господь корнями укрепил.

И взгляд стремится вверх по склону,
И мысль летит за перевал,
Где, верен мужества закону,
Ее любимый воевал.

В сердцах Лялиху шлет проклятья
На головы его врагов.
Ей ночь темна, как вдовье платье,
И день томительней оков.

Внизу остались, на равнине,
Крестьянский труд, отцовский дом,
А здесь – в ветвях колючий иней,
Тропинки, схваченные льдом.

Седло привычной для Жамбота,
Чем для бездельника – скамья.
И пусть не красит позолота
Приклад старинного ружья,

Зато друзья всегда с ним рядом,
И за него простой народ.
Пусть небольшим идут отрядом,
Но точно знают наперед,

Что правда одолеет силу, –
Что смогут защитить людей,
Что не награду, а могилу
Здесь каждый обретет злодей –

За грабежи, когда до нитки
Уносит гость, что не был зван.
За виселицы и за пытки
Друзей Жамбота, партизан.

Подонки в золотых погонах
Творят свой суд – нельзя скорей.
И плетью, утопая в стонах,
Бьют партизанских матерей.

Вот и в селении Жамбота
Белогвардейцы сеют зло.
Он это знает, оттого-то
И на душе так тяжело.

С друзьями делится тревогой.
Деревья, хмурый вид храня,
Освещены луной двурогой...
Жамбот садится на коня.

Не безрассудства дух владел им,
Подумав, а не сгоряча,
Решил узнать подходы к белым,
А уж потом – рубить сплеча.

И он кружит по козым тропам
На тонконогом скакуне.
Так – до поляны, здесь – галопом,
По жесткой снежной целине.

За лесом дол, а там – селенье,
Он ясно слышит лай собак.
Увидел, напрягая зренье, –
Костер чуть раздвигает мрак.

Покоя нет и в стане белых.
Их предводитель и во сне
Бесславный чувствует удел их.
Мелькнула тень в ночном окне –

Жамбот привстал, швырнул гранату.
И – вспышка в штабе, крики, вой...
Солому кровли, словно вату,
Подбросило взрывной волной.

Качнулись мазаные стены,
Вмиг потянулся вверх огонь.
У коновязи, в клочьях пены,
Метался чей-то рыжий конь.

Повсюду выстрелы, смятенье,
Команды, топот солдатни...
Жамбот летит бесшумной тенью
В проулок, где, считая дни,

Ждет лунолика Лялиху,
Где он оставил отчий дом...
Сквозь дым летит, неразбериху,
Несомый резвым скакуном.

От редакции

В первом номере «ЛКБ» этого года мы публикуем статью юного автора, школьницы, которая с искренней тревогой пишет о проблемах современности, представляющих реальную опасность для всех людей, в особенности же – для людей молодых, только начинающих жизненный путь.

Редакция журнала предлагает провести в школах республики – совместно с МО КБР – конкурс на лучшее сочинение по этой теме, с привлечением учащихся старших классов, подведением итогов, поощрительными премиями и, наконец, публикацией лучшего сочинения на страницах «Литературной Кабардино-Балкарии».

Ксения ХОПИНА,

*ученица 9 «А» класса
МОУ СОШ № 3 г. Майского КБР*

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

*От чистого истока в прекрасное Далеко
Я начинаю путь!*

В этой детской песне удивительно точными и глубокими по смыслу словами выражено первое и основополагающее правило человека на земле – начинать жизнь от Великого и Чистого Истока. Это – Семья, Мать, Отец.

Доброе имя переживает человека. Семья дает человеку первую часть имени, принадлежность к роду – фамилию. Славен каждый такой род замечательными делами, добрыми нравами. Семья дает и вторую часть имени – имя собственное, индивидуальное. Это – надежда на восхождение Рода и рожденного человека. Давши жизнь, давши имя, дадим Счастье каждому родившемуся человеку! Доброе имя идет от дел наших, а счастье приходит в величайшем труде любви. По крупице человечество накапливало его тысячелетиями. Оттого-то оно и стало неисчерпаемо богатым.

Постижение законов восхождения к высотам духовного богатства и величия – это постижение новейшей из наук – гармонии личности.

Сложность и подлинная красота этой науки заключена в гармонии миллионов, в гармонии каждого. И я, и ты, и идущие рядом. И только тогда, когда этим преобразующим порывом созидания своего Я захвачен каждый, возможен будет переход в новое социальное качество, только на этой основе состоится духовно богатое общество.

Политики и государственные деятели, писатели и философы, ученые

и родители искали истину творения Жизни. А истина эта в развитии и духовном обогащении личности.

Воспитание гражданственности, гуманизма, нравственности в России всегда было великим делом.

Привычка – потребность человека совершать определенные действия. Человечество до сих пор находится в плену опасных заблуждений в отношении профилактики и предупреждения алкоголизма, табакокурения и наркомании. Самое главное из них в том, что многим кажется: «со мной и моими близкими этого случиться не может». Увы, опыт многих благополучных семей и респектабельных школ показывает, что зло негативных привычек достаточно изобретательно в своем стремлении захватывать новые и новые пространства, уничтожая потенциально прекрасные человеческие жизни и судьбы, доводя их до безысходности и психологического тупика. Из всего потока информации, методик, примеров и фактов следует обратить внимание, прежде всего, на профилактику и предупреждение употребления алкоголя, наркотиков и табака детьми, подростками, молодежью.

Безусловно, если ученик, ребенок, друг или родственник уже стали жертвами этих привычек, необходимо срочно сообщать в специальные центры, обращаться к наркологам, психологам, то есть к тем, кто может оказать квалифицированную профессиональную помощь. Ибо главная цель профилактики – это действенные советы на тему о том, как не войти в эту зависимость. Ведь когда речь идет не о лечении, а о предупреждении болезни – дело это вполне по силам каждому, в ком понимание сути и проблемы сочетается с его Величеством Здравым Смыслом. Не секрет, что Здравый Смысл и опыт многих специалистов находится в постоянной борьбе с заблуждениями обывателей. А любая борьба со Злом требует разумного подхода и единства.

И наркотики, и алкогольные напитки, и табак известны с глубокой древности. Начало их применения, вероятно, совпадает с возникновением человеческого рода.

Школа, как социальный институт, обладает рядом уникальных возможностей для успешной профилактики алкоголизма, наркомании, табакокурения. Прежде всего – это возможность привития навыков здорового образа жизни в процессе обучения и контроля за их усвоением. Не менее важно привлечение специалистов по профилактике на уровень притязания и самооценки, а также – свободный доступ к семье подростка для анализа и контроля ситуации. Сегодня уже имеются предпосылки для разработки научных основ первичной профилактики. Однако сложность и многогранность проблемы требуют для ее решения практического объединения усилий специалистов медицины, психологии, педагогики, социологии, культуры, права и др.

На первое место в системе приоритетов должно быть поставлено непрерывное, обязательно адресное (применительно к разным слоям общества) психологическое обеспечение, возрождение культа здоровья, обращение к культуре народов, знакомство с лучшими достижениями представителей науки, литературы и искусства, не ограничиваясь узко

языковой принадлежностью сообществ, что дает преодоление беспечного отношения общества к негативным явлениям. К сожалению, в нашей стране здоровье далеко не каждый ставит на первое место среди человеческих ценностей, считая его неиссякаемым источником. Однако правильное отношение к здоровью, умение сохранять его вопреки жизненным трудностям и неблагоприятным обстоятельствам совершенно необходимо. С детства надо воспитывать понимание ценности здоровья, умение поддерживать хорошее настроение и высокую работоспособность, нетерпимое отношение к разрушающим здоровье привычкам.

При формировании здорового образа жизни молодого поколения немаловажная роль отводится школе. Ведь именно в ней практически на всю жизнь вырабатывается отношение ко многим жизненным ценностям. Школа поэтому является важнейшим этапом, когда можно и нужно воспитывать правильное отношение к здоровому образу жизни.

Каждый имеет право на жизнь, и никто не имеет права ее отнимать. Издаётся огромное количество литературы, методических рекомендаций, ведется всесторонняя работа по профилактике негативных привычек. Только совместная работа учителей, родителей и детей позволит реально снизить распространенность вредных привычек и спасти подрастающее поколение. Мне думается, что зачастую подростки, да и молодые люди попадают в ситуацию, где на них оказывают негативное давление, заставляют или убеждают в какой-либо среде делать что-то, чего иначе, без давления, делать бы не стали. Например, многим не нравятся, когда в компании молодежь выпивает или курит, и, думается, что веселье можно организовать без алкоголя и табака. Неприятно смотреть, как ведут себя подвыпившие люди. И если мы действительно переживаем за них, несмотря на ложные опасения, следует лучше откровенно при удобном случае сказать, что мы чувствуем по данному поводу. Лично мне не хотелось бы бывать в таком окружении, а тем более связывать себя вредными привычками, от которых можно попасть в зависимость. Я хочу быть здоровым и уравновешенным человеком, и вредные привычки мне не подходят. И ребятам во всех их действиях необходимо быть очень осмотрительными.

Тем самым мы, будучи неравнодушными, сможем отстоять право каждого на лучшую Жизнь. Всем, кто находится под влиянием плохих привычек, хочется сказать: юноши и девушки, жизнь так прекрасна, несмотря на трудности. Следует стремиться найти интересное и любимое дело. Жизнь не любит, когда ее боятся. И хотя каждый идет своей определенной и трудной дорогой, зачастую не хватает простого терпения и осмысления, чтобы понять, что радость уже в том, что мы идем, а не стоим на месте. А дорогу осилит идущий.

Батыр ас АЛАНСКИЙ**ДОРОГА***Главы из романа*

...В предшествующие дни боязнь опоздать на утреннюю молитву будила Исмаила ни свет ни заря, и сегодня по привычке он проснулся очень рано – было еще совсем темно. В комнате было прохладно – дни стояли ясные, с крепкими морозами по ночам.

Армейская привычка – вставать, как только проснулся – у Исмаила не прошла с переменной образа жизни, она, видимо, осталась навсегда. Вот и сейчас, хотя он только что проснулся, ему уже не терпится встать, но Айшат так сладко спит, положив голову на его руку, что он боится даже пошевелиться.

Пусть и не до всех тонкостей, но Исмаил знал быт русских князей и дворян, а потому частенько сравнивал их жизнь с жизнью горских князей. Разница была как между небом и землей: русская знать жила в двух- и трехэтажных домах-дворцах, где не счесть светлых больших комнат, с целой ордой домашней прислуги. И сами они, и сыновья их – всегда на важных государственных и военных должностях. А жены и дочери день-деньской только тем и заняты, что вертятся возле зеркал и прихорашиваются, готовясь к балам и приемам, читают французские романы да музицируют. Ни мужчины, ни женщины не выполняют никаких работ по дому, если только сами, от скуки, не захотят. А в Балкарии, особенно после отмены крепостного права, князья, как и все простолюдины, вечно в заботах по хозяйству: то сено надо заготовить, то кошару строить, то пахать, то сеять, то о дровах позаботиться, то о зерне на зиму. А те, что не сразу принялись за дело, засучив рукава, а попытались, как и раньше, жить по-княжески – и сытно поев, и нарядно одевшись, праздно проводя время, лишь изредка наезжая в чабанские коши, – так и они через годик-другой все равно вынуждены были впрягаться в хозяйственные заботы, но уже потеряв изрядную долю и земли, и скота, и практически став на уровень обыкновенного узденя среднего достатка. Устояли, не пошатнулись под яростным ураганом перемен только дома Хаждаюга из Карабиевых да Зулфугара из Залимхановых – Крым и Зулфугар показали себя опытными капитанами жизни, способными одолеть любой шторм и спасти свои дома-корабли. И даже Аланбиевым, хотя они и не чураются хозяйственных работ, в последнее время приходится нелегко. Но главное свое богатство, доставшееся им от отцов и дедов, и нынешние Аланбиевы стараются не растерять, берегут как зеницу ока. Богатство это – уважение людей, единство со своим народом. И ради этого они готовы на все – как и раньше, они, если надо, встанут и за плуг, возьмут в руки косу или лопату, присмотрят и за скотом. А женщины и девушки, как и все горянки,

готовят еду, стирают, прядут шерсть, ткут полотно. Жизнь и быт в их доме ничем не отличаются от жизни и быта обычной узденской семьи. Разница лишь в одном – чтобы не запятнать честь княжеского дома, здесь каждый стремится быть хоть чуточку благороднее, добрее, опрятнее, терпеливее, чем другие. Конечно, никто ни к чему так осознанно и рьяно и не стремится, а все получается как бы само собой – ведь нравственные устои семьи передаются каждому из поколения в поколение, с молоком матери, с самого раннего детства. Словно сам Всевышний, вдохнув жизнь в родоначальника Аланбиевых, сказал: «А душу в тебя вложу такую, чтоб ни тебе самому, ни потомкам твоим никогда не избавиться от забот и тревог – душу, пораженную любовью к народу, у которого до Судного дня путь будет тернистым». Так, наверное, и есть – а то почему же никак не уймется, не успокоится душа Исмаила. Почему постоянно у него перед глазами эти картины нерадостной жизни родного народа – косари на крутизне, обвязанные веревкой, чтобы не свалиться в пропасть; женщины за ткацким станком, которым недосуг и пот-то с лица вытереть, босоногие ребятишки в дорожной пыли, не ведающие о том, что на свете есть школы и лица; Султанбек, согнувшийся в три погибели от чахоточного кашля. Как прекрасна жизнь – а у бедного горца и свободной минутки нет, чтоб хотя бы на нее взглянуть. Даже эти его прекрасные серебристо-белые горы, реки с хрустальной водой, красные скалы, достающие до небес, так похожие на заброшенные крепости нартов, стройные сосновые деревья, которые, казалось бы, должны приносить только радость, и то нередко печалят горца, неожиданно взваливая на его натруженную спину тяжелую ношу беды. Почему это так? Почему это Всемилостивый и Справедливый Аллах стал таким скупым по отношению к балкарскому народу – почему из всеобщего его благоденствия нам достались только крохи? А может быть, до нас еще очередь не дошла? А если Он совсем забыл про нас?!

Увлечись своими мыслями, Исмаил, видно, что-то сказал вслух – Айшат шевельнулась. Исмаил притих, затаив дыхание – пусть спит, ведь она, как и многие горские женщины, весь день была на ногах, занималась уймой дел и, конечно же, легла позже всех в доме. Исмаил лежит на спине и лица Айшат он не видит, лишь чувствует ее тепло. То ее особое, обволакивающее, мягкое тепло, что он ощущал по ночам за тридцать земель от нее – на заснеженной Шипке. Разреши ему тогда – он пешком прошел бы путь от Шипки до Эльбруса, лишь бы полежать вот так пять минут – она спит у него на руке, а он рядом, не спит, бережет ее сон...

Лишь вспомнил военные годы, как тут же перед глазами появился Васо Илларионович. Вечно неунывающий, ничего и никого не боящийся, с вагагой друзей и кучей завистников – таким был грузинский князь полковник Эрбелиани. Где он сейчас, интересно, и как терпит до сих пор жесткую военную дисциплину его душа, как и вольный ветер, любящая широту и простор. Конечно, рано или поздно, но он все равно уйдет из армии. Те вещи, что прощаются и даже иногда поощряются во время войны и в первые годы после войны, все еще пропахшие порохом, – мужество, прямота, честность – в мирное время никому они особо не нужны. Начальству – в особенности. А потому не избежать Васо Илларионовичу,

как и многим другим, не могущим жить иначе, неприятностей по службе, коль они не покинут армию. Было бы хорошо, если б он сам ушел вовремя. И тогда, если б он тоже вернулся к себе домой, в Грузию, могли бы и в гости иногда ездить друг к другу – ну, хоть раз в два-три года...

Когда Исмаил приехал на службу, писарь Василий Иванов уже был в правлении.

– Исмаил Наурузович, что – и взаправду начинаем, да? Все только об этом и говорят, – спросил он, поздоровавшись.

– Что, Василий?

– Как что? Дорогу, конечно!

– Сам видишь, Василий – далее терпеть уже не вмогуту. Года не проходит, чтобы на этой дороге не приключилась какая-нибудь беда. А о том, что нынче произошло – и не говори!

– И взаправду, Исмаил Наурузович, что мы хуже этих хуламцев, что ли?

«Мы» – до того было приятно слышать это слово, сказанное русским человеком, приехавшим в это чертово ущелье откуда-то со стороны, что, если б не горская суровость и сдержанность, Исмаил обнял бы и расцеловал бы его. Но горцу не положено к месту и не к месту восторженно выражать свои чувства, а потому по голосу Исмаила невозможно было уловить его душевного состояния.

– Выходит, что хуже, Василий, – ответил Исмаил. – А то почему же «эти» хуламцы строят дорогу, а мы – нет?

– Нет, нет! Мы – не хуже их! – никак не мог с этим примириться Василий.

Исмаил раза два по-дружески похлопал Василия по плечу, как бы говоря: «Не спорь, дружище – сам же видишь, что мы ленивы и нерасторопны. Значит, хуже их!» – и прошел к себе в кабинет. Не обратив никакого внимания на холодный высокомерный взгляд царя Александра с портрета на стене, как бы говорившего: «Ну, каков я?», прошел к столу и сел, словно этим ответив царю: «Извини, но мне некогда тобою любоваться», и вновь окунулся в мысли и заботы, что не давали ему покоя в эти дни...

– Исмаил Наурузович, народ собрался. – Когда это Василий вошел в кабинет, Исмаил и не заметил. Он вопросительно поднял глаза, а потом, вспомнив о сегодняшних делах, сказал:

– Хорошо, иду.

Исмаил сразу не заметил, что сегодня на сход собралось необычно много народу и это было приятным предзнаменованием. Это значило, что люди очень серьезно относятся к делу и настроены вынести по нему определенное решение.

Как всегда, старосты сел доложили о том, сколько человек откуда прибыло. Оказалось, что и в самом деле людей было больше, чем когда-либо, и изо всех селений, подвластных старшине Большой Балкарии, – около шестисот человек.

Исмаил открыл сход.

– Уважаемый жамауат! Сегодня мы собрались здесь, чтобы вынести свое решение лишь по одному делу – строительству дороги. По этому поводу нет надобности долго говорить – все вы сами знаете. По-моему,

сначала нам надо ясно определиться – решаемся на строительство дороги или нет.

Дело это очень трудное, требует больших сил и средств, и если нам это не по плечу – то нет смысла и начинать. Что делать – будем терпеть и дальше. А если мы терпеть уже не можем и намерены строить дорогу, во что бы это нам ни обошлось, – то сегодня мы должны окончательно утвердиться в нашем намерении. А когда мы решим, что строить дорогу все-таки надо, то потом поговорим и о том, когда начнем, как будем строить, откуда силы и средства возьмем, и обо всем остальном. Правильно говорю?

– Очень даже правильно!

– Правильно, правильно!

– Что там решать? Надо строить дорогу – вот и все! – раздалась возгласы со всех сторон.

На ступеньки крыльца поднялся Ахмат-хаджи из Мисировых, и все сразу стихли: Ахмат-хаджи, председатель народного суда – тёре Большой Балкарии, пользовался уважением не только в пяти горских ущельях, но и в Кабарде, и в Карачае, и в Дигории. Никто не припомнит такого, чтобы кто-нибудь недовольный решением тёре Большой Балкарии, стал бы искать справедливость в Нальчикском окружном суде или же еще где-нибудь. Не только потому, что люди не желали ронять честь своего ущелья, но еще и потому, что там, куда бы они ни обратились, просто посмеялись бы – еще не было такого случая, чтобы решение тёре Большой Балкарии кто-то посчитал бы несправедливым. Наоборот, с наиболее сложными делами, по которым местные народные суды затруднялись найти правильное решение, люди аж из Карачая и Дигории приходили в тёре Большой Балкарии.

Ахмат-хаджи сперва обратился к Исмаилу:

– Ты правильно поступил, Исмаил, что начал дело, которое совершенно невозможно далее откладывать, так как от его решения зависит в будущем наша жизнь – жизнь каждого села, каждого человека в ущелье, – сказал он. Потом заговорил, уже обращаясь к собравшимся: – Да будут в раю бедные Токлу и Сарыбий, с тех пор, как они погибли, народ единодушно говорит – надо начинать строить дорогу. Не думаю, что во всей Большой Балкарии найдется хоть один человек, который выскажется против этого. Раз так, то, не тратя попусту время, надо, по-моему, сразу же приступить к делу. Что где найти, когда начинать – вот о чем мы должны сейчас говорить. Так? Или же я ошибаюсь?

– Спасибо, хаджи, – ты совершенно прав!

– Никто не против, что там говорить!

– Что тянуть – давайте голосовать!

Хаджи вернулся на свое место, и Исмаил вновь выступил вперед.

– Кто за строительство колесной дороги из Большой Балкарии на плоскость – прошу поднять руки! – крикнул он, чтоб всем было слышно, и первым сам поднял руку.

В едином порыве вскинулись сотни рук.

– Кто против?

Не поднялась ни одна рука.

– Тогда приступим к делу, – сказал Исмаил. – Говорят: «Из-за того, что некому было подать добрый совет, в Зылгы девять домов настигла беда». Чтобы и у нас так не получилось, чтобы из-за незнания какой-нибудь мелочи наш большой труд не пропал даром, я думаю, нам надо пригласить инженера, показать ему ущелье, рассказать все, что ему надо, о горах – он и даст нам добрый совет: где и как нам проложить дорогу. И, видимо, придется нам его нанять на все время строительства дороги. Не обойтись наверняка нам и без каких-то взрывных работ – для этого тоже нужны специалисты, порох. Необходимо закупить топоры, лопаты, ломы, кирки. Я это говорю к тому, что нужны будут деньги. Надо договориться, как будем собирать – подымно или же по возможностям семьи. Как будем работать – каждый, кому положено, должен отработать определенное время или же свою долю в строительство можно внести и деньгами? Как видите, работа очень большая, сложная, а потому надо решить вот что – кто будет руководить строительством дороги? Поручаете это дело старшине и правлению или же считаете нужным избрать специальную группу наиболее уважаемых и знающих людей, которой и дадим всю власть – пусть все организывает и ведет строительство. Все это надо сегодня же решить.

Слова Исмаила «или же по возможностям семьи» кое-кому из зажиточных людей и не очень, конечно, понравились, но, боясь пересудов, разговоров, никто ничего не сказал. А там, где кучковались люди из семей кулов да бедняков, послышались одобрительные голоса: «Правильно говорит – не у каждой семьи одинаковые возможности!» – «Пальцы на одной руке – и то не одинаковы!»

Слово попросил Ануар из Мамаевых.

– Поднимись сюда, Ануар, чтоб все тебя видели и слышали, – пригласил его к крыльцу Исмаил. Ануар поднялся на ступеньки.

– Аланы! Если согласны, я предлагаю сделать так. Недаром говорится: «На ныгыше и со шкуры быка пару чабыров не выкроить». Как бы и у нас так не получилось – оттого, что мы, шестьсот человек, будем здесь кричать и шуметь, даже не слыша друг друга, я думаю, толку будет не много. Давайте лучше сделаем так: изберем сейчас человек двадцать или сорок из наиболее опытных и уважаемых, пусть они и поразмыслят над всеми теми вещами, о которых мы здесь говорили. А мы, – дело важное, нужное, не будем сетовать из-за одного пропавшего дня, – соберемся завтра опять все вместе в это же время и обсудим то, до чего они додумаются и что нам предложат.

Коль убедимся, что они все обстоятельно продумали и предлагают нам хорошее решение – одобрим, захотим что-то изменить, добавить – изменим, добавим. И все. Если же мы сейчас начнем говорить, то боюсь, что мы разгорячимся, поспорим весь день, а решения так и не сможем принять. Как вы на это смотрите?

Сход согласился с мнением Ануара из Мамаевых. Избрал около сорока человек «умных и уважаемых» из своей среды, поручил им к завтрашнему дню подготовить предложения и разошелся.

Оставшиеся действительно были наиболее уважаемыми и известными людьми Большой Балкарии. Ахмат-хаджи из Мисировых из Кюннюма, Ахмат из Мусуковых, Ануар из Мамаевых из селения Туура Хабла, Мустафа из Карчаевых из Косфарты, Юсуп из Джанибековых, Деует из Казаковых, Мустафа из Темиркановых из Чегет-эля, Осман из Сабыровых из Курнаята, Мырза из Цораевых, Гиргок из Баллиевых, Нану-хаджи из Цакоевых из Фардыка, Хажбекир из Хуболовых из Нижнего Чегета и другие. Все они расселись на тесаных бревнах, расставленных у входа в правление и служивших скамейками для пожилых людей во время сходов. Исмаил обратился к оставшимся:

– Вам, сидящим здесь, жамауат поручил очень ответственное дело, – сказал он. – И я вас очень прошу – принять такое решение, чтобы народ был доволен и люди начали бы это важное дело радостно, со светлой душой. Если этого не произойдет, я боюсь, что наше дело не пойдет на лад. А чтобы и человек с достатком и бедняк, взрослый муж и юноша были довольны, надо решить мудро и справедливо. Я так думаю – нам надо посчитать всю Большую Балкарию как бы за один род, и исходя из этого для каждой семьи, для каждого человека определить посильную ношу. А то, если скажем «Подымно столько-то», боюсь, получится так, как если бы мы всем подряд – и взрослому мужчине, и пятнадцатилетнему подростку, и старику клали бы на спины по одному одинаково наполненному мешку. А это, наверное, и грешно, и неправильно. Подросток ведь надорваться может, а старик и вовсе окажется задавленным мешком. Все мы знаем – в нашем жамауате нет людей, наживших состояние нечестным путем, да будет и впредь милостив Аллах ко всем вам и преумножит ваши богатства. Но если б сегодня, когда перед всем обществом стоит такая трудная задача, большие расходы, когда необходимо будет напрячь все силы, люди более состоятельные согласились бы сделать более весомый вклад в общее дело, чем рядовые люди, этим они, несомненно, заслужили бы и всенародное уважение, и благорасположение Аллаха. Все мы созданы Всевышним из одной и той же глины, а потому мы обязаны поддерживать друг друга, помогать друг другу. И еще, слава Аллаху, их не так уж много, но у нас тоже все-таки есть и беспомощные, бедные семьи. Сегодня мы обязаны подумать и о них. Скажите – сможет ли кто-нибудь из вас пойти к женщине, которая без мужа растит пятерых-шестерых детей, и сказать ей: «Мы строим дорогу – ты должна дать деньги»? Кто как – я не смогу. Вот и все, что я хотел сказать. А вы как думаете?

В Большой Балкарии каждый старается не запятнать свою честь, дорожит общественным мнением. И, конечно же, даже отъявленный лентяй не хочет прослыть бездельником, а неисправимый жмот – скрягой. А потому никого и не нашлось, кто бы сказал: «Нет, я не согласен с этим!», или же – «Я не для того копил свое состояние, чтобы по ветру его пустить». И если даже были недовольные словами Исмаила – а их не могло не быть! – ничего они не сказали, ничем это не дали знать, промолчали. Промолчали и тогда, когда с разных сторон послышались голоса: «Правильно говоришь, Исмаил, правильно!» – «Да будет и к тебе Аллах

милостив!» – «Правильно, не так уж и много бедных, беспомощных семей – их надо освободить от всех уплат!»

Поднялся Ануар из Мамаевых. Мамаевы – род среднего достатка, но люди из этого рода пользуются известным уважением, как трудолюбивые и мирного характера. Куда козел-вожак – туда и бараны, так могло случиться и здесь: куда потянет первый оратор – туда могли пойти и остальные. Если он, один из уважаемых людей жамауата, скажет сейчас: «Нет, брат мой, Исмаил, как ты сам говоришь, Аллах всех нас создал из одной и той же глины, создал равными – у каждого по две руки, по две ноги, по одной голове – так пусть и всяк работает, старается, становится богатым, кто против? И вот сегодня, когда нам предстоит работа, всем одинаково нужная, почему это я должен вложить больше средств, чем кто-либо другой? Не должен! А потому считаю правильным, если решим так – каждая семья должна внести в строительство дороги свою, одинаковую со всеми долю, как деньгами, так и работником...»

Нет! Не сможет он так сказать. Потому что он, во-первых, – не дурак, а во-вторых – он человек из Большой Балкарии, а потому прекрасно знает, что здесь, если даже ты и хан, не будешь уважаемым, коль не будешь соблюдать ёзденлик – кодекс чести. А ёзденлик неукоснительно требует, между прочим, оказывать помощь слабым, помогать нуждающимся, не быть скупым, коль Аллах одарил тебя богатством. Горе тому, кто пренебрегает правилами ёзденлика! Нет и нет – никто и пальцем не тронет, и из общества не изгонят, но житья нормального тому уже не видать! А все очень просто: люди перестанут тебя уважать – и все. Будут и здороваться, будут ходить к тебе и на свадьбы, и на похороны, вроде бы все в порядке. Но постепенно поймешь сам – среди людей, в селе вроде бы живешь, а на самом-то деле один-одинешенек, в голой степи, и никого-то рядом нет. Люди разговаривают с тобой – а тебя и не видят, приветствуют тебя – и не тебя вовсе!

Нет, не то что Ануар из Мамаевых, а скряга из скряг, и то не пойдет наперекор мнению жамауата, он скорее всего отдаст отару овец, коль ее имеет. Правда, жамауат еще не определил своего мнения, решение еще не принято, но ведь еще никто и не высказался против того, что предложил Исмаил. Если сейчас Ануар поддержит Исмаила, тогда пусть хоть сам пророк Мухаммед – да ниспошлет Аллах ему свое благословение! – придет, все равно – никому уже не удастся направить жамауат на иной путь. Это, конечно, знали и все те, что с таким вниманием присматривались к лицу Ануара, неторопливо идущего к ступенькам, стараясь угадать его мысли – что он скажет? Одни с надеждой, как Исмаил, другие с тревогой, как Ахмат из Мусуковых.

– Не думаю, что здесь найдется человек, который, не стыдясь народа и не боясь Аллаха, скажет, чтобы и беспомощная вдова, и мужчина в расцвете сил, живущий в достатке, внесли одинаковый вклад в строительство дороги, – сказал Ануар, оправдывая этим самым и надежды Исмаила, и тревожные предчувствия Ахмата. – По милости Аллаха, у нас не так уж много таких бедняков, от которых грех вообще что-либо требовать. Их надо освободить от каких-либо тягот в связи со строительством дороги.

А чтобы не было споров, кого к таким относить, надо четко определить признаки. По-моему, такими семьями можно считать: если в доме женщина-вдова растит малолетних детей – это раз; если в доме кроме престарелых людей нет никого, пригодного для работ на дороге, – это два. Таких семей в каждом селе не более трех-четырёх дворов. Если решим так – и нам – сууап, и жамауату – честь. Вот что я хотел сказать.

И с этим Ануар вернулся на свое место. Исмаил свободно вздохнул, словно гора с плеч свалилась. Ахмат из Мусуковых, поднявшись с места, сказал:

– Прошу прощения у старших за то, что раньше них скажу несколько слов. Хочу только вот что добавить: действительно будет нехорошо, если мы решим, что вместе со всеми должна внести свою долю и вдова с малолетними детьми на руках. Совершенно правильно – таких надо освободить от каких-либо взносов. – И, довольный собой, сел на свое место.

Кое-кто, конечно, думал, что прижимистый Ахмат будет говорить совсем не о том. Пусть думают. Но он, Ахмат, не такой уж глупец, чтобы здесь, на виду у всех, затевать спор, стараясь выгадать гроши.

– Правильно!

– Спасибо, Ахмат, и тебе! Правильно сказал.

– Дай бог вам обоим здоровья – правильно вы говорите!

– Пусть будет так! – раздалися голоса, показывая этим, что по этому поводу говорить уже нечего.

– Значит, решаем так – семьи, где нет работоспособных мужчин, а также вдов с малолетними детьми, полностью освобождаем от расходов в связи со строительством дороги, – вновь заговорил Исмаил. – Это ясно. А как быть с остальным народом? Подворно или же учитывая достаток и возможности семьи?

Это был трудный вопрос. В Большой Балкарии как очень бедных, так и очень богатых было не так уж много. Большинство домов были такие – три-четыре дойные коровы, сорок-шестьдесят баранов, лошадь или два-три осла да душ с десяток. А тех, что имеют тридцать-сорок голов крупного рогатого скота, отару овец в 300–400 голов, несколько десятин пахотной земли да довольно обширные сенокосы – не более пяти-шести домов в каждом селе. Но каждый такой дом – это большая семья, где живут вместе с родителями несколько женатых братьев, у каждого из которых по нескольку детей, а иногда уже и почти взрослых. А таких богатых домов, как дом Османа из Сабыровых, Ханафия из Мусуковых, Хаждауята из Карабиевых, у которых действительно много и скота, и земли, во всей Большой Балкарии наберется не более дюжины.

Решить вопрос о бедных да сирых было легко – и род, и жамауат всегда заботились о них, помогали им всячески. Тут споров и не могло быть. Но как быть, коли речь пойдет об Османе из Сабыровых, у кого около – если не более – тысячи овец и о Гитче из Кадыровых, у кого одна только корова да с десяток овец? Как их приравнять? А если не приравнять – то с какой стати? Ведь и тот, и другой издревле свободные люди – уздени – ни они сами, ни их отцы и деды не были кулами, не были

холопами, никому плоды своих трудов не отдавали. Возможности-то изначально у них были равные!

Вот о чем думали сейчас многие здесь сидящие, не зная что сказать, как ответить на вопрос Исмаила: «Подворно или же по достатку?» Но встать первым, высказать свои мысли, внести конкретное предложение никто не хотел. Те, кто побогаче, не решались сказать: «Подворно», боясь, что навек прослынут скрягами, готовыми ради тленного богатства и совесть потерять. А те, что победнее, не решались сказать: «Конечно, надо учесть и достаток семьи», потому что боялись услышать в ответ горькое – «А кто тебе мешает иметь такой же достаток, как и у меня?». Это понимали и те, и другие. Но все равно, кто бы он ни был, тот человек, кто первым скажет слово, он будет жителем Большой Балкарии, а потому, конечно, в первую очередь он будет думать о своем имени в жамауате. Мужчина-уздень, не слепой, не калека, не может встать и сказать, что он беднее того-то, а потому и доля его в общее дело должна быть полегче. Как он может появиться на людях, если так скажет, и не провалиться сквозь землю от стыда? Да и из тех, что побогаче, навряд ли кто встанет и скажет: «Сказали бедных не трогать – их долю взвалили на нас, теперь опять о каком-то неравенстве говорите – хватит, еще за кого-то расплачиваться я не собираюсь!» Деньги, богатство – вещи сладкие, заманчивые, конечно, на многое люди решаются из-за них. Но чтобы здесь, на сходе сказать такое – нет, на это никто не пойдет... Здесь ведь не двор соседа, здесь – весь жамауат, вся Большая Балкария. А предстать перед всем жамауатом в неприглядном свете кому охота?!

Вот почему молчали люди, и каждый из них рассуждал примерно так – кто угодно пусть выскажется первым, что угодно пусть предложит, это потом обсудим, но только не я. И знали все, что все так думают. Знал и Исмаил.

– Кто хочет сказать? – вновь спросил он.

Никто не хотел говорить. Тишина.

– Исмаил, ты старшина – вот и скажи сам! – нашел выход из щекотливого положения Гиргок из Баллиевых, и все облегченно вздохнули, горячо поддержали его.

– Действительно! Ты-то сам как считаешь – как будет правильно?

– Скажи, Исмаил, скажи!

Исмаилу ничего не оставалось делать, как сказать свое слово.

– Я-то могу высказать свое мнение, но не забывайте, что жамауат поручил вам найти решения по всем делам в связи со строительством дороги, а потому, если вам не понравятся мои мысли, можете на них внимания и не обращать. Потом, надеюсь, вы сами найдете правильное решение.

– Хорошо, хорошо – говори!

– Говори – потом посмотрим!

– По-моему можно сделать так: поделить дома на три группы. К первой группе, к примеру, отнести дома, у которых количество скота не превышает одну сотню, ко второй – от сотни до трехсот, к третьей – у которых более трехсот голов скота. Пусть ненамного больше, но те, что живут

побогаче, могли бы внести чуть побольше. Скажем так: если дом из первой группы вносит десять рублей, то дом из второй группы – пятнадцать, а из третьей – двадцать. Как считаете – это приемлемо?

И вновь тишина. Никто не сказал ни слова. Ни «да», ни «нет».

Тогда поднялся Ахмат-хаджи из Мисировых.

– Как говорил Исмаил, давайте все-таки постараемся найти такое решение, чтобы, начиная это большое дело, каждый человек радовался бы душой, чтобы все были довольны. Я не говорю, что ты неправ, Исмаил, но по тому, как народ молчит, надо понимать, что кое-кому это не очень-то нравится. И их тоже надо понять – не так-то легко каждому из нас достается то, что он имеет. Я не знаю человека во всех пяти горских ущельях у кого бы было больше скота, чем у Османа, если вы знаете – скажите. Но ведь все взрослые мужчины из Сабыровых и сами являются чабанами, пасут свои отары, одеваются не лучше любого из нас, и еда у них не отличается от нашей. И то, что они сенокосы арендуют у Карабиевых и Аскербиевых, вы тоже знаете. Ничьим трудом несправедливо не воспользовались. Как же с Османом быть? Потребовать у него больше, чем от других – получится так, как будто мы упрекаем его за то, что он работал много лет с сыновьями в поте лица и приумножил свой достаток. Правильно ли это будет? А если он скажет: «Нет!», имеем ли право обижаться на него? Не имеем никакого права, оллахий! Но если он сам решит так: жамауат взялся за большое дело, Аллах дал мне достаток, какого нет у многих других, буду надеяться и впредь на его милость, не обеднею небось – помогу-ка чем могу, и даст немного больше, чем менее зажиточный сосед – поклон ему и спасибо от имени всего жамауата! Давайте сделаем так: установим определенный равный взнос с каждого дома, а те, что побогаче, если считают нужным, сами по своему усмотрению могут внести и чуть побольше, чем другие. По исмаиловской раскладке я попадаю, кажется, во вторую группу, так вот, я с удовольствием внесу эти лишние пять рублей, – всего-то стоимость одной овцы! Да пойдут эти пять рублей на благое дело всего жамауата. А другие пусть поступают, как хотят. С этим согласны?

– Дай бог тебе здоровья!

– И где ты был до сих пор, хаджи!

– Оллахий, совершенно правильно говоришь!

Слушая эти восторженные выкрики, Ахмат из Мусуковых ухмыльнулся – до чего же люди глупы! Они так и не поняли, что в сущности-то хаджи и Исмаил гнули одно и то же. Только Исмаил по неопытности сказал напрямик, а эта лиса, хаджи, обставил все более хитро! И дураку понятно, если хаджи, человек куда более скромного достатка, чем он, Ахмат, внесет сверх положенного еще пять рублей, то ему, Ахмату, будет совершенно не к лицу ограничиться только положенным «подворно» взносом. А эти ослы, мнящие себя взрослыми и умными мужами, угрюмо молчали, словно во рту у них было толокно, когда высказался Исмаил, а хаджи приветствуют радостными возгласами: «Правильно!» «Дай бог тебе здоровья!» О, бедные...

И вправду, не все заметили, что между тем, что они одобрили, и тем,

что говорил Исмаил, в сущности и разницы нет. Да и сам Исмаил вначале не совсем понял суть сказанного Ахматом-хаджи. Видать, начал забывать о том, что горский ум, как горный поток, может, если надо, преодолеть любые преграды и дойти до цели. А Ахмат – еще бы! – с первых же слов понял, что хаджи ничего нового не сказал, а лишь постарался провести «поток» мыслей Исмаила через преграды и завалы, образовавшиеся молчанием собравшихся. Только он не мог понять одного: ради чего это стараются, из кожи лезут вон и Ахмат-хаджи, и Исмаил, – большой или малый, но нанести самим себе урон?

Собравшийся на следующий день сход одобрил предложения избранной им группы и решил приступить к строительству колесной дороги из Большой Балкарии на равнину.

Лето 1883 года выдалось на славу – неделю-вторую стояла солнечная погода, а потом, как только приходила мысль, что было бы неплохо, если б и дождичек пошел, как сразу же на небе собирались тучи и шел дождь, несуетливо, обильно, как будто специально для того, чтобы только утолить жажду земли. Выполнив дело, он тут же переставал, и вновь устанавливалась ясная погода, на синем небе опять сияло солнце. Наверное, этот год был годом змеи – ведь говорят старики, что в год змеи все так обильно прорастает, что змея и то с трудом может проползти сквозь густую, высокую траву. И в самом деле, даже на засушливых косогорах, где в обычные годы трава выгорает уже к началу лета, и то стоял густой травостой. Хоть сено там заготовляй, что никогда не делалось. А косари ждут не дождутся того времени, когда трава достаточно окрепнет, наберет силу, когда можно будет и начинать заготовку сена. Ждут не как начала изнурительной работы, когда день-деньской придется сгорать под палящим солнцем и некогда будет утереть пот с лица, что жжет глаза, а словно какого-то большого, торжественно-праздничного события. Видимо, щедрость года народ инстинктивно воспринял как знак особого благоволения со стороны всемогущего Аллаха – так были светлы и радостны лица и души у людей. На огородах возле домов картофельная ботва аж черная – до того много в земле жизненных сил. Так везде – и в Зына-долине, где имеются пахотные наделы многих, и на сотнях больших и малых участках, разбросанных по всему ущелью там, где имеется хоть лоскуток ровной земли, ячмень, просо, овес уродились на диво. А кое-где случилось и невиданное дело в горах – ячмень и овес на некоторых участках не выдержали тяжести тучных колосьев, полегли...

В один из летних солнечных дней этого года со стороны долины подъехали к входу в ущелье трое всадников. У Черек-реки они, не сходя с коней, о чем-то недолго говорили, а потом, отыскав брод, переехали реку и приблизились к Чирик-кёль – к Голубому озеру. Тут они спешили и, стреножив коней, пустили их пастись.

Двое из путников – мужчины зрелых лет, а третий – юноша в студенческой куртке. Мужчины оба в военной форме, оба полковники. Один из

них Хамзат из Батырбиевых, а второй – только что назначенный на должность начальника Нальчикского округа Васо Илларионович Эрбелиани. А юноша в студенческой куртке – сын Исмаила из Аланбиевых Алим. Он возвращается домой, окончив Петербургский университет. Когда Эрбелиани принял дела, познакомился и сдружился с Хамзатом, они решили неожиданно нагрянуть в гости к Исмаилу, пока тот сам не прознал про Эрбелиани, и тут как раз заявился и Алим. И вот теперь они втроем едут в Большую Балкарию. Хотя не один год пробыл Васо Илларионович в железных тисках жесткой военной дисциплины, но он все-таки сумел остаться самим собой – человеком прямым и честным, живущим легко и свободно, не обременяющим себя мучительными раздумьями перед тем, как сказать слово при начальстве или поступить так или иначе. И даже ухитрился за столько лет общения в русской среде сохранить свой такой интересный, своеобразный акцент. А Хамзата и Алима, если, конечно, их самих не видеть, а слышать только их речь, не так-то легко отличить от русских. Тем более, если учесть, что русские кавказцы-старожилы не так-то охотно принимают в свою компанию людей, в говоре которых не прослеживается незаметная вроде бы, но особая кавказская окраска, присущая только тем, кто долго здесь живет и служит.

– Черт возьми – красота-то какая! Я и думать не думал, что кроме Грузии нашей где-нибудь на земле может быть такое чудо! – воскликнул Васо Илларионович, оглядывая окрестные горы, покрытые лесом, любуясь бездонной синью озера.

И вдруг стал раздеваться. Подумав, что Васо Илларионович хочет охладиться, ополоснув лицо и руки, но поняв, что у того иные намерения, оба почти в один голос спросили:

– Что вы хотите делать?

– Как что?! Разве можно быть здесь и не искупаться в этом прекрасном озере? – удивился Эрбелиани.

– Здесь нельзя купаться!

– Почему?!

– Озеро засасывает человека на дно. Нельзя здесь купаться.

– О! Кажется так именно и начинаются сказочные приключения. А на дне, наверное, есть хрустальный дворец подводного царя. Коли так, очень даже хорошо – страсть как я люблю приключения! – и с тем начал снимать с себя и нижнюю рубашку.

– Я говорю серьезно, Васо Илларионович! Здесь нельзя купаться, – сказал Хамзат, улыбаясь мальчишеству друга.

– Не интригуй – я и так уже раздеваюсь! – сказал Эрбелиани, бросая на траву нижнюю рубашку.

В это время и Хамзат, и Алим увидели у него на боку большой шрам. Но сейчас расспрашивать Васо Илларионовича о том, где и когда он был так тяжело ранен, да слушать его интересный рассказ было не время. Надо было остановить Васо Илларионовича, всерьез намеревающегося искупаться в озере. Откуда он мог знать, что собою представляет Чириккель, что это необычное озеро, а слова Хамзата и Алима о некоторых

таинственных свойствах озера он, видимо, принял за розыгрыш. Хотя при первом взгляде Эрбелиани мог показаться несколько сухопарым и слабойильным, но он был довольно хорошего роста и чувствовалось, что силенки у него есть. Несмотря на это Хамзат, как бы между прочим, не спеша подошел к Васо Илларионовичу со спины и, внезапно обхватив его обеими руками за талию, не обращая никакого внимания на отчаянное сопротивление и крики: «Что ты делаешь? Не держи меня!», опустил того на землю, лишь оттащив от озера на приличное расстояние. К ним подошел Алим, улыбаясь, в руках он держал одежду Васо Илларионовича.

– Я же говорю серьезно – здесь нельзя купаться! Если тебе непременно хочется освежиться, искупаться – вон рядом река, пойдем туда, – голосом наставника, отчитывающего мальчишку-проказника, сказал Хамзат.

– Тогда так и надо сказать, а не хватать меня – я же испугался, что ты бросишь меня в озеро прямо в брюках, – сказал Васо Илларионович, словно мальчик, осознавший свой проступок и желающий скорее заглядеть вину.

– Я же тебе не грузинскую песню пою – говорю же ясно: в этом озере купаться опасно, человека затягивает на дно. Что тебе еще надо было?

– Не понял – а при чем здесь грузинская песня? – уже всерьез удивился Васо Илларионович.

– Балкарец не понимает слов грузинской песни, а потому частенько вместо: «Разве я говорю непонятно?» может сказать: «Разве я тебе грузинскую песню пою?»

Эрбелиани, улыбаясь, шутливо погрозил пальцем:

– Может быть, вам лучше будет теперь грузин особо и не задевать. Не забывайте, теперь вы в моих руках – не перестанете, могу загнать вас всех в ореховую скорлупу. Хватит и того, что озорничали до сих пор.

Хотя с тех пор, как они познакомились, прошло не так уж много времени, но, видать, стали уже хорошими друзьями, раз на такие темы могут свободно говорить друг с другом, смеясь и шутя.

– Это вы, озоруете, словно плутоватые коты, не считаясь и с принципами гостеприимства, совершаете набеги на наши отары, на лето перекочевывающие в Загорье, а мы, праведные слуги Аллаха, на такое не способны, – ответил Хамзат.

– Ну погоди! Вот вернемся назад, тогда ты у меня попляшешь! – пригрозил Васо Илларионович.

У Хамзата жена была грузинской княжной, и «угрозы» Васо Илларионовича, видать, были связаны с этим. Понял это, конечно, и Хамзат.

– Ради бога, хоть сегодня забирайте свою серпоносую сестру – если уж не смогу себе найти достойную спутницу жизни в Балкарии, пусть останусь неженатым, как Алауган, – ответил в том же тоне Хамзат.

– А кто теперь этот Алауган?

– В сказаниях есть такой джигит, долго оставался неженатым.

– Почему?

Хамзат что-то шепнул на ухо Васо Илларионовичу, и оба улыбнулись.

Так, шутя и беседуя, Эрбелиани оделся и путники засобирались в

дорогу. Проехав немного вверх, они опять перебрались на ту сторону реки вступили на дорогу, ведущую в Большую Балкарию. Некоторое время ехали по склону горы, заросшей густым лесом, потом лес кончился и дорога пошла по осыпающемуся крутому косогору, где кроме редких островков терновника, никакой растительности, можно сказать, и не было. Когда выбрались из леса, и Эрбелиани увидел, по какой опасной местности проходила дорога, несколько растерялся. Перед выездом Хамзат, припоминает теперь Васо Илларионович, что-то говорил о трудной дороге, но тогда он не только не придал этому значения, но даже, кажется, с обидой сказал: «Что ты меня пугаешь – не кавказец я, что ли?» А теперь, увидев, что дорога в Большой Балкарии совсем не похожа на горские дороги Грузии, что пролегли по зеленым косогорам, удивился – сравнивать их было все равно что сравнивать невские мосты Петербурга с мостом Сийрат. Ему казалось, что ехать по этой дороге верхом и надеяться на то, что конь где-то не споткнется и ты не полетишь вниз, где грохочет белопенная река среди громадных осколков скал, некогда, наверное, сорвавшихся сверху, и не разобьешься об одну из них, было равносильно тому, что надеяться на осечку, когда приставляешь к виску заряженный пистолет и нажимаешь на курок. Иногда Эрбелиани смотрит вперед, не спустится ли дорога хотя бы пониже, поближе к реке – но она, насколько мог видеть глаз, проходила на одном и том же уровне, ровно посередине зыбкого крутого косогора. Только то и дело она вовсе исчезает, словно какой-то злой гигант срезал куски дороги-ленты и сбросил вниз – это она уходит за своеобразные холмы, тянущиеся от реки аж до основания скал наверху. А глянешь наверх, еще полнее ощущаешь свою ничтожность и беспомощность – как только там, далеко-далеко наверху, заканчивается эта осыпь, на которой не только деревья, но даже маленькие островки травы и кустарников еле удерживаются благодаря невероятной цепкости и счастливой случайности, что оказались на более или менее устоявшемся участке, как бы поддерживая синюю чашу небосвода, стоят громадные красные, совершенно отвесные скалы, словно сказочные крепостные стены. Не дай бог не только сорваться с них, но даже просто оказаться на макушке, на краю пропасти. После того, как Васо Илларионович раза два, не удержавшись, глянул наверх, почувствовал, что голова слегка закружилась, поэтому он теперь лишь изредка смотрит то вперед, то на такие же скалы-крепости на той стороне ущелья, а большей частью едет, почти не поднимая глаз от дороги перед собой. Он всем своим существом прислушивался к шагу коня, постоянно думая о том, куда и как мгновенно прыгнуть, если вдруг тот споткнется. Нет, ни во время штурма Шипки, ни когда брали Плевну, не чувствовал он себя таким маленьким, совершенно беспомощным существом. И там, на Шипке, когда сражались, невероятно страдая от голода и холода, и под Плевной, когда шли на штурм не сквозь обычный дождь, а сквозь дождь из пуль и снарядов, он всегда оставался бесстрашным командиром, о храбрости которого говорила вся армия. Командующий армией Гурко всегда приравнял батальон Эрбелиани к полку. А здесь, сейчас перед ним едет человек, который стал ему дорог,

как брат родной, – Хамзат, сзади – сын самого лучшего друга, который под градом пуль вынес его, тяжелораненого, в безопасное место, нет ни войны, ни выстрелов, а всего его сковало какое-то необъяснимое чувство страха и беспомощности. Он сам себе кажется сейчас зайцем, за которым гонятся, след в след, длинноногие охотничьи собаки, барашком, у которого одним узлом завязаны все четыре ноги и положенным на алтарь жертвоприношения, мышкой, с которой играет сытая кошка. Иногда, стараясь избавиться от сковавшего тело и душу необъяснимого чувства, он шутливо говорит самому себе: «Ну, чего ты так уж трусил – все равно страшнее смерти ничего не случится!», но и это не очень помогает. Если б Хамзат знал, что Эрбелиани отродясь не ступал на такую дорогу, он бы, конечно, не ехал бы так беспечно, уж, по крайней мере, предложил бы спешиться и идти пешком, соврав для успокоения самолюбия Васо Илларионовича, что многие балкарцы из предосторожности на этом участке пути так именно и поступают. Но откуда он мог знать, что человек, родившийся и выросший на Кавказе, никогда не ходил по опасным горным дорогам?

На узкой горной дороге, когда приходится ехать гуськом, то никакой возможности скоротать время беседой не представляется, поэтому-то Хамзат почти и не оглядывается назад, а если иногда случайно и взглянет, то ни к чему и не присматривается, улыбнется лишь, как бы говоря: «Плететесь, да?» – и вновь продолжает свой путь.

Когда дорога позволила хотя бы сойти с коня, не рискуя скатиться вниз, Хамзат спешился.

– Хотя ты и кавказец, но верхом ездить тебе, наверное, приходится не часто – устал небось с непривычки, пойдем немного пешком? – предложил он.

– Пойдем, – согласился Эрбелиани, радуясь тому, что голос его звучит нормально, нисколько не изменился.

Сошедши с коня, Васо Илларионович сразу почувствовал облегчение, как будто они выбрались на большак – теперь-то, по крайней мере, его судьба не «в руках» коня, а в собственных, а раз так, уж он-то сам, слава богу, что бы ни случилось, не пропадет. Точно так же, как русские войска под Плевной, день за днем все туже сжимая кольцо блокады, победили-таки, наконец, турков, так и другие мысли-раздумья Васо Илларионовича мало-помалу одолели, загнали куда-то в дальний уголок души его трусливую мысль: «Неужели мы отсюда вернемся живыми?», и зорко за ней следили, чтобы она более и голоса подать не смела. Теперь в голову Васо Илларионовича приходят лишь такие мысли: «Почему, интересно, они забрались так далеко в горы? Неужели невозможно как-то расширить эту дорогу? Вот удивится Исмаил, когда мы внезапно свалимся к нему в гости. Счастливый – какой у него славный сын!» А когда впереди стали вырисовываться развалины некогда грандиозной крепости Зылгы, стоявшей в свое время неприступной стеной для врагов перед входом в заселенную часть ущелья, и Хамзат заявил, что тут же, за развалинами крепости и располагается селение Зылгы, первое селение Большой Балкарии, страх, сковавший душу и тело Васо Илларионовича в теснине ущелья, и вовсе

покинул его. Видно он, этот страх, как и всякая нечистая сила, боится людей, боится человеческого общения и теперь решил вернуться назад, в самое опасное место ущелья, чтобы поджидать следующего путника, впервые направляющегося в Большую Балкарию. Когда в правлении, что располагалось в селении Косфарты, неожиданно появились сразу и Васо Илларионович, и Хамзат, и Алим, у Исмаила от радости и удивления отнялся язык. Потом, придя в себя, со словами:

– Васо Илларионович! – кинулся в объятия своего друга. Они то и дело слегка отстранялись, вглядывались в лица друг друга, словно не веря своим глазам и вновь горячо обнимались. И Хамзат, и Алим стояли и смотрели на них, слегка улыбаясь.

Вскоре все четверо вышли из правления, сели на коней и направились вверх, в сторону Кюнньюма – где находился дом князей Аланбиевых. И в Косфарты, и в Тебен-эле, и в Мухоле, да и в самом Кюнньюме люди радушно приветствовали Исмаила, его почетных гостей и сына и с добрыми напутствиями провожали их. Не прошло еще и года, как Исмаил стал старшиной общества, да и ничего не припомнит, что сделал значительного для жамауата, но авторитет его почему-то среди народа заметно вырос. И особенно – после схода, где решались вопросы, связанные со строительством дороги. Конечно, сколько может, он старается облегчить судьбу бедных и слабых, но что он может? Все, что он может – это стать на их сторону, когда между ними и более сильными, зажиточными возникают споры по каким-либо имущественным делам, по выполнению условий договора по найму косарей, чабанов и других работников. Чем он еще может помочь? Да, в сущности, ничем, разве что добрым словом. «Куда идешь, доброе слово? – Душой овладеть!». Людям как раз больше всего и нравится в Исмаиле то, что они от него слышат добрые слова, видят в общении с ним его неподдельное уважительное ко всем простым людям отношение. Народ еще не видел такого старшины, который бы обо всей Большой Балкарии, о народе заботился бы точно так, как хороший горец, не зная покоя ни днем, ни ночью, заботится и печется о благополучии своей большой семьи. Исмаил был первым таким старшиной...

Аланбиевы приняли Эрбелиани со всем радушием, как самого желанного гостя, по-царски, как говорится в народе, – конечно, не потому, что он являлся главой и Балкарии, и Кабарды, а потому, что он вместе с Исмаилом прошел все круги ада в тяжкие годы войны, и они, два сына Кавказа, за тридевять земель от родных гор, стали по существу братьями.

– Что сын родной, что ты – никакой разницы для меня нет, оллахий так! – сказал Науруз-бий, как только узнал, что он, Васо Илларионович, и есть тот самый грузинский джигит, о котором не раз рассказывал Исмаил.

Когда перевели Эрбелиани слова старого князя, он встал и склонил голову перед Науруз-бием.

– Спасибо! – ответил он. – Исмаил спас мне жизнь и этим, хорошо или плохо, сделал меня своим братом. Пока жив, постараюсь быть ему

надежным братом, чтобы он всегда полностью полагался на меня. И тебя ничем я не буду отличать от отца родного.

Когда сказанное Эрбелиани перевели на балкарский, все удивились, так как никто, кроме Хамзата и самих, конечно, Исмаила и Васо Илларионовича, об этом еще не слышали и не знали, а потому тут же стали расспрашивать, где, как да при каких обстоятельствах. И Васо Илларионович тоже в свою очередь удивленно глянул на Исмаила – неужели, мол, ты ничего дома обо мне не рассказывал?

– Так он не рассказывал, что ли, вам, как вытаскивал меня с поля боя, когда тяжелораненый, я истекал кровью?! – спросил Васо Илларионович.

– О тебе, о твоей храбрости рассказывал много интересного, но об этом случае – ты сказал, мы услышали, а до сих пор ничего не знали, – ответил Науруз-бий.

После этого до самого вечера все с интересом слушали рассказ Васо Илларионовича, который по ходу переводил Хамзат, о том, как шли жестокие бои под стенами необычайно стойкой турецкой крепости Плевна день за днем, неделя за неделей чуть ли не все пять месяцев, как его, Васо Илларионовича, четырежды тяжело раненого пулями и осколками снарядов во время одного из бесконечных штурмов крепости, под градом пуль, вытаскивал с поля боя Исмаил, как потом наравне с врачами, сестрами милосердия выхаживал его в госпитале.

Васо Илларионовичу, Хамзату и Исмаилу постелили в одной комнате и они чуть ли не до первых петухов проговорили то о Русско-турецкой войне, то о взаимоотношениях грузин и балкарцев, то вообще о Кавказе, вспоминали Петербург, касались проблем Большой Балкарии, говорили и о детях, об их будущем. Узнав о решении жамауата Большой Балкарии начать строительство колесной дороги, Васо Илларионович был доволен этим и обещал всяческую поддержку и помощь.

– Как только вернусь, разузнаю все и о порохе, и об инженере. Надо об этом сообщить во Владикавказ, начальнику области и от него постараться что-либо урвать, – сказал он.

А что касается Алима, решили так – пусть до осени побудет дома, отдохнет, да и по родственникам, по отчему краю, небось соскучился. А до осени и Васо Илларионович освоится со своей работой, осмотрится, разузнает, что к чему, тогда и видно будет.

Юрий КЛЕЙБЕРГ

Боюсь ли я волнения встречи,
Стыжусь ли мыслей и стихов,
О чем задумался под вечер,
О тяжести ль мирских грехов?

Страдаю ли безумством жизни,
Живу ли я страданьем лишь,
Хочу ли позабыть про мысли,
Имею ль право позабыть?

Боюсь ли я волнения встречи,
Боюсь ли сердце я разбить,
Боюсь ли я банальной речи,
Боюсь?
Боюсь...
Боюсь!

Я не умею не любить,
Увы, тобою мне отмерен
Путь – все принять или забыть,
В чем был я искренне уверен.

Я не умею не страдать,
Боясь минуты расставаний.
Я не могу тебя не ждать
В дни не назначенных свиданий.

Я не умею забывать
Обиды, чаянья и страхи,
Не научился умирать,
Но каждый день стою у плахи.

Кружась над теплою землею,
Волнения нежное даря,
Кленовых листьев золотое
Вино течет из сентября.

Бордо ольховое заката
Висит, мерцая, над рекой.
И лета солнечное злато
Дарует радость и покой.

Оно ложится, расплескавшись,
На спины мокрых мостовых,
А те, как будто бы зазнавшись,
Спешат мгновенно сбросить их.

Веселых школьников ватага,
Их вождельенье суеты,
И ветра знойная отвага,
И отходящие цветы.

Туман, рождающий сомненья
И что-то главное тая,
И солнца странное рожденье
Из белого небытия.

Вот осени цветные краски,
Пора поэтов и богов,
То сказочной преддверье сказки,
Волшебных рифм и чудных снов.

Весенний лес звенит от пенья
И птиц, и трепетной листвы.
Слились и вечность, и мгновенье
В зеленой музыке любви.

В жемчужной сладостной слезинке
Я вижу светлый лик творца.
Ведет куда-то нас тропинка
Сближая души и сердца.

Я понял таинство и мудрость
Небесной жизни и земной.
Твои сиреневые кудри
Ласкает ветер озорной.

И я целую ландыш нежный
Твоей улыбки у берез.
Застыли травы безмятежно,
Сверкая радугою рос.

А солнце над лесною чащей
Моргает бархатом ресниц.
Улыбкой, излучая счастье,
Ты отвечаешь пенью птиц.

А соловьи безумно пели,
Журчал о чем-то нам ручей.
Играли, замирая, ели
На арфе солнечных лучей.

О, как хочу в любви забыться,
Воскреснуть птицей иль травой,
В лучах и звуках раствориться,
Но только, милая, с тобой!

Луна светилась вполнакала
На фоне звезд.
Тебя мне снова не хватало
В пучине грез.

И вдруг мелькнула и упала
Звезда в ночи.
Тебя во снах мне было мало,
Ну хоть кричи.

Опять придет желанный вечер
И этот час.
И снова, снова меня встретит
Сиянье глаз.

Сиянье глаз в ночи безмолвной,
Где нету слов,
И где пронзит, как блики молний,
Твоя любовь.

Утро

Я смотрю на лист календаря –
Времени безмолвного привета.
Ночь прошла. Дрожит в окне заря
Нежного и робкого рассвета.

Зябкий воздух тихо серебрит
Звучный шелест утренней тревоги.
Просыпаясь, мир уже манит
В дальние и трудные дороги.

Кабардино-Балкарии – с любовью

Два распахнутых сильных крыла
Понесли по вечерним просторам.
Я с торжественной выси орла
Увидал, как раскинулись горы.
Не пугая своей крутизной,
Скалы молча глядели в пространство.
Я открыл за горящей грядой
Первобытное дикое царство.
Там, внизу, мириады озер
И бурлящие быстрые реки,
Там седеющий спит косогор
И земля, утонувшая в снеге.
Там на солнце смеется ледник
И темнеют провалы ущелий,
К небу тянутся тысячи пик
Островерхих обветренных елей.
Вместе с ветром колючим парю,
Но полет, как мгновенье, недолог.
Обниму ледяную зарю –
И закатный пылающий холод
Два распахнутых свяжет крыла.
Закружусь на вечерних просторах,
И с торжественной выси орла
Я низвергнусь в холодные горы.

К 70-летию Бориса Зумакулова

**В феврале 2010 года
исполняется 70 лет доктору исторических наук,
профессору, председателю Общественного совета нашего журнала
Борису Мустафаевичу Зумакулову**

В ряду организаторов и создателей научной, образовательной и профессиональной социальной работы в нашей республике возвышается колоритная фигура Бориса Мустафаевича Зумакулова, видного ученого, государственного и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора кафедры технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета, известного правозащитника России и Кабардино-Балкарии, Уполномоченного по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике. В 1997 году, в числе первых, он был избран действительным членом Академии социального образования, является членом Международной академии социальной работы (IASW), членом-корреспондентом Петровской академии наук (Санкт-Петербург).

**Зумакулов
Борис Мустафаевич**

Борис Мустафаевич прошел большой жизненный путь, полный научного творческого труда. Интерес к науке он проявил еще в годы учебы в КБГУ, являясь председателем научно-студенческого общества историко-филологического факультета. После окончания университета с отличием Б. М. Зумакулов приглашается на комсомольскую и партийную работу. Был секретарем, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ (1962–1972), первым заместителем председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации (ЦК ВЛКСМ) (1972–1975), заведующим отделом, секретарем, вторым секретарем, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1975–1991), министром труда и социального развития КБР (1992–2001), председателем Избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики (2001–2007), с июля 2007 г. по настоящее время является Уполномоченным по правам человека в КБР. В 1985–1986 гг. был советником в Афганистане. Является ветераном боевых действий. Б. М. Зумакулов избирался депутатом Верховного Совета КБАССР 6-ти созывов, делегатом трех съездов ВЛКСМ, двух съездов КПСС, был членом ЦК ВЛКСМ, членом Контрольно-ревизионной комиссии КПСС.

Много сил и труда Б. М. Зумакулов приложил к организации и становлению принципиально новой для России профессии – «социальная

работа». Начало профессиональной социальной работы в РФ и в КБР пришлось на годы, когда он возглавил министерство труда и социального развития КБР. При его непосредственном участии создавалась, на базе имеющихся учреждений, новая структура управления социальной защиты населения, осуществлялась разработка и внедрение новой законодательной и нормативной базы, адаптированной к региону и новым реалиям практики социальной помощи, перепрофилирование тарифно-квалификационных характеристик работающих. С первых дней эта работа была поставлена на научную основу, поскольку он в те годы плодотворно занимался исследованием проблем региональной социальной политики. Много внимания он уделял вопросам интеграции науки, образования и практики социальной деятельности, привлекал ученых университета к организации социального мониторинга качества социального обслуживания. Впервые в практике российских вузов при министерстве был открыт филиал кафедры технологии социальной работы, который успешно функционирует и в настоящее время.

Научная и педагогическая деятельность Б. М. Зумакулова в области социальной работы тесно связана с Кабардино-Балкарским государственным университетом. Он является профессором кафедры технологии социальной работы. Его труды по широким проблемам истории, социального права, теории и технологии социальной работы, социального образования и большой интерес к ним среди аспирантов, докторантов и студентов подчеркивают высокий авторитет и широту научных интересов Б. М. Зумакулова как ученого и педагога. Он автор 10 фундаментальных трудов, более 100 научных статей, учебных пособий и методических разработок, среди которых особый интерес представляют: «Государственная социальная по-

Президент Кабардино-Балкарской Республики Арсен Баширович Каноков
и Борис Мустафаевич Зумакулов

литика и особенности ее реализации в Кабардино-Балкарской Республике» (Нальчик, 1997); «Реабилитация балкарского народа. История, проблемы, решения» (Нальчик, 2008); «Государственная социальная политика РФ и региональные особенности ее реализации в условиях трансформации общества (80–90 годы)» (Нальчик, 1998); «О положении пожилых людей и инвалидов в КБР. Информационно-аналитический сборник» (Нальчик, 1999); «Рынок труда в условиях трансформации общества» / Становление и развитие рынка труда в КБР (Нальчик, 2002); «Из новейшей истории балкарского народа» (Нальчик, 2003); «Институт выборов в истории Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 2005); «Права человека в Кабардино-Балкарской Республике» (Нальчик, 2008); «Правозащитная деятельность в Кабардино-Балкарской республике (опыт, проблемы, решения)» (Нальчик, 2009); «Командировка на войну (проблемы афганской революции)» (Нальчик, 1992); им подготовлены учебные и учебно-методические пособия. Он автор проекта и составитель ряда научно-познавательных изданий, среди которых: «Говорил тихо – слышали все» (Нальчик, 2000); «Час испытаний (Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа)» (Нальчик, 2001); «Соль земли нашей» (Нальчик, 2002); «Играл Билял, и оживали камни» (Нальчик, 2001) и др.

Научная компетентность и высокая эрудиция выдвинули Бориса Мустафаевича в число наиболее авторитетных и востребованных ученых-историков в Северо-Кавказском регионе. Он является членом диссертационных советов Кабардино-Балкарского государственного университета, Пятигорского государственного технологического университета (заместитель председателя), готовит научные кадры. Под его руководством защищались десятки докторов и кандидатов наук из многих республик Северного Кавказа. В своих научных изысканиях молодые аспиранты пользуются его добрыми советами и наставлениями. Он много выступает с лекциями, работает над новыми научными трудами. Борис Мустафаевич – председатель Общественного совета журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Член редакционной коллегии научно-теоретического журнала «Научные проблемы гуманитарных исследований». Многогранна деятельность Б. М. Зумакулова в должности Уполномоченного по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике. Признание широкой ответственности республики получили разработанные им социальные проекты по защите прав и интересов детей-сирот, детей-инвалидов, участников техногенных катастроф, пожилых и старых людей, военнослужащих, людей, находящихся в местах лишения свободы. Высокие деловые качества и принципиальность в постановке правозащитной работы приносят свои положительные результаты.

Государственная, общественная, и научная деятельность Б. М. Зумакулова отмечена пятью орденами и многими медалями СССР и РФ, орденом и медалью республики Афганистан, ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики», он награждался многими почетными грамотами. Неоценимы заслуги Б. М. Зумакулова в деле сохранения мира, межнационального согласия, сохранения единства и целостности Кабардино-Балкарии. Высокий авторитет Б. М. Зумакулова

С известным правозащитником из Санкт-Петербурга А. Г. Аракелянном
в аппарате Уполномоченного по правам человека в г. Нальчике

основывается не только на широте научного диапазона и многогранности деятельности. Он подкрепляется его человеческими качествами. Исключительная отзывчивость, глубокая внутренняя культура, деликатность и порядочность во всем, доступность и простота в общении вызывают уважение и восхищение всех, кто его окружает.

Б. М. Зумакулов еще полон сил и творческой энергии!

*Коллектив редакции, редакционная коллегия
и Общественный совет журнала желают юбиляру здоровья
и плодотворной научной деятельности!*

Многие Вам лета, уважаемый Борис Мустафаевич!

Владимир ВОРОКОВ

Боречка

Так я его называю. Если, конечно, мы в неофициальной обстановке. Давно ли я его знаю? Кажется, что всегда.

В университете, будучи заместителем секретаря комитета комсомола, я сидел как-то в нашем огромном комсомольском кабинете. Совсем один. В дверь заглянул худенький чернявый мальчонка. И сразу же захлопнул ее. Через какое-то время эта процедура повторилась. Я вышел в коридор и завел того мальчонку в комсомольскую комнату.

– Ты чего-то хотел? – спросил его.

Он что-то мямлил, заикался.

В конце концов я выяснил, что мальчик хочет узнать, поступил ли он в университет.

– Пошли! – сказал я и повел его в приемную комиссию, членом которой являлся.

– Как фамилия? – спросил мальчонку.

– Чья?

– Твоя, конечно.

– Зумакулов... Борис... Мустафаевич.

Я проверил списки и обнаружил фамилию Зумакулова в числе поступивших в университет. Так состоялось наше знакомство. Потом я долго не встречался с Борисом Мустафаевичем. Он учился, я работал.

И вдруг узнаю, что тот самый худенький мальчик избран первым секретарем обкома ВЛКСМ Кабардино-Балкарии.

В какое-то время Зумакулов был моим непосредственным начальником, став заведующим отделом агитации и пропаганды обкома КПСС. Очень высокий пост, большая ответственность. Здесь-то наши пути сошлись неоднократно – я снимал фильмы о Кабардино-Балкарии для всех центральных каналов. Наверное, фильмы хорошие, т.к. они побеждали практически на всех фестивалях нашей огромной страны. Все было бы хорошо, но руководство нашей республики хотело активно вмешиваться в творческий процесс. Я этого не мог допустить. Тогда фильмы потеряли бы индивидуальность, лиричность, запах гор и альпийских лугов...

Борис Мустафаевич стал буфером между мной и бюрократической машиной.

– Ну не горячись ты! – умолял он меня. – Все будет хорошо. Они забудут. И тогда делай, как пожелаешь.

А как было не горячиться? Фильм «Чабанский хлеб» о Салихе Атагаеве направили на кинофестиваль в Лейпциг. Но из Нальчика пошла телеграмма.

– Мы против показа фильма в Лейпциге. Там чабаны пьют айран из деревянных чашек. Что, стаканы не могли для них купить?

Если бы не Зумакулов, я бы уехал из республики. Меня приглашали на многие студии. Он убедил, что этого делать не стоит. И я не жалею, что остался.

Борис Мустафаевич младше меня, но давал мне советы мудрые. Они, эти советы, помогали.

Зумакулов опытный политик, дипломат, а главное – человек порядочный. Я о нем могу сказать – аристократ в политике. Оказывается, и такое случается.

Приведу один пример его человечности. Отец мой, Халид Патович Вороков, в прошлом нарком, министр, уйдя на пенсию, заболел. Понадобились консультации врачей в Москве. Но кому нужен пенсионер? Вспомнил я о Борисе Зумакулове. Он тогда работал в ЦК ВЛКСМ.

– Какой разговор, – заверил он. – Везите. Встречу. Все устрою.

И действительно, встретил, устроил, проявил сыновью заботу о моем родителе. Как такое забыть?

Последние годы мы чаще стали встречаться, перезваниваться. Потребность такая появилась.

Борис Зумакулов среди афганских крестьян провинции Баглан. 1985 г.

Как я беспокоился, когда его направили в воюющий Афганистан! Писал ему, посылку отправил.

Сегодня о его командировке на войну кое-кто говорит: «А что? Он там не воевал. Что там делал?» Вот бы этих болтунов в такую командировку! Каждый день под прицелом врага, на мушке бандитов.

Выжил, выстоял, вернулся к семье, к друзьям, на родину вернулся.

Недавно снимал передачу о Борисе Мустафаевиче.

– У тебя награды какие-нибудь есть? – спросил его.

– Да так... Кое-что...

– Принеси это «кое-что».

И он принес: два ордена Почета, три Ордена Дружбы, афганские ордена, еще ордена и медали.

– Думаю, ты самый орденосный человек в республике, сказал ему.

– Не знаю, – ответил мой друг Боречка.

– А это что? – указал на холодное оружие в дорогах ножнах.

– Пуштунский боевой меч, – ответил Зумакулов. – Этой наградой дорожу более всего.

Сегодня Борис Мустафаевич на острие востребованности. Он нужен людям. Очень нужен. Особенно в той должности, которую ныне занимает – Уполномоченный по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике.

Есть у нас с Боречкой еще одно связующее звено. У нас с ним одна сестра – Танзиля. Великая поэтесса СССР, России, Кавказа, а может, и Кабардино-Балкарии (в своем отечестве пророков не бывает). Она моя названная сестра.

– Я вас с Боречкой не разделяю, – говорит она.

А что нас делить? Мы и с Боречкой братья.

Башир ХУБИЕВ,
доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
теории социальной работы КБГУ

Региональная социальная политика в исследованиях Б. М. Зумакулова

(к 70-летию со дня рождения)

Взяться за перо, если говорить литературным языком, чтобы осветить научный творческий путь Бориса Мустафаевича Зумакулова, не так просто. Он относится к числу редких ученых Кабардино-Балкарии, кто достойно представляет и науку, и образование, и государственную службу, и правозащитную деятельность, партийную и общественную работу.

На всех должностях Борис Мустафаевич оставлял след человека компетентного, делового, принципиального, с чувством высокой ответственности, всецело отдающего себя избранному делу.

Весьма заметный след Борис Мустафаевич Зумакулов оставил и в исторической науке. Одним из первых в постсоветской отечественной исторической науке он поставил проблему социальной политики России, поставил и осветил как комплексную научную проблему. В данной области научного знания его имя выделяется среди ученых Кабардино-Балкарии и всего северокавказского региона. Борису Зумакулову принадлежат 10 фундаментальных трудов и более 100 научных статей по самому широкому кругу проблем социальной истории, социальной политики, социального права, социального образования, теории и технологии социальной работы, которые подчеркивают широту его научных интересов.

Исследование проблем государственной социальной политики в постсоветской России в их региональном измерении относится сегодня к числу наиболее актуальных в исторической науке. На основе глубокого знания теории социальной политики и новой методологии исторических исследований Б. М. Зумакулов разрабатывает подходы концептуального характера к созданию новой социальной политики, адаптированной к условиям российских реформ. На этой концептуальной основе раскрываются сущность, структура, базовые составляющие социальной политики, ее взаимодействие с экономической, социальной и другими сферами общества.

В начале 90-х годов стала очевидной радикальная смена векторов социального развития России, лежащих в основании ее экономических и социальных компонентов. Менялась политическая система. Идеология и духовная жизнь в целом характеризовались отторжением от них широких народных масс. Принципиально менялась и социальная политика государства. В этой ситуации исследовательская парадигма наук на марксистской методологии оказалась малопродуктивной. Новая методология исторических исследований только складывалась.

В таких условиях, исследуя социальную политику России, Б. М. Зумакулов впервые в исторической науке выдвигает концептуальную посылку: «Логика позитивной ориентации социальной жизни, – пишет он, – требует построения новой концепции социальной политики, способствующей оптимизации социальных процессов в обществе, совершающем переход к рыночной экономике». По его мнению, такая концепция должна была обеспечить достаточный, с точки зрения прогресса общественного развития, уровень благосостояния, гарантировать рост экономики и социальную защищенность, социальную мобильность для всех слоев населения.

Исследуя теоретико-методологические аспекты формирования социальной политики, Борис Мустафаевич выделяет как базовые три основных метода исследования: исторический, многомерно-диалектический, социогенетический. Тем более что и принцип историзма, и принцип многомерно-диалектический, и социогенетический подход не противоречили переходному состоянию методологии исторических исследований: от марксистской (формационной) к современной (цивилизационной). Кроме того, демонстрируется удачное сочетание общенаучного и практико-ориентированного анализа.

Следует отметить, что приведенные методы исследования, наряду с другими (сравнительный анализ развития, детерминизм) во всех исследованиях по проблемам социальной политики были тщательно проработаны. Например, как это видно в работе «Государственная социальная политика и особенности ее реализации в субъектах Российской Федерации в условиях трансформации общества (80–90-е гг.)», принцип историзма позволил ему глубоко раскрыть, на большом историческом отрезке, основные этапы становления отечественной социальной политики как организованного вида деятельности государства.

С точки зрения новой методологии исследования проблем социальной политики, особый интерес представляет использование принципа комплексности, через призму которого и только возможно было разобраться в категории «социальная политика». Комплексное понимание социальной политики как объекта научного познания и практики позволяло раскрыть ее сущность и место на начальном этапе становления рыночных отношений, познать закономерности ее реализации. В частности, и сегодня остается актуальной концепция необходимости «признания значимости принципа эффективного и гуманного государственного регулирования рынка, на котором зиждется практика наиболее продвинутых в экономическом отношении стран мира». Государственное регулирование рыночной экономики, как считает Б. М. Зумакулов, как закономерное условие стабильности любой экономической системы, должно было значительно «повысить эффективность социальной политики и ее влияние на развитие социальной сферы, уменьшить социальные издержки реформ». В этой связи возникала необходимость исследования диалектики взаимодействия рыночных отношений и социальной политики, сущности социального государства и его законодательных основ. В результате анализа он приходит к выводу о том, что вместо введения системы государственного регулирования рыночной экономики был разрушен экономический по-

тенциал страны. Несформированная законодательно-правовая система создала условия для коррупции, формирования мафиозных структур, безответственности и безнаказанности за экономические и другие преступления со стороны должностных лиц. Государство как бы отказалось от собственного народа.

В этой связи в своих исследованиях он особое внимание уделил проблеме теоретического обоснования принципов правового государства, имея в виду, что только в условиях правового государства и гражданского общества можно искоренить коррупцию и экономические преступления.

По данной проблематике дается авторская трактовка сущности правового социального государства. Прежде всего, отмечает он, «сущность социального государства нельзя видеть в патернализме государства, которое как бы снимает жизненную нагрузку с человека и все берет на себя. Подобная попытка, предпринятая в условиях социализма, не принесла ожидаемых результатов».

Хотя совершенно очевидно, что государство, а тем более социальное, не может самоустраниться от создания соответствующих экономических и правовых условий как основы социального права и важнейшего проявления «социальности» правового государства. Смена парадигмы социального развития, т. е. переход от коллективистских оснований организации общественной жизни к индивидуалистическим, в свою очередь, порождает не меньше проблем для самого государства и общества в целом. Государство не может строить социальную политику только как

Друзья и единомышленники (слева направо):

композитор Джабраил Хаупа, главный художественный руководитель и дирижер симфонического оркестра, народный артист РФ Борис Темирканов, член общественной палаты РФ Пшикан Таов

«свободу для сильных»; рядом должно развиваться «социальное право для слабых». В этом состоит сущность правового государства. Как пишет Б. М. Зумакулов, вопрос ставится так: «Государство должно создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. Последнее содержит в себе общественно значимый смысл, и общество обязано нести свою часть ответственности за состояние и уровень каждого человека». С точки зрения социального права – стержня социальной политики, основным критерием оценки любой стратегии социального развития должна являться ее польза для всех и каждого.

Государственная социальная политика в современном обществе должна осуществляться не ради реализации реформ как таковых, а главное – для создания и развития социального капитала как предпосылки возрастания капитала экономического. Во главу угла всей социальной политики государства, пишет он, должен быть поставлен человек с его проблемами, интересами, заботами. «Жизнь и судьба человека должны быть в центре внимания государства и общества, – отмечает Борис Мустафаевич, – ибо именно человек является «мерой всех вещей». Через все исследования красной нитью проходит мысль о том, что социальная политика, осуществляемая в интересах своего народа, не может быть безнравственной, ибо ее цели и средства гуманистичны. Или, наоборот, социальная политика, подчиненная «корпоративным интересам узкой группы корыстных властолюбцев – это безнравственная политика. Она ведет к обогащению и процветанию одних за счет ограбления и разорения других... Она пагубно сказывается на динамичном функционировании и консолидации общества...»

Следует особо подчеркнуть, что концепция «социогенетического подхода» в науке о социальной политике впервые была реализована Б. М. Зумакуловым как метод интерпретации социально-политической реальности на региональном уровне.

Региональному составляющему социальной политики России, проблемам взаимоотношений федерального центра и региона посвящены несколько работ. В них поднимается целый пласт нерешенных или слабо освещенных научных проблем. В своих исследованиях Б. М. Зумакулов неоднократно подчеркивает, что социальная политика будет действенной лишь при учете социокультурных особенностей регионов. Для регионов характерны различные типы хозяйственного уклада, со своей ментальностью и культурно-исторической неоднородностью, они различаются системой ценностей, социальной ориентацией, поведением людей. Игнорирование регионального многообразия социальной политики может стать причиной глубоких социальных кризисов. Он пишет: «Федеральному центру при определении своей социальной политики нельзя не учитывать стартовые условия вхождения того или иного региона в рыночную экономику, исторически сложившуюся множественность традиций в хозяйственном плане, обусловленную экономико-географическими особенностями».

Рассматривая структурные элементы социальной политики, Б. М. Зумакулов в своих исследованиях особый акцент делает на раскрытии сущ-

ности и содержания института социальной работы, которая рассматривается как «полисферный вид социальной деятельности» и представляет собой специфические механизмы реализации цели социальной политики. На большом фактологическом материале, главным образом впервые вводимого в научный оборот, во всех работах обстоятельно проанализированы основные аспекты функционирования института профессиональной социальной работы в КБР.

Начало создания специальности «социальная работа» в РФ и в КБР пришлось на годы, когда он возглавил министерство труда и социального развития КБР. При его непосредственном участии, на базе имеющихся учреждений создавалась новая структура управления социальной защитой населения, осуществлялась разработка и внедрение новой законодательной и нормативной базы, адаптированной к региону и новым реалиям практики социальной помощи, перепрофилирование тарифно-квалификационных характеристик работающих. С первых дней эта работа была поставлена на научную основу, поскольку он в те годы плодотворно занимался исследованием проблем региональной социальной политики и защитил докторскую диссертацию.

Борис Мустафаевич был первый, кому президентом КБР А. Б. Каноковым было поручено создать институт Уполномоченного по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике. Он поставил и эту работу на научную основу. Разработанные под его научным руководством социальные проекты по защите прав и интересов детей-сирот, детей-инвалидов, участников техногенных катастроф, пожилых и старых людей, военнослужащих, людей, находящихся в местах лишения свободы и др., получили признание широкой общественности республики.

Борис Мустафаевич имеет много учеников. Под его руководством защищались десятки докторов и кандидатов наук из многих республик Северного Кавказа. К ним, в частности, относятся А. В. Казначеев, ректор Пятигорского государственного технологического университета, А. И. Тетув, заместитель директора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, А. Х. Сабанчиев, профессор КБГУ. Его заслуги в исторической науке отмечены присвоением звания заслуженного деятеля науки КЧР.

Исследования Б. М. Зумакулова по проблемам региональной социальной политики являются важным вкладом в отечественную науку, могут стать методологической базой для дальнейших исследований этой сложной научной проблемы.

В 1999 г. Б. М. Зумакулов успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «Государственная социальная политика и особенности ее реализации в субъектах Российской Федерации в условиях трансформации общества (80–90-е гг.)». Защита состоялась на диссертационном совете Российского государственного социального университета, ведущего вуза страны в области социальной

работы, когда председатель Совета академик РАН В. И. Жуков дал высокую оценку представленной докторской работе Б. М. Зумакулова.

Глубокоуважаемый Борис Мустафаевич!

Ученый Совет Социально-гуманитарного института КБГУ, диссертационный совет по историческим наукам КБГУ, кафедры теории и истории социальной работы и кафедры технологии социальной работы сердечно поздравляют Бориса Зумакулова – видного ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора, академика Академии социального образования России с 70-летним юбилеем. Он внес и вносит весомый вклад в развитие исторической науки, в становление научной, образовательной и профессиональной основы социальной работы в северокавказском регионе, в гармонизацию межнационального согласия и защиту личных прав человека.

*Х. Б. Мамсиров – директор СГИ,
К. Ф. Дзамихов – председатель диссертационного совета,
Б. Б. Хубиев – зав. кафедрой теории и истории социальной работы,
З. А. Шогенов – зав. кафедрой технологии социальной работы,
Л. Елеев – заслуженный работник социальной защиты населения КБР,
доцент КБГУ*

Человек, зараженный активизмом

Политик, руководитель, ученый, правозащитник – и это не полный перечень деятельности, которыми занимается доктор исторических наук, профессор Борис Мустафаевич Зумакулов.

Впервые я услышала о Борисе Мустафаевиче Зумакулове, когда он работал первым секретарем обкома ВЛКСМ республики. Позже, в середине 80-х годов, я была приглашена на работу в университет марксизма-ленинизма. Борис Мустафаевич в эти годы работал первым секретарем обкома КПСС и курировал деятельность вышеназванного университета. Преподаватели и слушатели отзывались с большим уважением о Борисе Мустафаевиче, подготовка слушателей в университете марксизма-ленинизма осуществлялась на высоком идейно-теоретическом уровне. Заслуга в этом была Бориса Мустафаевича.

В 90-х годах я работала заведующей кафедрой социальной педагогики в ИПК, а Борис Мустафаевич возглавлял министерство труда и социального развития. Узнав, что по его инициативе открыта новая специальность – «Социальной работы», при юридическом факультете КБГУ, я с первых дней этой специализации преподаю вместе с Борисом Мустафаевичем у социальных работников. С ним легко работать, общаться и находить поддержку.

Борис Мустафаевич – ученый, находящийся в вечном поиске истины. Он в науке, как в жизнедеятельности, не стоит на месте. Его научные труды пронизаны реалиями жизни, профессиональной деятельности. Борис Мустафаевич исследует то, что является актуальным не только на сегодняшний день, но и заглядывает в далекое будущее. С особой щедростью он делится своими научными изысканиями, каждый изданный им научный труд становится достоянием не только его коллег, но и тех, кто не безразличен к поднимаемой им проблеме.

Величие Бориса Мустафаевича Зумакулова заключено в огромной любви к людям. Этот мудрый, дальновидный политик, общественный деятель, ученый и сегодня в строю, на страже прав человека. Думаю, что для Бориса Мустафаевича смысл жизни в том, чтобы творить добро, по первой необходимости спешить на помощь людям, поддерживать их в трудную минуту, радоваться их успеху.

*Н. В. Кильберг-Шахзадова,
доктор философских наук, профессор КБГУ*

Человек высокой нравственности, честности, благородства

С доктором исторических наук, профессором Борисом Мустафаевичем Зумакуловым я познакомился заочно за три года до своей защиты, когда вышла моя первая книга «Очерки о терском казачестве». Тогда, не будучи еще знакомым с ним лично, я узнал от очевидцев, как Борис Мустафаевич высоко отзывался о моей работе и советовал студентам университета обязательно ознакомиться с моими очерками, чтобы лучше понять феномен казачества.

Личная моя встреча с Борисом Мустафаевичем произошла незадолго до предзащиты моей диссертации, в феврале 2006 года. Что такое предзащита, не нужно объяснять тем, кто через нее проходил в своей жизни хоть раз. Сколько нервного напряжения, сколько эмоциональных всплесков переживает соискатель, невозможно передать словами! Именно тогда ангелом-спасителем стал для меня Борис Мустафаевич. В тот судьбоносный для меня день он в своем слове к диссертационному совету высоко оценил мою работу и обратился к присутствующим со следующими словами: «С данной диссертацией я ознакомился внимательно, автор проделал колоссальную работу. Защита диссертации по казачеству на нашем Совете имеет принципиальное значение». Эти слова были решающими. С того памятного для меня дня Борис Мустафаевич навсегда стал человеком, подарившим мне надежду, Человеком высокой нравственности, честности, благородства.

*Э. В. Бурда,
кандидат исторических наук*

Алим БАЛКАРОВ

**В ПОИСКАХ ИСПАНСКОЙ
ЛЮБВИ**

Главы из повести

Все сюжеты в мире говорят о смерти.
Смерть – самый лучший сюжет в мире. После любви.

*Вим Вендерс, фильм
«Положение вещей»*

Я не оправдываю себя, ведь душа побуждает ко злу,
если только не помилует Господь мой.

Коран. Сура 12, «Юсуф»

– И что сказал мальчик?

–

– Я правильно понял? Мальчик?

– Да.

– И что он тебе сказал?

–

– Не хочешь говорить?

– Да не надо записывать! Я же говорю, что вы не поверите. И не поймете.

– Так положено. Потом, как предлагаешь верить и понимать, когда сначала у тебя мужчина, а потом вдруг мальчик? А?

–

– Хорошо, давай с того места, где мальчик. Что конкретно он тебе сказал?

– Много чего.

– Я потому и спрашиваю: что конкретно?

– Например, что у меня будет покалечена нога.

– Понятно, а еще?

– ... Так, короче, все, я отказываюсь от дачи показаний!

– Извини, извини, это не допрос, сам знаешь!

– Да вы ведете допрос! Вы кто вообще, врач или следователь?

– Я? Ты сам прекрасно знаешь, кто я.

– Ну а что тогда себя так ведете?

– Все, ладно, успокойся! Успокойся! Вот так. Хорошо. Нам с тобой это нужно.

– ... Вы же не поверите, если я скажу, что мальчик сказал мне, что я особенный.

– Избранный, что ли?

– Нет, избранный – это другое. Я не избранный. Есть большинство, которые живут, как хотят, а есть другие, немногие.

– Так, а что же в тебе особенного? Ну, что мальчик по этому поводу сказал?

– Я спросил его, можно ли меня простить.

– А он что?

– А он ответил – «сумей себя простить».

– За что, за то, что ты сделал?

– Да.

– А ты сможешь простить себя?

– Нет.

– Тогда в чем смысл?

– В том, чтобы идти по этому пути.

(Щелчок. Остановка записи.)

Она знала теперь, что любовь бывает разная, что их как бы две: первая – это любовь хорошая и спокойная, от которой создаются семьи и рождаются дети; другая – любовь плохая, которая приносит только несчастья.

В его вещах она нашла то, что он пытался все это время прятать от нее, долго сидела и глядела на это, и чередой неотвязных мыслей снова и снова возвращала ее к одному и тому же вопросу: почему это с ней произошло и в чем она виновата?

Потом набрала его номер.

– Приезжай! – сказала она.

– Я не могу сейчас.

– Нет, ты не понял. Ты приедешь! Сейчас! Потому что это уже не игры. Они кончились!

Наступило молчание.

– Я дома, – она не ждала его ответа, – и у меня в руках то, что ты прятал в своей сумке. Это все.

Она отключила связь, бросила трубку на диван и стала ждать его в последний раз.

Они познакомились в родном селе. Она кончала школу, а он был на год старше. Понравились друг другу, стали общаться, и потом он объявил, что больше не позволит, чтобы она разговаривала с кем-либо другим, и отныне не разрешает ей даже отвечать на внимание и звонки других парней. Так положено, она это знала. Это означало, что отныне он ее парень.

Она была не против. Он был красив, из хорошей обеспеченной семьи, учился в Нальчике в Академии, был неглуп. Она посчитала, что ей повезло, потому что парни сплошь да рядом были озабочены какими-то непонятными делами, но только не делом. А ее Азамат по всему был парень серьезный и хотел многого в жизни достичь и многое для этого делал. В селе немного было таких, как он, поэтому она была довольна, что внимание он обратил на нее, тогда как многие девочки вокруг и тайно и явно ему симпатизировали.

А спустя какое-то время (возможно, благодаря этому повышенному

вниманию других девушек к ее Азамату) Индира обнаружила, что ее парень не просто привлекателен, а и обладает необычной красотой, связанной с чем-то неясно-волнующим, что он из тех, кто невольно и легко разбивает сердца. Поначалу ей даже звонили какие-то незнакомые девушки и очень невежливо требовали, чтобы она «отстала от него». «Ты же даже некрасивая!» – пытались ее обидеть. Она тоже «невежливо» отвечала, что это не их дело. Хотя в чем-то это ей даже нравилось – создавало невидимую атмосферу постоянного напряжения вокруг, отчего их личные встречи и разговоры становились глубже и радостнее.

Да и неправы были звонившие – Индира была красива. Пусть и не так броско и вызывающе, как многие видные красавицы на селе, но красива. Она была невысока, мила, проста и обаятельна. Этого было достаточно для ее уверенности, что именно из таких, как она, получаются хорошие жены и матери.

Ей нравилось, что ее парень умный и видный, и нравилось, что сама она даже слегка простовата в сравнении с ним; он же, очевидно, любил в ней эту простоту. Они были хорошей парой.

Она помнит конец сентября, автовокзал в Нальчике, моросит первый осенний холодный дождик, спуют люди, в основном молодые – студенты и студентки – шумно, холодно. Она впервые осторожно берет его под руку, вскидывает на него милый темноглазый взгляд, будто извиняясь (можно?). Ей становится хорошо, тепло, спокойно. К перрону резво подкатывает «Газель» – их маршрутка, люди в спешке тут же заполняют все тринадцать мест. Они не успевают. Да и не торопятся. Смотрят друг на друга, смеются. Куда спешить?

Наконец они рядом в прогретом салоне микроавтобуса. Она чуть слышно рассказывает ему свои дневные впечатления – вот уже третья неделя, как она студентка колледжа. По салону весело перебрасываются шутками молодые ребята, конечно же, чтобы привлечь внимание девушек. А в окнах мелькают мокнущие поля, лесополосы, затем начинают вздыматься холмы: скоро родное село.

Он провожает ее до ворот. Тут, наконец, она просит у него позволения сходить сегодня на вечер к подружке. «Что за вечер?» – строго интересуется он. (Конечно, все это по большому счету игра, и они оба это знают.) «Ну, в честь ее поступления. Она очень просила!» Разумеется, он не сразу соглашается, ему не нравится, что там будут другие парни.

А потом перед сном они долго говорят по телефону. Она рассказывает, что на вечере было совсем невесело, что девочки были слишком все чопорные, а парни все какие-то крикливые, и что ей вообще хотелось поскорее покинуть посиделки, потому что она там скучала. Завтра они увидятся снова. Она счастлива.

Конечно, они ссорились. И, конечно, поводы к этому были слишком серьезны: то слишком долго был занят ее номер, то, наоборот, он слишком уж долго стоял, беседуя, с какой-то знакомой девушкой. А однажды она решила не прощать ему, что в пылу таких очередных разбирательств он сгоряча обозвал ее дурочкой. Эта была, пожалуй, самая серьезная временная размолвка.

Ему приходилось изо дня в день «бомбить» ее телефон sms-ками, в которых он настойчиво объяснял, что сказано это им было случайно и, вообще-то, ласкательно, что именно поэтому она ему и нравится, то есть потому, что она хорошенькая и что в своей Академии он ежедневно видит девушек, которые строят из себя таких заумных, а на самом деле он даже смотреть на них не хочет, потому что она, Индирочка, нравится ему такой, какая есть, то есть пусть и глупенькой, но это сам он глупее в сто раз, а ее глупость – это и есть самый главный ум на свете, а он вообще сейчас сам поедет и потребует положить его в «Дубки», в палату к самым ненормальным, потому что как он смел вообще обидеть свою Ласточку, а чтобы ему поверили, что он и правда ненормальный, он сейчас съест свой телефон...

В общем, смысла она уже не улавливала, но общий строй этих покаянных сообщений в конце концов начинал ее смешить, она таяла. Они мирились. Таковы были правила.

Ее Азамат был вообще очень напористым парнем. И целеустремленным в вопросах будущего. На зимних каникулах по какому-то газетному объявлению он отправился в одну частную фирму, и, конечно, его взяли с первого раза. А потом совсем за короткое время он смог сделать ей первый серьезный подарок – золотой перстенок с камушком, как и положено, в коробочке с этикеткой.

Это событие почему-то взволновало ее необыкновенно. Золотая вещица, пусть и недорогая, означала в ее судьбе некий этап – во всяком случае, так она рассудила. Появление золота в их отношениях заставило ее принять обстоятельство, что детство и его кусочек под названием юность остались позади, а впереди теперь что-то неведомое, волнующее и обязательно хорошее.

В студенческом кафе, куда он привел ее, чтобы сделать этот подарок, за ароматнейшим чаем и замысловатыми пирожными, он рассказывал, как всего за считанные дни смог неплохо заработать, что правильно в свое время поступил, сделав ставку на детальное освоение компьютерной техники, что будущее вообще за цифровыми технологиями и что теперь в Академии к нему обращаются за помощью даже преподаватели, потому что он может то, чего не могут все остальные. Хотя нет, есть еще один парень-первокурсник, Дима Пак из Прохладного, который все-таки сильнее его, но парень хороший, не заносчивый, они сдружились, и Дима даже делится с ним новинками – на днях даже такую программу редкую дал скачать и книжку к ней дефицитную. Эта программа позволит ему узнать все, что он захочет, а хочет он многого. Она же из его слов поняла, что, приехав в город, они начали какое-то необыкновенное путешествие в совершенно другой мир, в котором возможно то, что в оставшемся позади мире было исключено.

Она не удержалась и ответила, что это уже слышала. От подружек в колледже, которые тоже из сел приехали. Они все почти говорят, что в городе можно то, чего в селе нельзя. Он ответил, что эти подружки глупые и что он совсем не об этом. Что он рассматривает жизнь и ее возможности, как сложнейшие операционные системы. То, что возможно

в «Макинтоше», не получается в «Линаксе», и, наоборот, то, что может «Линакс», не делает «Винд». А он хочет сделать из своей собственной жизни такую мощную и неуязвимую операционную систему, которая позволит ему добиться всего, что угодно...

В такие минуты она не слышала его, а любовалась им – воодушевляясь, он становился удивительно и даже томительно красив. Где-то в глубине сердца Индира обнаруживала мысль, что от него должны родиться очень красивые дети, и она тут же гнала от себя эти все-таки «крамольные» мысли и даже слегка краснела.

Это было не первое золото в ее совсем еще юной жизни – а было ей семнадцать, – но это был первый подарок от мужчины, который вскоре, возможно, станет ее супругом. Подарок впечатлил ее настолько, что втайне от Азамата она снесла его в ювелирную мастерскую на Кешокова, недалеко от колледжа, хотя внутренне вся трепетала – ей очень не хотелось, чтобы камушек оказался банальным фионитом, а золото...

Русский мужчина-ювелир, глядя в микроскоп, успокоил ее: «Золото хорошее, – сказал он, – пятьсот восемьдесят пятое – наше. И камушек хороший, Чайный Топаз... Ага! Только вот... Ну, посмотри сама! – Она наклонилась к окуляру, но ничего не поняла и вопросительно и смущенно взглянула на ювелира. – Что, ничего? Ты случайно не роняла его? – спросил он. – Нет? Ну, взгляни еще раз. Видишь трещинку?»

Только после этого пояснения Индира смогла разглядеть еле заметную трещинку, пробежавшую по темно-желтоватой массе камня. «Для продажи не пойдет, – разъяснил ювелир, на что Индира поспешила заверить его, что и не собиралась расставаться с перстнем. – Ну, тогда нормально, – успокоил ее мужчина, – перстень хороший. С тебя сто рублей за экспертизу».

Еще она помнит весну, теплый май, они на скамейке в сквере рядом с музеем. Он устраивается сбоку к ней, перекинув ногу и «оседлав» скамью. Хочет обнять Индиру за талию, но та отстраняется. «Ты чего? – не понимает он (или делает вид, что не понимает). – Посмотри вон на тех!» Неподалеку на другой лавочке сидит пара примерно одних с ними лет. Обнимаются. Парень даже целует свою девушку.

– Ну и что? – с видимым возмущением заявляет Индира. – Мне до них нет никакого дела. А я так не буду!

– Мне что, до сих пор нельзя? – пытается он обидеться.

– Вот так вот – нельзя! Люди же смотрят.

– Короче, я сейчас пойду, скажу людям, чтобы не смотрели.

– Ну, не-ет, – она смеется. – Все, отстань!

– А когда можно? – допытывается он.

– Сам знаешь, когда.

– Ладно, – сдается он, – пошли!

– Куда это?

– В ЗАГС.

– Мохь! – показывает она.

Он тут же наклоняется укусить ее за палец, так что она вскрикивает в шутливом испуге и отдергивает руку.

– Никаких заговов! Сначала все, как полагается.

– Хорошо, я понял, – он оглядывается по сторонам, – э, братуха, ты не мог бы свидетелем...

Она уже затыкает ему рот ладонью.

– Ты что, дурак? Перестань! Неудобно же.

А потом он вслух рисует картины будущего, и, когда заявляет, что жить они будут в квартире на Пушкина, она протестует.

– Не хочу на Пушкина! Не хочу в городе! В селе моя родня, мама, папа. Сам живи на своей Пушкина!

– Женщина, тихо! Ты почему споришь со своим...

– Ну, с кем?

– С женщиной.

– Я не спорю, – тихо и счастливо вздыхает она и сама берет его за руку, – а когда будешь моим, вообще против ничего не скажу.

Домой она возвращается сама. Проводив ее на вокзал, он теперь почти всегда возвращался в фирму, ту самую. Работал допоздна и возвращался с последними маршрутками, а то и оставался у приятелей или знакомых на ночь. Она только одобряла его усилия. Он говорил, что неплохо зарабатывает и что если начать работать серьезно, то вскоре можно будет купить машину.

Она чувствовала, что жизнь как-то сама собою сменила свое качество. Она любила Азамата, и с каждым днем это становилось сильнее. И, как ни странно, это вселяло в нее непонятное волнение, даже тревогу. Далеким смутным чувством она понимала, что любовь сопряжена со страхами, поэтому совершенно серьезно сопротивлялась этой нарастающей влюбленности, которая стала особенно сильно одолевать ее этим жарким летом, когда на каникулах она засела дома, погрузившись в привычные дела по хозяйству.

Именно тогда, когда его не было по несколько дней, мысли о нем становились неотвязны. Убиралась ли она в доме и во дворе, помогала ли маме на кухне, он не выходил у нее из головы, как будто в первые дни знакомства, и шестьдесят раз в минуту внутри нее звучало его имя. «Что это, – думала она, – неужели так у всех? И испытывает ли он такое же ко мне? И хорошо ли это?»

Отец, известный в округе матерщинник, как-то даже сурово выговорил ей за рассеянность. И еще обложил выражениями этот колледж, потому что с тех пор как дочь пошла в него учиться, она, по его мнению, изменилась к худшему. Но то было мнение его одного, потому что мама открыто и даже горячо поддержала стремление дочери учиться в городе, – именно она снабжала ее деньгами на дорогу, да еще пытался помогать старший брат, так что Индира была спокойна: ее учебе ничто не угрожало. Да и со стороны отца это был всего лишь грубый мужской треп, ведь не мог он не видеть, что почти все соседские девочки учились в городе.

И мало кто знал, что на этой учебе настоял не кто иной, как Азамат; что Индира поначалу даже пыталась отказаться от учебы в городе, а хотела

окончить трехмесячные курсы шитья в Баксане и после этого устроиться работать в цех здесь же, в родном селе, чтобы начать помогать маме. Азамат даже с братом ее поговорил, обещал, что будет отвечать за нее в городе. Ну а брату, по сути, была безразлична карьера сестренки, а что касается ее главного будущего, тут он был спокоен – доверял Азамату как ее парню. Он первым и поддержал сестру. И мама поддержала. Только отец не преминул крепко выразиться в адрес этого самого города, но тоже особо не протестовал. Он вообще никогда особо не протестовал, только громко матерился.

К концу того лета Азамат рассказал ей о своих планах, о том, что собирается перевестись на заочное и постоянно работать в той самой фирме. Сказал, что ему предложили стабильное место и хороший заработок – для студента даже очень хорошие деньги. Тогда же он купил себе хороший дорогой телефон «Nokia», а ей подарил не менее шикарную раскладную «Motorola». Такой заметный подарок вновь слегка обескуражил ее. Отказаться от него она не решилась, но на всякий случай стала оставлять телефон дома, продолжая пользоваться своей привычной простой трубкой. Но Азамат отругал ее – «Ну что ты не такая, как все?!» – и буквально заставил ее с того дня носить в сумочке новую «раскладушку».

Да, он очень изменился, воспитывал в себе новые, «городские» черты: много говорил по-русски, особенно когда с кем-то по телефону, стал более собран и даже несколько резковат и холодноват. Но Индира понимала, что это серьезные дела так меняли ее парня. И влюблялась, кажется, сильнее. Влюблялась спокойно, нежно, нетребовательно – глубоко.

А этой второй ее студенческой осенью он устроил очередной сюрприз: привез ее в какой-то знакомый ему магазин и попросил опять же знакомую ему продавщицу Иру показать «тот самый плащ». Плащ был восхитительный, светло-бежевой расцветки, немецкой марки. Индире он пришелся очень к лицу. Надев его для примерки, она вспомнила, что именно такой плащ и привлекал всегда ее внимание на рекламном щите в городе – там изображалась очень красивая и уверенная в себе девушка. Она залюбовалась собой в зеркале – настоящая горожаночка! Потом краем уха услышала цену и смутилась. Нет, вернее, испугалась! Она даже вплотную приблизилась к Азамату, чтобы не услышали, и попросила: «Не надо, давай уедем! Мне не нужно». Он улыбнулся: «Не волнуйся, я хочу тебя в нем видеть».

Уже на улице она напомнила главное: «А что я дома скажу?» Он снова терпеливо успокоил ее: «Я сам с твоим братом поговорю». Она не стала далее спорить, да и что было теперь говорить – этот аккуратный сверток в целлофановом пакете у него в руке теперь принадлежал ей.

Она не просто чувствовала, а видела и знала, что он живет какой-то новой и неведомой ей жизнью. Часто, когда они были вместе, его узнавали и здоровались с ним какие-то парни и девушки, все какие-то очень уж «городские» – раскованные, пугающие даже ее своей независимостью, свободой и напором в манерах.

Вся эта новизна и блеск, как и его новые черты характера, его новая

хорошая одежда, ставшие частыми поездки на такси, дорогие кафе, куда он иногда водил ее пообедать: все это никак не становилось для нее привычным, как это было для всех остальных и как того хотел он. Но все компенсировало то, что сам Азамат внутренне стал к ней более мягким, как-то более подобрел, а однажды в разговоре даже сказал странные слова: «Ну и что, что ты поговоришь с кем-то по телефону или кто-то проводит тебя? Главное, что я доверяю тебе, а потом, я в себе уверен!» Она много думала и вскоре остановилась на решении, что все ее тревоги вскоре пройдут, надо только привыкнуть к этой новизне. Ведь та же сестра ее двоюродная с мужем перебрались восемь лет тому в город и, понятное дело, изменились. Причем неузнаваемо, так что ничего сельского в них не осталось. Но и людьми плохими не стали, просто изменились, и все. Наверное, не нужно этого бояться. Она решила еще более полагаться во всем на своего Азамата.

А он действительно берег ее от всего этого, действительно скрывал от нее свою новую жизнь: методы, которыми он стал зарабатывать, новых приятелей, среди которых и правда были довольно отчаянные ребята авантюрного склада, девушки откровенно свободных взглядов. Он, разумеется, скрыл от нее и то, что купил по случаю пистолет и запрятал его на своей квартире, о которой она тоже не знала. Он не позировал, во многом ему самому не нравилась вся эта «современная» жизнь, эти рисовки, которые были в обиходе людей его новой среды. Ему действительно хотелось, чтобы она оставалась вне всего этого, такой же наивной и чистой, о которой и хотелось заботиться.

Ученые говорят, что чувство, которое принято называть влюбленностью, начинается с некоей «вспышки», визуальной или акустической: все внешние обстоятельства в какой-то момент времени собираются и фокусируются на одном человеке, либо – очень и очень редко – это происходит одновременно с двумя людьми. Во всяком случае, бывает и такое, что можно находиться рядом с одним и тем же человеком довольно долгое время и не испытывать к нему ничего, но в какой-то момент происходит это самое стечение всех обстоятельств и – бах! – буквально «вспыхивает» к нему страсть. В этом вопросе с полной уверенностью можно говорить лишь об одном – что от самого человека это никак не зависит и никак не поддается какому-то субъективному, а тем более рациональному анализу и контролю.

Одноклассник после десяти лет совместной учебы в одном коллективе вдруг без памяти влюбляется в одноклассницу; женщина в коллективе, годами, как говорится, в упор не замечавшая своего скромного коллегу, однажды ловит себя на том, что безнадежно в него влюблена; да что там! – муж страстно влюбляется в собственную жену, с которой до этого просто привык жить.

Бывает и так, что происходит это самое стечение обстоятельств, вспыхивает эта самая искорка, но ее приходится гасить из-за невозможности этих обстоятельств, и в память это возвращается лишь изредка, лишь

как проблеск далекой мечты, потому что принято считать, что чудес не бывает. Потом проходят годы, которые изнашивают мечты и от которых каменеют сердца. Но, наверное, нужно продолжать во что-то верить и делать всё, чтобы сердце не заледенело, пусть и жить приходится в ледяной пустыне, потому что однажды снова, совершенно случайно, происходит та самая встреча, а тогда, конечно, речь надо вести не о какой-то там банальной искорке, а о том, от чего и камни могут расплавиться... Так что и растиражированная любовь с первого взгляда вовсе не выдумка впечатлительных беллетристов.

...В холодный и пасмурный зимний день, занимаясь перенастройкой системы, Азамат в ожидании окончания очередной операции уснул в кресле куратора «Отдела недвижимости». Фирма была та самая, в которую он пришел по объявлению. Называлась она «Триада», но с пресловутой китайской ОПГ ее роднила только вывеска. Нальчикская «Триада» промышляла недвижимостью, рекламой и трудоустройством. Как и в большинстве подобных коммерческих артелей, под звучным названием и респектабельными фасадом и интерьером не очень-то и тайлось определение рода деятельности – «чем придется и как умеем». Бывало, что получалось.

Всего этого Азамат пока еще не знал. А мог и не узнать, потому что после непродолжительной беседы по поводу вакансий собирался встать и уйти из-за стола менеджера кадрового агентства Бэлы, а в целом и из «Триады», но получилось так, что эта самая Бэла, потрясающая воображение своим очарованием, что-то вспомнила и переспросила его про владение компьютером. Потом она позвонила. Затем попросила пройти с нею.

«Вот! – представила она его. – Этот молодой человек сказал, что легко сможет решить нашу проблему». Куратор по недвижимости Саида поднялась из-за своего стола, указала ему на освободившееся кресло и, собирая на столе какие-то бумаги, чтобы унести их с собой, не обращая на него внимания, в двух словах объяснила ему проблемы с компьютером. «Сможете?» – наконец подняла на него взгляд. «Тут вашими перезагрузками проблему уже не решить, – ответил он, – надо перенастроить ОС». – «Что такое ОС?» – хлопнула ресничками Бэла. «Неважно, – перебила Саида. – Ну так перенастройте!» – «На это много времени может уйти», – предупредил Азамат. «Сколько нужно, столько и работайте, – сухо отрезала куратор, – за деньги не волнуйтесь – не обидим. Так, Бэла...» – и, что-то объясняя той на ходу, направилась к двери. «Деловые какие!» – подумал он, устраиваясь перед компьютером.

А когда Саида вернулась, он спал в ее кресле. Ну вот, теперь про эту самую «вспышку». Вначале, зайдя ему за спину и взглянув на экран монитора, она была приятно удивлена. Все ярлычки на рабочем столе были аккуратно расставлены, была приведена в порядок «панель задач» с изображением самых необходимых значков быстрого запуска, чего ранее и в помине не было, а главное, потрясала новая картинка-заставка рабочего стола – снимок ночного мегаполиса с мерцающим блеском реки, в которой причудливо отражался этот огромный, уходящий во тьму горизонта город.

Он не проснулся. Саида усмехнулась и осторожно вышла. А когда вернулась снова, он спал в том же положении. Были так же взерошены его темно-русые волосы, а лыжная шерстяная шапочка лежала тут же на столе. Куртка расстегнута, под нею простенький свитер, каких всегда полно на вещевом рынке. И светло-серый воротник свитера оттеняет смугловатую и нежно-гладкую кожу шеи. Ну и, конечно, глаза. Они у него красивые – это она заметила, еще когда он вошел. И закрытые во сне они были красивые. Очень. И губы алые и влажные, и белые зубы в их просвете... «Какой!» – усмехнулась она. Замерла невольно и на том поймала себя. А ведь где-то она его видела.

Он начал было извиняться, но она остановила его: «Расслабься, все в порядке! Что за город?» – «Не знаю, – пожал он плечами, – в телефоне у меня было. Оставить?» – «Оставь!»

Она заварила кофе, достала из шкафчика печенье и конфеты.

– Не высыпаешься?

– Есть немного.

– Учишься ночами или наоборот, некогда учиться?

– Учусь. Много. Комп будете смотреть?

– Успею.

Она села на стул сбоку. Чтобы он видел. Он и видел: нога на ногу, гладкая до блеска кожа, глаза темно-карие, умные, русые волосы собраны на затылке, талия тонкая и эти линии, которые ниже... Взрослая, красивая... Нет, обольстительная до какого-то даже восторга. И этот голос, которому не «вредят» даже властно-деловые привычные нотки – нежно-мелодичный, зрелый, женственный. И фигура, как у двадцатилетней...

Она знает, что ей уже тридцать четыре и теперь знает, что ему всего лишь двадцать. А он еще не знает, что она давно разведена и что у нее очень солидный и очень ревнивый друг, но знает то, что видит: что она – успешная и уверенная в себе бизнес-леди, а он – сельский мальчик-самоучка... Это спустя какое-то время будет сказано: «Лучше бы ты ушел тогда». А в ответ будет: «Лучше бы я тогда убежал!»

Вот с этой самой минуты «вспышки» почти физически стала ощутима некая магическая сила, которая толкнула их друг к другу и которая более не позволила им расстаться. Только он, этот молочногобый мальчишка, заставил ее впервые содрогнуться всем существом плоти и ожиданий, и только с ним все стало искренним: нетерпеливые дни, радость, обиды, примирения, стоны и сумасшествие близости, и ревность, ревность...

В их первую ночь, когда он, уставший, уснул, глядя на него, на его невыносимо красивое лицо и прекрасное тело, она поняла, что сможет убить любого, кто посмеет отнять его у нее. Она была по-настоящему сильна и умна, чтобы не лгать себе. Поэтому она испугалась. Тоже по-настоящему.

То, что она со временем в нем открывала, медленным любовным ядом доводило ее временами до внутренней эйфории, которая была сродни наркотической. Она говорила себе, что любая другая девушка или женщина сошла бы от этого с ума, но только не она, потому что она была бесстрашной. Она поняла для себя, что этот мальчик был не по зубам

большинству других девиц и дам, потому что он, сам того не желая, мог запросто довести их до иступления.

Потом она открыла для себя, что в нем таился некий романтизм мысли. Получалось, что внешне он знал, чего хотел от жизни, но желания эти чаще всего ускользали от него самого в какие-то далекие дали, и ухватить и удержать их у него никак не получалось. Поначалу она объясняла это его юностью, но он никогда не кичился этим, да и вообще в нем совершенно отсутствовало то чрезмерное бравирование, которое раздражало ее и которое она наблюдала, увы, почти во всех молодых людях вокруг. В том-то и дело, что Азамат как будто сам стыдился своих лучших сторон. Как и (об этом в целом мире знала только она) стыдился своей наготы.

Сама Саида, разумеется, давно переболела этой юной восторженностью мечтаний. Жизнь заставила. Мысли ее занимали деньги, и варьироваться могло только их количество. Этому способствовали и возраст, и ответственность: благосостояние и душевный покой самых близких ей людей – мамы, папы и дочурки – напрямую зависели от ее внутренней дисциплины. Давно пришло и утвердилось знание, что внешнее превалирует над внутренним. Про себя она смеялась, когда слышала банальщину вроде того, что «жизнь сложная штука». Она на практике знала, что жизнь сложна только для тех, кто сам ее усложняет. И еще она знала, что сила – это отсутствие иллюзий.

Одним словом, жизнь свою она выстраивала основательно и уверенно. Это началось с того дня, когда она приняла, конечно же, трудное, даже мучительно трудное решение: оставить мужа после нескольких лет совместной жизни с ним и его родителями. Жизни внешне благополучной – в большой четырехкомнатной квартире в неплохом районе, Юго-Западном, – но по-настоящему невыносимой. После дочки рожать от него (который когда-то ей очень даже нравился) она не захотела. Горожанин до ненавистной утонченности, муж запил: не мог, а по большому счету не желал найти приличную работу. А родители с раннего утра до позднего вечера обвиняли в неудачах сына именно ее. А этот слабак муж бежал от всякой ответственности к своим собутыльникам. И защитить ее не мог. Он даже кичился этой своей слабостью, искал убежища наряду с алкоголем в совершенно далекой от нее рок-музыке, высокомерно считал всех вокруг толстокожими и недалекими и жаловался на одиночество. Но это она была одинока, оскорблена, растеряна. Так и получилось, что в один прекрасный день она собралась с духом и послала подальше всю эту бытовую меркантильную чушь и издевательство над здравым смыслом.

Как ни странно, событие это чрезвычайно задело ее утонченного мужа. И без того у нас расстаются непросто, а тут оказалось, что бывший супруг обнаружил в себе очень громкие претензии. Словом, дискредитировал себя в ее глазах окончательно и бесповоротно. Однажды в пьяном виде попробовал даже буйствовать на ее лестничной площадке, но сосед Ануар буйство это пресек немедленно и без рецидивов. Были с его стороны какие-то замысловатые угрозы, но более искренним он становился, когда начинал умолять и утверждать, что жить без нее не в состоянии. Говорил даже, что убьет любого, кто приблизится к ней.

В совершение им мало-мальски противозаконного поступка она не верила совсем – он был труслив, – а вот его слова о ком-то другом ее задевали: не для того она избавилась от такой семейной жизни, чтобы хоть как-то запятнать свою репутацию. Она справедливо рассчитывала на повторное и успешное замужество. Да и нравом она никогда не была легкомысленна. Случались, конечно, знакомства, рассматривались варианты, но однажды исполнилось тридцать, а замуж она не вышла. Немного присмиревший, попивающий, хотя и не так сильно, бывший (питавший все еще какие-то надежды) в тот период сказал ей странную фразу: «Тебя замуж не возьмут только потому, что ты слишком красива. А это все равно, что уродина».

Ну вот, а потом появился Аслан, сильный, успешный, уважаемый и чистоплотный. Казалось, что от рождения в нем отсутствовал некий инструмент, отвечающий за сомнения, поэтому он совершенно искренно не понимал сомнений в других. В любом деле он шел не напролом, а методично и спокойно устраняя любые препятствия. Остановить его могла только контрсила, которую он мог бы оценить как достаточно уважительную. Но уважал он мало кого. Нет, он не был груб, а тем более глуп, он просто был таким, – проще говоря, скалой, за которой Саиде стало, наконец, спокойно и уютно. Сравнение со скалой напрашивалось и при оценке внешности – мощный, туго-плотный, с вечно короткой стрижкой. Изъян был: выпившим он нередко становился агрессивен и непредсказуем. Поначалу Саиду это здорово пугало, потом стало даже нравиться, но в основном она все-таки остерегалась того животного, которое, оказывается, в нем дремало. Имелся и другой изъян – он был женат, и у него было двое детей.

Бывший отстал окончательно. А они с Асланом вот уже четыре года вместе. Саида привыкла к любовнику, жена привыкла к сопернице, а Аслан был слишком успешен, силен и независим, чтобы хоть в чем-то считаться с мнениями и той, и другой. Он был абсолютно надежен, прост и дико ревнив. Это относилось и к жене, и к Саиде. Провоцировать его не стоило, наказывал он жестко и без прелюдий, часто своей невероятно тяжелой рукой. Дети его любили и боялись, жена любила и боялась, Саида его ценила и боялась.

И связаны они были не только и не столько «духовной» связью. С первых дней знакомства Аслан оказал ту моральную и, особенно, финансовую поддержку, которая, в конце концов, и помогла ей стать той, кем она теперь являлась. Он был тот, кто нужен, – она жила в таком городе и таком мире, в котором необходима была такая «крыша». А ему для какого-то своего самоутверждения необходима была такая восхитительная любовница. И делиться своим он не любил. Это были твердые, годами устоявшиеся отношения.

И тут этот мальчик! Это солнце, которое, наконец, взошло в ее полной разочарований жизни. Маленький, наивный, открытый, влюбившийся откровенно, сильно и радостно. И Саида не вчерашняя девочка, она прекрасно сознавала, что за каждый миг этого неожиданного счастья придется платить (если не расплачиваться), и внутренне стала еще собраннее в

постоянном ожидании и предупреждении какой бы то ни было угрозы. Главная из них заключалась в Аслане. О другой она выпытала сама. И он вполне честно рассказал о ней.

– И как ее зовут?

– Индира.

– Индира, – повторила она, теребя его волосы, – уже неплохо. Красивая?

– Так се... Вообще-то да. Но ты...

– Тс-с! – она пальчиком прикрывает его губы. – Мне не это нужно.

Как долго вы вместе?

– Со школы, три года уже.

– Любит тебя? – он не видит этого в полутьме спальни, но она в ожидании, с яростным даже прищуром, впивается в него взглядом.

– Я откуда знаю?

– Зато я знаю – любит.

– А что тогда спрашиваешь?

– А ты?

– Что – я?

– Ты любишь?

– Слушай, Саида, ты как маленькая.

– Ну, все, все, прости! – она зарывается ему под бочок.

И потом, после паузы:

– И что теперь?

Он шумно вздыхает.

– Слушай, я же не могу вот так сразу. Три года все-таки!

– Тогда ты должен бросить меня.

– С ума сошла?

– Нет. – Она отстраняется. – Я не проститутка, понял? Со мной спать, а жениться на ней!

– А ты?

– Что я?

– Ты что, такая свободная?

Она садится на кровати, обхватив колени. Молчит. Долго. Его теплая ладонь гладит ее по спине.

– Ложись.

– Ты прав. – Она вновь пристраивается к нему, обнимает. – Все случится само собой. Сейчас главное, чтобы никто, ни одна душа. Хорошо? Никто!

Никто и не знал, во всяком случае, долго. В офисе компании ее властного артистизма и его природной сдержанности было достаточно, чтобы ничьих любопытных глаз и ушей не коснулась их тайна. А вообще, кто знает, как повела бы себя в этой ситуации Саида, если бы не Аслан?

Вернее, все то, что их теперь уже накрепко связывало: ее бизнес, ее автомобиль, ее личная квартира на Кулиева и даже новая трехкомнатная квартира, куда они с Асланом переселили ее родителей, у которых теперь в основном и жила дочка, да еще лицей на Пушкина, куда помог устроить дочурку опять же Аслан.

Она сама часто задавала себе этот вопрос и сама же отвечала на

него – а никак не повела бы. Ничего бы она не скрывала. Надо, наверное, еще раз напомнить о том, что Саида была женщина необычайно умная, поэтому знала, что самые беспроегрышные отношения – это отношения честные и открытые. И поэтому, наверное, будет понятно, как сложившаяся ситуация заставляла ее мучительно искать какие-то выходы и еще более мучительно спрашивать себя, а есть ли они вообще, эти выходы.

А пока она в строжайшей тайне от кого бы то ни было сняла квартиру в Александровке, в которую также втайне от всех своих знакомых вселился Азамат.

Хотя надо понять и то, что никто из коллег и допустить не смог бы, что такая недосыгаемая леди Саида может снизойти до такого крестьянчика, как этот Азик. Правда, крестьянчика симпатичного, да что симпатичного – красивенького просто. В этом мнении, кстати, единодушно сходилась весь женский персонал компании. И между делом все ожидали и даже пытались делать предположения, с кем, в конце концов, закрутит этот «тихоня». А сам Азик неожиданно принялся делать карьеру, так же скромно, но динамично. Все относили это на счет его исполнительности и приятного нрава, пришедшихся по душе главному, Хасану Анатольевичу, как оно в действительности и было.

Поначалу Азамат пробовал заняться дизайном, и это имело какой-то успех: появились денюжки, одеваться стал с удивительным вкусом. А потом однажды провел собственную и довольно приличную сделку с недвижимостью. И по ее завершении на гонорар накрыл стол. Собрались все, кроме главного, который, впрочем, перед отъездом все же вышел к застолью и лично поздравил Азамата. И кроме Заура-Шпиона, который также поздравил Азамата и ушел, даже не присев за стол.

Об этом Зауре подробнее. Он был из тех, кого принято считать странными. Вел себя так. Всегда обособленно, иногда вызывающе. Его не то чтобы остерегались, но старались особо не тревожить, потому что было неизвестно, что он может выкинуть. Некоторые считали его высокомерным. Словом, бывают такие люди, которые упорно не желают вписываться в коллектив и поэтому неудобные.

А однажды возникла ситуация, несколько шокировавшая этот самый коллектив. Попалась ему клиентка по недвижимости, молодая и весьма привлекательная особа, к тому же, по всему, и платежеспособная. Приезжала она к нему в офис с неделю, пока он готовил ей документы. И чем далее он готовил эти документы, тем мрачнее становилось выражение его лица при ее визитах. А потом буквально как гром среди ясного неба в общем тихом шепоте офиса раздались его громкие слова: «А ну-ка, дамочка, встала и ушла из офиса! И чтобы ноги твоей здесь больше не было! Ясно?».

Понятно, что весь присутствующий при этом персонал компании уставился на них. «Дамочка», как полагается, вспыхнула, бросила в ответ: «Что вы тут себе позволяете?!» Но советом его воспользовалась и ретировалась, обещав гарантированные неприятности. А Заур, когда дверь за ней закрылась, еще и обозвал ее «несчастной шпионкой». Так и сказал: «Проваливай, шпионка несчастная!»

На следующий день неприятности весьма телесно оформились в троих молодых внушительного вида парнях, которые довольно вальяжно ввалились в офис, с ходу какой-то хамской фразой задели ближе всех сидевших к двери Бэлу и Оксану и вплотную обступили стол менеджера Тимура, видимо, по ошибке принимая его за вчерашнего обидчика своей... впрочем, неизвестно, кем приходилась им вчерашняя дамочка. При этом один из них угрожающе (так, во всяком случае, казалось ему самому) озирает весь офис, другой почему-то принялся листать бумаги Тимура, а третий сел напротив и принялся ладонью постукивать по столу. Разумеется, возникли некоторое замешательство и предварительная пауза. И посреди этой паузы и раздался снова голос Заура: «Ты по балде себя постучи, шпион проклятый!» И когда гости разом обернулись к нему, добавил: «Сюда идите, фауна, сейчас разговаривать будем!»

Само собой, разговор был продолжен на улице. За ними в поддержку Зауру выскочили Тимур и менеджер Алим. Вся женская часть прильнула к окнам. Потом вкратце ребята поделились с остальными содержанием разговора, главной фразой которого снова стало брошенное вслед уезжавшим на «Приоре» гостям: «Тоже мне, шпионы недоделанные!».

А интрига всего этого происшествия прояснилась спустя время. Дамочка в ходе какой-то там комбинации с недвижимостью – частным домовладением – просила Заура помочь подготовить ей некоторые «левые» документы. Все бы ничего, если бы Заур вдруг не обнаружил, что вся комбинация была рассчитана в ущерб престарелым родителям мужа этой дамочки, которые и проживали в этом домовладении. Сам муж так и не появился, видимо, все-таки было стыдно.

В офисе Заура зауважали, хотя за спиной были и разговоры о том, что глупо терять такие хорошие деньги из-за каких-то там принципов, потому что дамочка с мужем все равно оформят свою сделку, но уже в другой фирме. На эту тему возникла даже небольшая дискуссия, разумеется, в присутствии самого Заура. И – разумеется, без его ведома – к нему накрепко приклеилось прозвище Шпион.

Рассказывая обо всех коллегах, Саида в числе прочего рассказала Азамату и этот случай и спросила, что он об этом думает. Азамат ответил, что теперь будет уважать Заура.

Вот этот самый Заур-Шпион и отказался от застолья, несмотря на то что сыграл в первой сделке Азамата не последнюю роль.

Саида в строжайшей тайне помогала Азамату в процессе переговоров с клиентами. Поэтому для новичка у него все шло довольно гладко, пока не подошло время окончательного оформления документов. Клиенты, двое солидных мужчин, сами приехали в офис, устроились напротив Азамата, который приготовил им чай и сам принялся колдовать с компьютером.

Стол Заура-Шпиона находился рядом, сам Заур практически дремал в своем кресле, но первым обратил внимание на заминку, возникшую у молодого соседа. Заминка угрожающе затягивалась, Азамат стал нервничать – в своих расчетах он явно зашел в тупик.

Кресло на колесиках с Зауром «подъехало» за их стол. Очень деликатно, ненавязчиво он предложил свою помощь. Принялись вместе про-

смаатривать все подряд файлы с документами. При этом Заур не забывал и про клиентов, по ходу завел с ними какие-то отвлеченные разговоры, предлагал еще чаю, сам предложил закурить – Азамат сходил за пепельницей. Клиенты расслабились, этот «свой» парень вызывал симпатию. Через каких-то полчаса среди множества подготовительных документов ошибка была найдена. Далее уже сам Азамат (хотя Заур для надежности все еще был рядом, по-прежнему вел с гостями разговоры и время от времени подсказывал ему) завершил оформление договоров, распечатал их на принтере, сходил и поставил необходимые печати, и только тогда Заур, пожелав удачи, вернулся за свой стол.

Гости-бизнесмены остались довольны. Они даже сказали, что поняли, что у Азамата это первая сделка, но поняли еще и то, что менеджер он хороший. А собравшись уходить, отдельно подошли позвать руку Зауру. И Азамат потом подошел, тоже пожал ему руку и собирался горячо благодарить за спасенную сделку, но Заур-Шпион отговорился, что это пустяки.

И вот, как ни странно, происшествие это здорово рассердило Саиду. «Ну почему ты ко мне не обратился?» – раздраженно спрашивала она.

– Да ты что, Саида, как это было возможно сделать? И вообще, я не пойму, что тут такого? Ну, помог мне человек по-братски, адыгагэ¹ проявил, да и вообще он меня выручил.

– «Выручил», – недовольно повторила она, – лезет вечно не в свое дело!..

– Послушай, Саида, я, может, чего-то у вас тут не понимаю, но так нельзя...

– Да! Не понимаешь! – перебила она. – Это мои клиенты, причем такие, каких надо искать, долго работать с ними, убеждать, обхаживать, прежде чем они согласятся иметь дело с твоей фирмой и с тобой. Мои клиенты, понимаешь? И я их тебе готовенькими отдала. А этот... вот уж действительно шпион, за какие-то двадцать минут при тебе же прочел твою историю сделки. Да еще и разобраться успел! Ты понимаешь, что такую информацию надо скрывать, и как можно тщательнее?

– Да откуда я знал! – в сердцах бросил Азамат.

– Надо знать! – парировала она.

Он вдруг поднялся.

– Знаешь, что?

– Что? – осеклась она.

– Ничего.

Он пошел к выходу.

Это было единственное, что разоружало ее совершенно. Она бросилась к нему: «Постой! Подожди, нет! Пусть, пусть читает, пусть разбирается, Господи, да пусть подавится нашей информацией! Не надо так уходить, прости, прости...»

Позже Азамат понял, что Саида испытывала к этому Зауру-Шпиону откровенную антипатию. Испытывала задолго до того, как он сам появился

¹ Адыгагэ – здесь в смысле землячества (каб.).

в их коллективе, так что причину этой нелюбви он знать не мог. А вот самому ему Заур нравился – и чем дальше, тем больше. Во-первых, тому способствовала эта история с договорами; во-вторых, Азамат почувствовал в нем тот родственный дух, который безошибочно сводит людей от земли, крестьянских детей, в какие бы городские манеры они ни рядились.

И еще, с интересом наблюдая за соседом-коллегой, Азамат понял, что тот ничего не изображал из себя, а действительно был интересной личностью, доказательством чему было то, что в первую очередь от всяких своих «странностей» страдал он сам.

Да и очень быстро стало ясно, что вся странность этого Заура заключалась лишь в том, что среди этих людей он был чужим. Другим не менее парадоксальным вопросом для всех было то, что в деле своем он разбирался блестяще, даже имел постоянные интересы в нескольких родственных фирмах, но при этом не преуспевал совершенно. Создавалось впечатление, что обстоятельства заставили его заняться этим абсолютно чуждым и неинтересным ему делом и там, где иной оборотливый юнец мог заработать тысяч сто, он со скрипом выручал десять. Но вот во всяких ситуациях, которые принято называть «форс-мажорными», короче, в конфликтных и запутанных делах он был незаменим. Поговаривали, что сам Главный после одного такого разбора на стороне был впечатлен его способностями, даже более того – в той ситуации Заур оказал ему какую-то очень ценную услугу, за что шеф и пригласил его в свою фирму, поэтому только он, Заур-Шпион, и пользовался «эксклюзивной» привилегией называть шефа «Хас», но, конечно, лишь наедине.

Итак, на корпоративчике в честь первой сделки Азамата, устроенном после рабочего дня тут же в офисе, произошло то, что в очередной раз стало причиной ссоры его с Саидой и становилось причиной ее мучений всякий раз, когда рядом с ним оказывалась достаточно привлекательная девушка. Азамат в этот вечер просто купался в женском внимании, а слегка «заведенные» шампанским девушки особенно недвусмысленно подавали этот повод для ревности Саиды. Ревности дикой, пусть и скрываемой благодаря невероятному внутреннему напряжению. А уже наедине, на их «конспиративной» квартире, она устроила ему сцену.

Спорить с ней он не стал, сказал лишь, что она ему надоела своими глупыми претензиями, и пошел к двери. Но в этот раз, вместо того чтобы, как он и ожидал, попытаться его остановить, она бросилась за ним в прихожую и – раз! два! три! – отвесила ему звонких пощечин. Он стал пытаться умирить ее, но Саида, словно дикая кошка, вошла в ярость и принялась царапать, бить его. В ответ он и сам потерял над собой контроль, ударил ее довольно сильно, потом скрутил... Короче, вся эта «голливудская сцена» обозначена лишь постольку, поскольку характеризует этих персонажей, вернее, не столько их самих, сколько их в некотором роде экзотические отношения. Кончилась эта сцена известно, как, и известно, где.

Вот в эту ночь присмирившая, виноватая Саида, лежа рядом, произнесла свой ультиматум: «Ты должен бросить ее, немедленно! Потому что теперь я тебя никому не отдам!»

– Дай мне время, – ответил он. – И потом, это я теперь тебя, такую, никому не отдам.

– Ты должен мне хотя бы обещать!

– Слушай, ты же взрослая умная женщина, ну зачем такие резкие движения?

Она даже не пошевелилась. Только улыбнулась в темноте.

– Будь до конца откровенным, – ответила она, – я уже старею, а для нее это даже ударом не будет. Переживет.

– А ты? – спросил он.

– Что – я?

– Как ты с этим... твоим?

Конечно, она умолкала. Конечно, это был вопрос, который ставил ее в непреодолимый тупик. Он понимал это – что она просто не знала, что ответить – и понимал, что она точно так же, как и он, пыталась откладывать какое-то решение на какое-то завтра.

Сила ее характера теперь пугала его, как бы он ни храбрился. Он часто поражался даже, как в этой женщине – которая и выглядела-то, как молодая девушка, – как в ней, полной очарования и неги, могла таиться эта самая сила характера! Конечно, стоило ему даже просто намекнуть на разрыв отношений, как она всецело подпадала под его власть, но злоупотреблять этим с такой женщиной было слишком опасно. Он это понимал.

Аслан довольно часто «перебивал» их назначенные свидания. Он появлялся в офисе, где его хорошо знали и уважали как грамотного сильного бизнесмена, прямиком заходил к главному, своему давнему приятелю, и тут же в кабинет несли кофе, чай или лимон в сахаре – Аслан уважал хороший коньяк. В большинстве случаев к ним присоединялась Саида. Как раз их с Асланом отношения ни для кого не были секретом. После таких визитов чаще всего Саида по требованию Аслана собиралась и отправлялась с ним. Обычно надолго. В ресторан или на важную встречу, а то и вообще в какую-нибудь дальнюю поездку – в Москву, в Питер, летом, возможно, в Турцию или на Кипр. Саиде не завидовали, потому что она была во всем на голову выше всех девушек компании, ее уважали за такую грамотную налаженную жизнь. Тем более, что знали о ее семейном прошлом. «Сумела, молодец, так и надо!» – вот какие были оценки.

Он не бросил Индиру. После недель и месяцев какой-то чехарды в голове из сомнений, вопросов, угрызений, решимости и малодушия он сделал то, что и делают в подобных случаях большинство мужчин, – махнул на все рукой и стал жить так, как живется.

Холод этого безразличия был сродни отчаянной смелости. Обе его возлюбленные почувствовали в нем это. Саида испугалась и сдалась: черт с ним, пусть ходит пока к этой соплячке! А Индира встревожилась и потянулась к нему сильнее, потому что тоже безошибочно поняла опасность потерять его. К этому периоду она сама объявила, что нашла в городе работу в каком-то частном магазине на Кабардинской. И еще удивила его

тем, что и жить теперь собиралась в городе, у двоюродной старшей сестры. Родители ее были не против, сестра эта самая тоже – ей давно нужна была помощница по дому и для догляда за детьми и квартирой, пока они с мужем в отъезде. Азамату пришлось сказать, что и он очень рад.

Свое усталое безразличие он и сам теперь ошибочно принимал за отвагу. Хотя все, чего он хотел, заключалось в том, чтобы ничего не менялось, ни к лучшему, ни наоборот. И еще он с тревогой убедился в странном свойстве своего влечения к Саиде. Когда она была рядом и доступна, он иногда ловил себя на некоторой даже неприязни к ней, даже злости на ее уверенность в себе и властность, хотя видел, что она никак это не подчеркивала – она действительно не выглядела, а была такой – серьезной.

Но стоило ей отлучиться, например, в командировку, а еще хуже – в поездку с Асланом, как он начинал изнывать от желания. Он понял, что теперь все его естество замкнулось на требовании постоянной близости с ней. Он ее не любил – он хотел ее, хотел с нетерпением, с головокружением, с подташниванием; ее красивейшее дико-упругое тело мерцало перед ним даже сквозь веки закрытых глаз. Без нее он томился, сходил с ума и был уверен, что теперь без нее умрет.

Остроты в эти и без того непростые отношения продолжал вносить Аслан. Саида заметила даже, что ее покровитель стал в последнее время нервным, раздражительным и отчего-то подозрительным. Она рассказала о своих тревогах Азамату и потребовала от него, как и от себя, еще большей собранности на людях и усилила «меры конспирации». Практически это вылилось в еще одну дополнительно снятую квартиру, теперь на Байсултанова, возле «Фантомаса». Следовало полагать, что в этой Азамат проживал официально – туда он стал изредка приглашать ребят из фирмы, пивка попить, – о дальней, что в Александровке, по-прежнему не должен был знать никто.

Именно в этот весьма стрессовый период июльским поздним вечером с Азаматом приключилось нечто странное. Будь он свободен от всех этих проблем, он, возможно, и не обратил бы на этот случай внимания или запомнил бы его как просто один из интересных жизненных эпизодов. Но сейчас все, что происходило вокруг, приобретало для него (с его взвинченным воображением) некие тревожные и даже отчасти мистические смыслы.

Во-первых, кинофильм. Они посмотрели его с Индирой, на квартире ее двоюродной сестры, когда та и муж были в отъезде.

Со своим парнем Индира их познакомила официально, пригласила его к ним, так что теперь он был здесь вполне законным и частым гостем. И гостем желанным, потому что понравился сестре. Сама сестра, Мадина, через каждую неделю уезжала за товаром в Москву, она держала свою точку на Стрелке. Муж со своей бригадой строителей большую часть года работал в Приэльбрусье. Поэтому желание Индиры устроиться в городе пришлось для сестры, у которой дома были две дочурки, весьма кстати.

Так вот, в один из июльских вечеров он зашел после работы за Индирой и проводил домой. Сестры и мужа не было. Они вместе с детьми поужинали, затем Индира долго укладывала племянниц спать, а потом они

вдвоем устроились на диване, пили чай и смотрели телевизор. Смотрели все подряд, для общего фона. Начался какой-то иностранный фильм, как оказалось, испанский. Через время сюжет увлек их. Смотрели молча, внимательно, она взяла его под руку и опустила голову ему на плечо. Кино было о любви, точнее, страсти, настоящей, испанской. Был здесь классический треугольник – он сходил с ума от любви к той, которая его не любила, а к нему питала страсть другая девушка, которую он, что называется, в упор не замечал.

Индири приходилось отвлекаться, девочки вставали, просились в уборную, или еще чего-то. Потом она приносила свежий горячий чай и печенье. Азамат смотрел неотрывно, молча, сосредоточенно. И вдруг у него возникло отчетливое, ясное ощущение, что он не то чтобы кино смотрит, а наблюдает чью-то жизнь. Он понял, что авторы фильма никак не лгали и ничего не сочиняли и что именно так все это и должно происходить, как будто сами эти авторы прошли через все это и выжили, хотя и были изранены. Он вдруг ощутил, настолько тонка та оболочка жизни, которой он и все люди вокруг привыкли беспечно доверять. И он сам собственной кожей и сердцем почувствовал ту степень страха, в котором жили эти испанские парень и две девушки. И он произнес вслух: «Это невозможно!»

– Что? – спросила Индира.

– Вот это, – указал он на экран, – беда. Просто несчастье!

– Откуда ты знаешь? Ты что, смотрел?

– Нет, – сказал он, – я просто знаю, что ни к чему хорошему это не приведет.

Он вдруг засобирался. Решил оставить у нее свою спортивную сумку, чтобы не таскать ее по ночному городу. Индира не смела отговаривать, было поздно, а ночевать в одном доме они еще не могли. Он шел через центр, от ее квартиры в районе железнодорожного вокзала до Фантомаса путь лежал по пустеющему проспекту. Было тепло, тихо. Он свернул сначала на Горького – хотелось большей тишины и одиночества. На полпути решил позвонить и спросить. «Ты был прав», – ответила она и очень грустно, словно речь шла о близких знакомых, вкратце рассказала, чем кончилась картина – трагедией, смертью, потерянной любовью.

«Это не любовь», – ответил он. «А что?» – «Я же сказал, несчастье». Он отключил связь. Когда свернул на Головки, стало совсем пустынно и тихо. Он остановился и заплакал. Присел на корточки, закрыл лицо ладонями и глухо зарыдал.

Было поздно. Дойдя до своего дома, он увидел в темноте, в глубине двора, яркую точку горящей сигареты. Уже у самого подъезда его окликнули: «Эй, братуха, иди сюда! – И через секунду: – Пожалуйста!» Азамат пошел на огонек сигареты. На скамейке в одиночестве сидел молодой парень. Справа от него лежал темный развернутый пакет. Они поздоровались за руку.

«Ты в этом доме живешь?» – спросил парень. «А что?» – как полагается, со скрытым вызовом спросил в ответ Азамат. «Ничего, – ответил

парень, – выпей со мной!» Азамат сел рядом на эту широкую, в три доски, скамью. Взял протянутый ему наполненный пластиковый стаканчик. «Как тебя зовут?» – спросил парень. «Азамат. А тебя?» – «Да ты что!» – вдур угаснулся тот. «Что?» – «Ничего, просто меня тоже Азамат». Выпили. Парень достал из пакета помидор и предложил ему. Закурили.

Потом тезка указал зажженной сигаретой в сторону дома.

– Вон там, на четвертом этаже, – кивнул он, – живет девушка. Ее зовут Лейла. Она – самая прекрасная балкарочка на свете. Ты ее знаешь?

– Я тут никого не знаю, я квартиру снимаю.

– А-а, – протянул он. – Короче, я сам с Яникоя. На втором курсе когда был, увидел ее абитуриенточкой и влюбился. Теперь два года будет. Короче, с ума я сходил по ней. По-настоящему страдал. Веришь, четыре раза плакал даже, как бикса.

– Верю, – сказал Азамат, – я сам только что плакал.

– А, ну ништяк. В общем, врагу не пожелаю я того состояния, через которое я прошел из-за нее! А все потому, что она меня не любит. А на прошлой неделе я спас свою любовь.

Он замолчал, принялся разливать.

– Как это «спас»? – не выдержал Азамат.

– Я ее продолжаю любить, только теперь по-другому. Давай! Короче, смотри, – продолжил он через минуту, – раньше как я ее любил? Сильно и без памяти, то есть со страстью. А это плохо. Это, короче, плохая любовь, потому что мне было очень плохо. Саму Лейлу, лапочку, я постоянно тревожил и портил ей настроение, поэтому для нее это тоже было плохо; а одному пацану, который начал с ней что-то там, я по голове настучал, это опять очень плохо. А самое главное – чего я добился? Того, что теперь она меня терпеть не может. А это вообще для меня вилы, как плохо. И я очень страдал, очень! Понимаешь?

– Очень понимаю, – кивнул Азамат.

– Ну я и подумал тогда, что же я делаю! Разве это любовь? Кого я люблю, получается? Вот ты как думаешь, кого я тогда любил?

– Как это, кого? Ее, наверное!

– Вот и ошибочка, братан. Себя я любил. Свою влюбленность любил, свои страдания, свои права качал, а ей все время делал плохо. Значит, я не думал о ней. Просто, наверное, хотел сильно, чтобы была моей. Это страсть. Любовь – это другое.

– Да ты философ, тезка, – сказал Азамат.

– Да, – согласился тот, – я ведь за эти два года через такое прошел. Я ведь пацаном был, а теперь мужчина. Повзрослел, как после войны. А любовь такая, она как война – жестокая. Настоящая любовь – это другое. Это спокойное и доброе. Это то, что началось на прошлой неделе. Кончилась во мне злая страсть, началась вот – тихая хорошая любовь.

– Ну и что началось? Какая другая любовь? Я чего-то не пойму, – признался Азамат.

– А такая, что я знаю теперь, что будет. Она встретится с кем-то, кто понравится ей. А я не то что мешать, я буду стараться на глаза им не попадаться, чтобы не тревожить ее. Она замуж выйдет, будет свадьба – она будет счастлива. А я буду радоваться тому, что она счастлива и что у нее

все хорошо. Она детишек родит, будет хорошей мамой, любить их будет, заботиться о них. А я буду уважать ее за то, что она стала хорошей мамой. Я и сам женюсь, детей заведу, заботиться буду о них и о жене своей. А ее, Лейлу, буду продолжать любить и уважать. И радоваться за нее. И никогда больше тревожить не буду! Она будет по этой земле ходить, и я буду по этой же земле ходить. Это хорошо.

Наступило молчание, в котором можно было услышать тишину этой удивительной нальчикской летней ночи. Странно, но Азамату вдруг стало неуютно рядом с этим счастливым парнем. Ему захотелось одиночества и той грусти, которая пришла к нему этим вечером.

– А завтра ты будешь это же самое думать и говорить? – спросил он.

– И завтра, и через год и всегда, – спокойно ответил тезка, – потому что это – настоящая любовь. И потому что она лучше той, которая была у меня два года.

– А она знает об этом?

– Нет, – пожал он плечами. – Зачем ей знать? Это моя любовь и моя жизнь.

– Ну, ты, братан, значит, сильный человек! – искренне высказался Азамат, хотя все-таки не хотел до конца поверить ему.

– А ты, – спросил Азамат влюбленный, – почему ты плакал?

– А я так... – и вдруг он задумался, очень серьезно, так что пауза получилась очень даже «театральная». Он подумал, что плакал наверное потому, что не мог полюбить по-настоящему, но разве можно было такое сказать вслух! И он сказал:

– Кино посмотрел слезливое, поэтому плакал.

– Бывает, – согласился тезка, – давай налью!

Да, Мадине, двоюродной сестре Индиры, он нравился, как мальчик серьезный и, главное, красивый. Сестричке она говорила, что они будут хорошей парой, красивой. Но вот работяга-муж по факту состоявшегося знакомства вдруг заявил, что «парень смутный». Индиру это насторожило и, конечно, слегка задело, а на строгий вопрос супруги, что это означает, он пояснил: «Думает что-то внутри себя постоянно. И водку пить не умеет. Что он хочет?» – «Ты это что, там, в горах, психологом стал, что ли?» – спросила Мадина и кивнула на сестренку. – Ты что ее обижаешь? Знаешь ведь, что у них все серьезно!» – «Ну, извини, не обижайся, – обратился он к золовке, – просто я свое мнение сказал!» – «Лучше бы ты свое мнение держал при себе!» – парировала снова супруга. «Да все, – успокойся, – ответил он, – просто, они, теперешняя молодежь, все какие-то смутные. И твой парень такой же. А так хороший парень, пусть и водку пить не умеет». – «Он работает много, – пояснила Индира в его защиту, – ему некогда». – «Ну и хорошо, – согласился он, – пускай работает, я не против». И остался при своем мнении, что парнишка так себе, неопределенный.

Дни приобрели качество привычных, заполненных мелкими незаметными бытовыми ритуалами: он заходил за ней в восемь вечера, они шли

домой (то есть к сестре), в основном, пешком. Когда Мадина или муж были дома, он долго у них не задерживался, а чаще и вовсе не заходил. Когда же они были в отъезде, они с детьми ужинали, смотрели телевизор или «DVD», а потом он уходил.

Подружки в колледже спрашивали, не пристаёт ли он, когда они остаются наедине. Она всякий раз краснела, отчего смущалась и волновалась еще больше. «Ну вот, а что тогда краснеешь?» – «Да не пристаёт, отстаньте! Он не такой!» Девушки откровенно смеялись и подначивали ее: «Да, все они “не такие”! В общем, хотелось бы, да не очень верится в твои слова». – «Не верится, так не верится, а у нас с ним не такие отношения!» – «А какие?» – не унимались подружки. «Да отстаньте вы! Сами знаете, что мы с ним скоро... в общем, поженимся». – «Ну вот, поэтому, наверное, и пристаёт. Сейчас ведь многие сначала делают это, а потом женятся. Ну-ка, колись!» – девушки откровенно забавлялись, но Индира вдруг совершенно серьезно ответила: «Но это же неправильно!» – «Что неправильно? – удивились подружки. – КхъыГэ¹, Индира, не прикидывайся ребенком! Мы в какое время живем, ты что, отстала? А так он и бросить тебя потом не посмеет». – «Это незаконно!» – вдруг выдала она, все еще пытаясь обосновать свои весьма шаткие в их глазах принципы. «Ой, ну ты концерт просто! Где написан такой закон?» Конечно, для них это была просто забава, но Индира почему-то разнервничалась. Девочки заметили это и решили не переигрывать, принялись отговариваться, что просто шутили, просили не обижаться... «Все равно этого нельзя делать!» – настойчиво повторила она.

Случай этот, как и все, что происходило с ней ежедневно, она рассказала вечером Азамату. Он, как ни странно, отнесся весьма прохладно к подобным разговорам. Даже и сам предположил, что девушки так забавлялись. «Нет, – вдруг упрямо возразила она, – не забавлялись. Они серьезно это говорят. А мои понятия считают старомодными! И я уже давно не маленькая, я вижу, что сейчас творится вокруг». – «Ну, значит, они дуры, – заключил Азамат. – И что, они все так считают?» – «Что интересно, – ответила она, – даже городские не такие. А эти мои подружки... Главное, я прекрасно знаю, что не считают они так... Ладно, просто рассердили они меня сегодня».

Азамат хотел было возразить ей, но вдруг передумал, он слишком заботился о ее чистоте даже в помыслах, поэтому промолчал. А сказать он хотел, что и подружки ее, да и вообще большинство современных девушек, именно таких взглядов и придерживаются, и не только так думают, но и поступают так сплошь да рядом, а те немногие, кто не делают этого, просто боятся каких-то теперь уже весьма и весьма зыбких табу.

Кстати, дискуссии подобного рода не были редкостью ни в его Академии, ни, конечно, в офисе «Триады». Одна из них запомнилась ему особенно, потому что в ней довольно своеобразно участвовал и Заур-Шпион, а это бывало не так часто. Так вот, тему для общего размышления подал менеджер Тимур – тоже, как и Азамат, студент. И в его группе произошла

¹ К х ъ ы Г э – пожалуйста (каб.).

такая история: его однокурсник, который совсем недавно женился, случайно обнаружил, что его молодая супруга вела активную переписку в Интернете со своим бывшим парнем.

В ее письмах недвусмысленно говорилось о том, что она поторопилась с замужеством, что не получается забыть его, своего первого, и что теперь она мучительно переживает свою ошибку и не знает, что ей делать дальше; в общем, в таком духе.

Ответы бывшего также не радовали молодого мужа – он нашел там даже прямой совет уйти от него. Но хуже всего было то, что по этой переписке он мог подозревать, что они изредка встречаются.

И что же он предпринял? Он вызвал этого бывшего ее парня на «разборки». Сам Тимур тоже был в числе группы поддержки однокурсника, и встреча была назначена как раз на этот вечер.

В обсуждение не просто с удовольствием, а с наслаждением включились девушки, бывшие на тот момент на рабочих местах: Бэла, Оксана, красавица Лена. Саида как раз что-то искала в общем списке вакансий. Из парней были Тимур, Азамат и Заур-Шпион.

Все три девушки тут же встали на сторону несчастной молодой жены.

Тимур, в свою очередь, сочувствовал обманутому однокурснику, но и молодую супругу тоже жалел – «поспешила с замужеством и мучается из-за того, что сделала больно бывшему парню, а теперь еще и молодому мужу». Ведь она так честно и сказала своему законному супругу, что считает во всем виноватой только себя и достойна самого сурового осуждения.

Молодой супруг – опять же, по словам Тимура – понимает степень ее растерянности и мучений и прощает ей эту минутную слабость. В общем, он встретился с ее бывшим парнем и потребовал, чтобы тот забыл про нее. Но парень ответил, что забыть ее он не сможет и, более того, не может обещать не встречаться с ней. Тогда молодой муж назначил разборки, которые должны состояться сегодня вечером.

В общем, дискуссия разгорелась. Тимур, само собой, был ярким противником бывшего парня. Азамат вдруг сказал, что он, напротив, на стороне того – «за свою любовь надо бороться». Саида его поддержала, сказала, что ничего не видит в том, что девушка уйдет от нынешнего мужа и вернется к своему парню.

Рассматривались даже варианты того, как можно безболезненно решить эту проблему. Тогда Азамат вдруг спросил Заура-Шпиона, который очень внимательно все это время их слушал, а что думает он.

«Я думаю, – охотно отозвался Заур, – только вы, конечно, не обижайтесь, так вот, я думаю, что эта молодая замужняя женщина просто сука. Еще я думаю, что бывший парень ее настоящая сволочь. Ну а этот твой однокурсник – он просто тряпка».

После минутного замешательства послышались возгласы девушек: «Ой, ради Бога! Ну, это вообще...»

– Мы не просили как-то шокировать публику, – вдруг жестко бросила Саида, – мы просто просили высказать свое мнение!

– А это и есть мое мнение, – ответил Заур. – Я не рисуюсь и не пытаюсь произвести впечатление, а так и думаю.

– Иногда свое мнение выгоднее оставлять при себе, – еще резче отчеканила Саида, – чтобы стыдно потом не было или чтобы не смеялись!

– Да мне вовсе и не стыдно, – так же с виду невозмутимо ответил он, – эти трое персонажей натворили таких дел, что живут сейчас в полном дерьме, каждый из них пытается оправдать собственное бессовестное поведение, а вы какими-то надуманными понятиями пытаетесь оправдать одного, другого или третью. И при этом стыдно должно быть почему-то не вам, а мне, тогда как только я высказал единственно правильную оценку этим троиц придуркам.

– Ты можешь обосновать то, что ты сейчас сказал? – обернулась теперь к нему полностью Саида. В ее взгляде была уже откровенная злоба.

– Да легко. Что именно? – Ему в лицо также ударила краска напряжения.

– Почему ты о них такого мнения?

– Хорошо, я скажу, – согласился он, – только сначала вопрос: как вы все считаете, как принято называть женщину, которая живет в законном браке с одним мужчиной (или пусть даже не в браке, но с одним) и в то же время тайно общается (или даже не просто общается) с другим?

Говоря это, Заур смотрел ей прямо в глаза, спокойно, уверенно, даже краска сошла с лица, и он был бледен и напряжен. И Саида не выдержала, отвернулась к своему компьютеру.

– Молчите? – констатировал Заур, потому что все действительно решили промолчать. – Ладно, уж конечно, она называется не Дюймовочка. Теперь про бывшего парня. Это сволочь сознательная, откровенная. Этот гад осознанно лезет и разрушает чужую, молодую, еще не устоявшуюся семью. Есть такие подонки, и будет неплохо, Тимур, если сегодня вечером его отоварят по полной!

А что касается мужа, твоего однокурсника, то этот идиот намеренно соглашается, что его обманывают, и в тот самый момент, как он дал понять своей жене, что готов простить ее, он уронил себя прежде всего в ее глазах – больше она уважать его не будет. Ради такой вот любви он и сам с разбегу окунулся в эту грязь, и все они просто бесчестные, бессовестные люди, потому что ни один обладающий достоинством человек не будет выносить всю эту грязь на общее обозрение и соглашаться на какие-то разборки.

Хотя, по большому счету, только его, законного мужа, и можно в этой ситуации пожалеть – он хотя бы семью пытается спасти. И любовь, если от нее что-то осталось. Это и есть мое мнение, нравится оно кому-то или нет.

Было бы в высшей степени глупо и некрасиво тут же попытаться что-то высказать в ответ или просто даже нарушить тишину, установившуюся после его короткого спича. Но пауза не затянулась надолго. Саида снова обернулась ко всем и спросила: «У кого какие мнения по поводу услышанного?». Молчание. «Бэла?». Та пожала плечами. «Лена?». Она

попыталась ответить, что даже не знает... «А я остаюсь при своем мнении! – произнес Азамат. – За свое надо биться». – «И я при своем, – поддержал Тимур, – мой однокурсник прав!». – «А мое мнение такое, – сказала тогда Саида, – что мы все неправы, а прав только Заур!»

Все снова почувствовали напряжение. «Да, прав Заур, – повторила Саида, – потому что эти трое молодых людей действительно влезли в грязь. И ни у одного из них действительно нет ни гордости, ни чести, ни достоинства. И не заслуживают они никакого оправдания. Это я говорю искренно, потому что теперь тоже так думаю. И это все, давайте работать!»

Пришла осень. Волшебные дни сентября и, особенно, октября, когда Нальчик превращается в самый красивый на свете город. Когда проспекты, а пуще того парки и скверы наполняются спокойствием заслуженной радости, палой листвой, букетики из которой собирают дети и влюбленные; когда улицы заполняют школьники, одно из любимых занятий которых – наступать на «ёжики» каштанов, чтобы выдавить такие гладкие причудливые плоды, которыми уже полны их портфели и ранцы;

когда по утрам с обоих вокзалов растекаются реки студентов;

когда ночами таксисты и подвыпившие повесы на площади Марии начинают ежиться от первой прохлады, а дворники и коммунальщики из «Зеленхоза» еще затемно берутся за скопившуюся к утру листву;

и когда солнце, неумолимо отклоняясь к южному горизонту, дарит на прощание свой неуловимый золотой растекающийся свет, свет легкой грусти, правдивых прощаний с шумным летом, свет особенно ценных последних теплых дней;

а еще – когда везде воцаряется запах дыма от сжигаемой листвы: днями иногда едва различимый, а чаще просто неуловимый в суеде проспектов и улиц, а ночами расстилающийся по притаившемуся городу... После этих дней пошли холодные дожди.

Праздники выпали на выходные. Студенты разъехались по селам пятничным вечером. В субботу Индира до ночи прождала звонка. Азамат не позвонил и в воскресенье. Как назло, дома приходилось сидеть еще один лишний день понедельника, к вечеру которого она не удержалась и сама набрала его номер. «Бессердечный» голос женщины-оператора ответил, что «Абонент временно недоступен». Индира набирала и набирала до самой ночи, пока не расплакалась от обиды и даже злости на этот голос и ненавистные слова: «... временно недоступен».

Во вторник она в нетерпении досидела до окончания пар. И всякий раз по телефону одно и то же: «недоступен», «вне зоны действия».

В общем, в «Триаде» она появилась далеко за полдень. Уже по пути ее стали мучить сомнения в правильности этой затеи, так что она несколько раз даже порывалась сойти на очередной остановке. А когда приехала, жалеть о чем-то было поздно, хотя жалела, очень.

Она была ослеплена. То есть буквально – сияющим светом офисных

софитов после тусклого, пронизанного моросью дневного полусвета улицы; празднично-розовыми стенами главного фойе с бежевыми жалюзи на окнах; столами с изящными изгибами крышек для удобства работы; обилием электронной техники: мерцающих экранами компьютеров, проводных замысловатых телефонов, копировальных аппаратов, принтеров, телефаксов...

И, главное, ослеплена была девушками, которые были в действительности одна лучше другой: одеты одна лучше другой, прически одна лучше другой, манеры, улыбки...

Должно было случиться именно так. Саида была рядом, всего в двух шагах, и все слышала. Потом обернулась и увидела. Пунцовый румянец на нежных щеках этой девочки. Ее мокрые волосы. Увидела даже капельки, стекающие по шейке за воротник бежевого немецкого плаща. Растерянность в глазах, которую скрыть уже не получится. И мольбу в них, обращенную к кому-то, кто поможет ей сейчас, в эту самую минуту... все так и должно было происходить.

И когда менеджер Лена задала этот глупый, совершенно лишний, этот невыносимо злой вопрос: «А вы, девушка, ему кто?», Саида не смогла больше сдерживать себя: «Лен, какая разница, кто она ему?». – «Да никакой, просто...». – «Иди, займись работой!». Она приблизилась.

Красивая девушка Лена, явно задетая, отошла в сторону. А Индира с такой благодарностью посмотрела на свою спасительницу, на эту ослепительную молодую женщину, которая так выручила ее, потому что она готова была даже расплакаться от растерянности и стыда! И эта чудесная женщина поспешила ее успокоить, тихо, чтобы другие не слышали, сказала, что Азамату пришлось совершенно неожиданно уехать – его взял с собою в Ростов директор, Хасан Анатолевич, – и что в спешке Азамат даже забыл в офисе свой телефон, так что они его просто отключили. И сообщила, что приехать они должны сегодня вечером или даже ночью. И добавила: «Умыгузавэ, т҃҃҃҃сэ!»¹. Индира едва слышно поблагодарила ее: «Упсэу!»².

Она заперла дверь своего кабинета и потушила свет. Осталось мерцание экрана монитора. Саида глядела в окно, за которым пелену мелкого серого дождя начинали окутывать сумерки. Смотрела долго, думая о какой-то чепухе – что забыла, когда в последний раз от начала до конца наблюдала, как наступает темнота или, наоборот, рассвет. И даже вспомнила, когда. Это было очень давно, в детском лагере.

Она подошла к шкафчику, открыла мини-бар и достала пузатую початую бутылку коньяка. Села в кресло и налила себе полную рюмку. За окном непроглядно стемнело. Саида вспомнила те капельки с мокрых волос, падавшие за воротник плаща, и какой-то невозможный свой порыв – остановить их пальцем, ведь это, наверное, так неприятно... и после них оставались такие прозрачные холодные полоски на шее. Никто не видел. А она видела. Стало вдруг холодно. Не вовне, а где-то внутри.

¹ Умыгузавэ, т҃҃҃҃сэ – не волнуйся, милая (каб.).

² Упсэу – спасибо (каб.).

«Гадина! – вслух произнесла она. – Какая же я...» – но не договорила. Монитор погас в дежурном режиме, и стало темно.

В дверь ее кабинета несколько раз подолгу стучали, она слышала, как там делали предположения – «куда она могла деться, ведь недавно совсем была здесь, и машина ее стоит на стоянке». А потом услышала глухой голос Аслана. Затем начал звонить телефон, и на дисплее появилось его имя – друга, любовника, покровителя? Хозяина? Она медленно наливалась яростью. Ко всем. А к нему, к этому уверенному в себе буйволу, особенно. Она протянула руку и отключила телефон.

Затем все стихло. Офис опустел, все разошлись. Когда она поднялась с кресла, ее слегка качнуло. Она убрала бутылку с остатками коньяка обратно в шкаф, набросила плащ, открыла дверь. И, выйдя из коридорчика в большое фойе, даже вздрогнула от неожиданности и слышала, как заколотилось в груди сердце – за своим столом сидел в одиночестве Заур-Шпион и работал. Она взяла себя в руки и пошла между столами, около него замедлила шаг, прошла, повернулась к нему. Он молча продолжал работать на компьютере, даже не взглянул в ее сторону. Саида так же медленно пошла к выходу.

Он приехал домой, на свою «официальную» квартиру, в десятом часу вечера и, открыв дверь, был удивлен, увидев ее ботиночки и плащ в прихожей. В полутьме зала она полулежала, подобрав ноги, на диване напротив работающего телевизора. Он подошел поцеловать ее и, конечно, уловил запах спиртного. Сел в кресло сбоку и только тогда обратил внимание на стоящую на ковре у дивана бутылку коньяка. Она даже не приподнялась, не посмотрела в его сторону.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего. Как доехали?

– Нормально.

Он тоже уставился на экран телевизора.

– Саида, все нормально? – снова спросил ее.

– Да, – пожала она плечами.

– Ну хорошо.

Он поднялся и пошел в ванную готовить воду. Вернулся за бритвенным набором в сумке.

– Пока будешь в ванной, – так же глядя в телевизор, сказала она, – подумай, как все-таки называть женщину, которая открыто с одним, а тайно с другим.

Он внимательно посмотрел на нее и промолчал, а когда снова пошел в ванную, она добавила ему вслед:

– И как называется мужчина, который поступает так же.

Его не было долго. Потом после ванной он собирал на кухне чай и какие-то закуски. Потом принес все это и, когда сел, спросил.

– Короче, что случилось?

– Ничего, – так же пожала она плечами. – Кстати, а почему ты сюда приехал?

– А куда мне приезжать?

– У тебя есть девушка. Или ты так не считаешь?

– Та-ак!

Он не стал отвечать, принялся за чай. Потом она наклонилась за бутылкой и стаканом.

– Может, хватит коньяка на сегодня? – заметил он.

– Отвали! Пошел ты, понял! Я тебе сказала, у тебя есть девушка – ей и командуй!

Он глянул на ее красивый профиль, промолчал.

– Почему ты не позвонил? – спросила она.

– Сама знаешь.

– Нет, почему ты ей не позвонил?

– Что? Как ты сказала?

Она медленно выпила и оставила в руке пустой широкий стакан.

– Что значит – ей? – спросил он.

– Я повторяю: что мешало тебе позвонить своей девушке с телефона шефа, с мобильного или любого другого – из гостиницы, из фирмы, из кабака, я не знаю, где вы там еще были? Ответь, что? – за все это время она так и не взглянула на него.

– Где ты с ней встретилась?

– Знаешь, что?

– Что?

– Пошел ты, придурок!

Он переодевался, в стороне, хотя она и не смотрела. Снова, сбросив домашний спортивный костюм, натянул джинсы, заправил рубашку, взял теплый свитер. По телевизору шла передача про космических конструкторов.

– Я раньше представляла себе, кто это может быть, – заговорила Саида, – то есть думала, какая она. Рисовала себе кого угодно: какую-нибудь крепенькую крестьяночку, румяную такую и глупую; или нет, в основном, какую-нибудь нахальную девицу – и обязательно со жвачкой, овцу, короче; а иногда даже такую стройную и высокую длинноволосую красавицу – гордую, неприступную и тупую: да кого угодно...

Он так же молчал.

– Мне даже в какой-то момент захотелось...

Он ждал. Нахмурившись, не смотрел на нее, упрямо глядя в экран телевизора.

– Ладно, ты все равно ничего не поймешь.

– О чем?

– Ни о чем, проехали.

Он поднялся. Вышел в прихожую и вернулся с курткой в руке.

– Твой телефон там! – Она взяла себя в руки и указывала пальцем на столик в углу.

– И еще, Азамат К...в, если ты мужчина, то прямо сейчас и здесь ты должен сделать свой выбор. Раз и навсегда! Или она, или я. Потому что дальше так нельзя. Игры кончились, понимаешь!

Он наконец нашел то, что искал в карманах куртки, – ключи от квартиры. Положил перед ней на столик.

– Это от Александровской, – сказал он, – от этой отдам, когда вещи заберу.

– Сядь, пожалуйста, на минуту, – попросила она. – Сядь, сядь, тебя женщина просит!

Он так же молча опустился в кресло.

– Я не играю, – сказала она, – даже если захочу, у меня не получится. Женщины в любовь не играют. Конечно, если женщина настоящая. И если любовь настоящая. Я не знаю, кто ты, Азамат К...в, но такие, как ты, приезжают в этот город поиграть. Вы не живете, не работаете, не любите: вы играете во все это. И те, что живут в этом городе, тоже играют. Все: наши девчонки в офисе, парни, наши клиенты, наше начальство, ваши студенты, преподаватели. Ну, почти все. Важно не «что», а «как». Как это будет выглядеть. Понимаешь меня? Важен только эффект, они сами называют это «понт». Всё – только имитация. Их дружба фальшива, их любовь надуманна, даже в постели они – подражают. Потому что настоящей любви они не знают, как и настоящей жизни. Потому что от настоящей любви они побегут в ужасе, как и от настоящей жизни. Побегут и спрячутся за своих пап и мам.

Потому что настоящая жизнь жесткая до предела, даже жестокая. А любовь – самое нежное и трепетное, что есть вообще в этой жизни, и относиться к ней надо так же, иначе она становится опасна, как схватка на ножах. Настоящую любовь надо выстрадать, заслужить! А вы все играете в какую-то выдуманную, какую-то испанскую любовь, которой непонятно где насмотрелись и наслушались, и портите жизни себе и другим. Лениво так, со скукой разбиваете чужие семьи и судьбы и, что хуже всего, ставите себе это в заслугу. Но даже это вы делаете фальшиво, потому что любовь не бывает испанской или кавказской, потому что она правдива и обнажена и не терпит фальши, потому что она невыносима и неумолима, как сама смерть. Они все трусы. Вы – трусы. Ты понимаешь меня?

– Короче, чего ты хочешь? – спросил он.

– Я тебе сказала, – ответила она, – не играй. А еще лучше, уезжай отсюда, исчезни. И оставь в покое не только меня, но и ее!

– Я не трус, Саида, – спокойно ответил он, – я не боюсь ни твоей любви, ни твоей жизни. Я вообще, к сожалению, ничего не боюсь. И я сделаю так, как я хочу, понимаешь. А я хочу все. И я это получу.

Он поднялся.

– Нельзя не то чтобы получить все, – сказала она, – а нельзя даже хотеть получить все. Нельзя разрешать себе хотеть получить все!

В дверях он остановился.

– Я не звонил ей, потому что не помню ее номер. Я и твой номер не помню. Да и свой я помню только потому, что ежедневно счет пополняю.

Она тяжело, даже с легким стоном вздохнула.

– Уйди, Азамат, пожалуйста!

Щелкнул замок входной двери...

Продолжение следует...

К 80-летию Андрея Хакуашева

Литературоведением Андрей Ханашович начал заниматься с 1954 года. С этого года по 1957-й выходит ряд статей, посвященных творчеству основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова. Эти публикации составили первую монографию «Творчество Али Шогенцукова» (1958). В ней глубоко и подробно анализируется поэзия А. Шогенцукова и его эпические произведения: «Зимняя ночь», «Вчерашние дни Тембота», «Юный воин», «Мадина», «Камбот и Ляца», рассказы «Пуд муки» и «Старая груша». Автор исследует истоки и пути развития кабардинской поэзии: Али Шогенцуков и устное народное творчество, творчество поэта и русская литература, проблемы становления современного кабардинского языка и силлаботонической системы в национальной поэзии.

Большое внимание Хакуашев уделяет и современной кабардинской литературе. В вышедшей в 1984 г. книге «Ехъулъныгъэм и хкъЫплэхэр» (Истоки становления) автор исследует актуальные проблемы современного литературного процесса, рассматривает творческий путь ряда современных кабардинских поэтов и прозаиков, оценивает их роль и вклад в национальную литературу, анализирует многие художественные произведения, появившиеся в 60–80-х гг.

В 70–80-х гг. А. Хакуашев продолжил исследование творчества классика национальной литературы Али Шогенцукова. Опираясь на значительный фактический материал, касающийся в первую очередь последнего десятилетия жизни поэта, он издал в 1992 г. монографическую работу «ЩоджэцЫкIу Алий» (Шогенцуков Али). С дополнениями и значительной доработкой она была переиздана в 2000 г. к 100-летию со дня рождения А. А. Шогенцукова. В ней прослеживается сложный творческий путь поэта: анализируются его поэзия, эпика, проза, творческое использование им национальной художественной традиции.

В 1978 г. им издана монография «Адыгские просветители первой половины XIX века». В ней на обширном источниковедческом материале выявляются истоки возникновения адыгского просветительства в начале XIX столетия и его характерные особенности; восстанавливается творческий путь пионеров национального просветительства. Автор анализирует их основные художественные произведения и публицистические статьи, выявляются общественно-политические, эстетические и философские воззрения.

В 1994 г. выходит сборник статей Андрея Хакуашева «Япэ адыгэ тхакIуэхэр» (Первые адыгские писатели). Эта работа позволила ему

включить в программу национальных школ, педагогического училища и университета имени активных деятелей национального просветительства дооктябрьского периода.

В 1998 г. выходит следующая монография Хакуашева «Адыгское стихосложение». Проблемами адыгского стихосложения он занимается давно, разработал спецкурс, который много лет читается в университете, написал несколько статей, посвященных этому актуальному вопросу. Обобщив предыдущий опыт, автор прослеживает истоки национального стихосложения.

В 2000 г. появилась новая книга Андрея Ханашховича «Тхыгъэ къыхэахэр» (Избранное), в которую вошли статьи и работы, посвященные творческому наследию адыгских просветителей XIX в. Особое место в ней занимает монография «Адыгские просветители первой половины XIX в.», которая подверглась частичной доработке и некоторому сокращению. Он – автор множества рецензий на книги адыгских авторов, является одним из первых литературоведов, которые заложили основы национальной литературной критики.

Андрей Ханашхович Хакуашев родился 27 декабря 1929 года в сел. Арик Терского р-на КБР – кабардинский литературовед, критик. После окончания республиканской школы-интерната в 1947 г. поступил на филологический факультет Ленинградского университета и закончил его в 1952 г. В том же году был принят в аспирантуру при кафедре кабардинского языка и литературы КГПИ. В 1957 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Творчество Али Шогенцукова».

В 1954 г. был ассистентом, и с тех пор работает на кафедре кабардинского языка и литературы КБГУ. С 1961-го по 1968 гг. – зам. декана филологического факультета КБГУ. В 80-х гг. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук по теме «Адыгские просветители» (первая половина XIX в.). В настоящее время Андрей Ханашхович Хакуашев – профессор кафедры кабардинского языка и литературы КБГУ, член Союза писателей СССР (1976), академик Адыгской международной академии наук (1992), заслуженный деятель науки КБР. Его монография «Адыгские просветители» (1978) была отмечена дипломом Северо-Кавказского научного центра.

Большое и пристальное внимание ученый уделяет современному литературному процессу. Одновременно Хакуашев занимается проблемами северокавказского просветительства, продолжает исследовать особенности национального стихосложения, становления концевой рифмы и силлаботоники в национальной поэзии.

Андрей Хакуашев является автором учебников по истории родной литературы для общеобразовательных школ и вузов, множества очерков и статей в периодической печати – газетах, журналах и альманахах.

К 75-летию Ибрагима Гадиева

Самое крупное и значительное произведение Гадиева – роман «Нарт уя» (Гнездо нартов), написанный в 70-е гг. Частично он публиковался на страницах альманаха «Шуёхлукъ». В 1982 г. роман вышел отдельной книгой. Он посвящен сложному периоду в жизни народов Кабардино-Балкарии – Великой Отечественной войне. Стоит из нескольких сюжетных линий, но все они пересекаются на магистральной линии – войне. И именно на этом историческом фоне изображается судьба небольшого балкарского сел. Нарт Уя, жители которого – и стар, и млад – лицом к лицу сталкиваются с гитлеровскими захватчиками, вступа-

ют в кровавую схватку с ними, отстаивая и сохраняя национальное и общечеловеческое достоинство. Они не столько боятся смерти, сколько быть покоренными и поработанными. Особенно ярко высвечены писателем образы Локмана, Ортабая, Солтана и других персонажей, которые честь родной земли ставят выше своей жизни и перед лицом жестокой реальности не теряют своего мужества. В произведении утверждается высокая идея любви к Отечеству и ненависти к оккупантам.

Первая книга Ибрагима Маткериевича «Санга айтама» (Тебе говорю) была написана в 1958–1961 гг., но увидела свет лишь в 1973 г. История любви молодого человека, непредвиденные зигзаги судьбы, обусловленные историческими и политическими перипетиями в жизни страны, составляют основу сюжета произведения. В годы Великой Отечественной войны погибают родители главного героя произведения Мурадина, и мальчика воспитывает добрая женщина, кабардинка, которая заменила ему родную мать. События происходят в 50-х гг., в переломный период в жизни всех народов многонациональной страны, когда рушатся сталинские представления о справедливости и свободе и рождаются новые. Молодые люди постсталинского периода Мурадин, Барасбий, Аминат, Жансурат стремятся к установлению новых жизненных принципов.

Отрывок второй повести «Туугъан ташдан кенгде» (Вдали от родного очага) был напечатан в альманахе «Шуёхлукъ» в 1963 г. В полном объеме она была опубликована в сборнике рассказов и повестей Гадиева «Эсимдеди» (В памяти моей. 1987).

Ранние повести и рассказы Ибрагима Гадиева пронизаны большой заботой писателя о нравственном воспитании подрастающего поколения. реалистическая полнота облика времени от первых послевоенных лет до современности, яркость характеров героев, образность языка – характерные черты творчества Гадиева.

Ибрагим Маткериевич Гадиев родился 18 октября 1934 года в сел. Шаурдат Черекского р-на КБР – балкарский писатель, журналист.

Среднюю школу окончил в 1953 г. в Казахстане, куда был депортирован его народ. После реабилитации и возвращения на родину в 1962 г. окончил отделение русского языка и литературы КБГУ, в 1970 г. – отделение журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Годы учебы совмещались с трудовой деятельностью: литературный сотрудник газеты «Советская молодежь» (1957–1961), корреспондент, редактор, главный редактор студии телевидения (1961–1968), главный редактор издательства «Эльбрус» (1971–1989), директор издательства «Эльбрус» (1983–1995). Гадиев – член Союза журналистов СССР (1963), член Союза писателей СССР (1981). В 1978 г. ему было присвоено звание «Отличник печати СССР».

Сюжет повести «Къанатлыда жел улуйду» (Воет ветер в Канатлы) основан на трагических событиях в жизни народа – депортации в 1944 г. в Среднюю Азию. Автор сконцентрировал свое внимание на образах советских солдат, майора Ростова, лейтенанта Крепака, сотрудника НКВД Скулина, которым суждено было исполнять эту позорную античеловеческую акцию при сталинском режиме.

Эта повесть была написана еще в 1964 г. на русском языке. Первоначально она называлась «Возвращение», и на ее основе был создан сценарий короткометражного художественного фильма, который получил одобрение известного сценариста, профессора Алексея Каплера.

Одним из первых, кто ознакомился с рукописью повести, был и Кайсын Кулиев. Однако, как вспоминает сам автор, Кулиев посоветовал ему написать повесть на родном языке. Спустя много лет произведение было доработано, переименовано и опубликовано в журнале «Минги Тау» (1988. № 4).

Многие художественные произведения Ибрагима Маткериевича переведены на русский, украинский, кабардинский языки.

Особое место в творчестве писателя занимают переводы на родной язык: «Что тот солдат, что этот» Б. Брехта, «Свет далекой звезды» А. Чайковского, «Материнское поле» и «Джамиля» Ч. Айтматова, рассказов украинских писателей Д. Дереча, А. Звырина, Н. Рябого (см. сб. «Накьут минчакъ». Яхонтовый бус. 1971); «Подолияны къарылгъачлары» (Ласточки Подолии. 1981); циклов рассказов Х. Шекихачева, К. Эльгарова.

Творчество Гадиева – одна из ярких страниц в истории балкарской художественной словесности. Оно отличается жанровым разнообразием и стилевой выразительностью.

В настоящее время Ибрагим Маткериевич продолжает активную творческую деятельность.

К 70-летию Оюса Уянова

Творческий путь поэта начался с публикаций стихотворных подборок в газетах, где он сотрудничал. В 1963 г. в альманахе «Шуёхлукъ» был опубликован цикл лирических стихотворений Уянова: «Кечеги жолда» (В ночной дороге), «Туугъан элим» (Родное село), «Ата журтума» (Родине). С 70-х гг. начинают издаваться отдельные сборники стихов поэта: «Таулары башлары» (Вершины гор. 1978), «Бызынгы тартыула» (Напевы Безенги. 1985), «Чал жауун» (Седой дождь. 1991), «Шайтан жел» (Шальной ветер. 1998). Кроме стихов, Оюс Хасанович пишет поэмы и баллады: «Кёрге кирген кюнюм» (День, когда вошел в могилу), «Кюн тууушла» (Солнцепек), «Даучума» (Я – истец), «Тюзлюкню кючюне ийнана» (Веря в силу справедливости), «Эсгере Кязимни, Къайсынны» (Вспоминая Кязима и Кайсына), «Жулдузлу кечеле» (Звездные ночи).

В лирике Уянова заметно медитативное начало, эмоционально насыщенное размышление о чем-либо: «Кимге айтырма кимге» (Кому я скажу). Доминирующими мотивами творчества поэта являются раздумья о родине, о любви к ней, о миропорядке. Основная художественная идея поэта связана с исторической судьбой балкарцев. Почти каждое стихотворение посвящается Балкарии, ее народу: «Чисты мои помыслы», «Клянусь своей родиной», «Народ мой – раненый камень» и т. д.

Лирика поэта, посвященная судьбе народа, пронизана трагизмом и обусловлена, прежде всего, несправедливым тринадцатилетним изгнанием в Среднюю Азию. В этом плане особо выделяется поэма «Даучума» (Я – истец), в которой слышится горький упрек поэта за злодеяния, жертвой которых стали многие репрессированные народы.

Гневный тон автора является доминирующим на протяжении всего сюжетного пространства поэмы. Особенно ярко это выражено в рефренной строфе: «Текущий век успокаивает, / – Ты не переживай, не теряйся, – / Но я, но я, / Я – истец, я – истец». Таким образом, Уянов соблюдает одно из важнейших свойств лирики – воплощение черт личности поэта в образе лирического героя.

Поэма созвучна с другим произведением – «Тюзлюкню кючюне ийнана» (Веря в силу справедливости). Если в первой поэме Уянов констатирует насилие, творимое над народом, то во второй причина душевных ран поэта раскрывается глубже: «Пусть мой враг живет, / Смотря из мглы на родное село. / В чем радость жизни, если вдалеке страдаешь по родине?!»

Особое место в творчестве Оюса Хасановича занимает тема жен-

щины, которая у каждого художника слова раскрывается индивидуально. Сила художественного воплощения этой темы обусловлена самой судьбой автора и роли в ней представительниц прекрасной половины человечества. Лирический герой поэта ищет свою суженую, ждет ее: «Не зная своего пути, / Тебя ищу на тысячах дорог / Как я измучился...» («Я живу, страдаю»).

Поэма «Шайтан жел» (Шальной ветер. 1998) адресована детям школьного и дошкольного возраста.

Оюс Хасанович Уянов родился 27 декабря 1939 года в сел. Шики Черекского р-на КБР – балкарский поэт. Во время депортации балкарцев в 1944 г. он попал в Киргизию, где окончил семь классов. После возвращения в Кабардино-Балкарию в 1958 г. поступил в Нальчикское педагогическое училище, по окончании которого в 1962 г. продолжил учебу в КБГУ на филологическом факультете. Еще в студенческие годы был активным сельским корреспондентом газет «Коммунизмге жол», «Заря коммунизма». С 1969 г. работал учителем балкарского языка и литературы в средней школе сел. Кичмалка Зольского района. В 1991 г. принят в члены Союза писателей РФ.

Творчество любого художника слова является зеркалом, в котором так или иначе отражается его реальная жизнь, ибо в большинстве случаев оно запечатлевает мироощущения самого автора. Знакомство с лирикой Уянова подтверждает эту мысль, так как в каждой строчке поэта чувствуется неразрывность его жизни и творчества, что ведет к гармоничному единству художественного вымысла и действительности.

К 70-летию Хачима Кауфова

Для творчества Кауфова характерна многоплановость. Он – известный публицист, литературовед, литературный критик, писатель-документалист, поэт. Ведущая тема его разнообразного творчества – военно-патриотическое, трудовое, нравственное воспитание людей.

Хачим Хабасович Кауфов родился 10 февраля 1940 года в сел. Кызбурун III Баксанского р-на КБР – кабардинский писатель, публицист. После окончания историко-филологического факультета КБГУ (1964) работал ответственным редактором районной газеты «Коммунист» (Баксан, 1964–1965), литработником и зав. отделом республиканской газеты «Советская молодежь» (1965–1973), старшим редактором Комитета по телевидению и радиовещанию при Совете министров КБАССР (1973–1975), литработником редакции журнала «Блокнот агитатора» (1975–1977; 1980–1982), ответственным редактором Кабардино-Балкарского отделения Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина». 1977–1980), заведующим сектором печати, телевидения и радио Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1982–1986), председателем Государственного комитета по телевидению и радиовещанию КБАССР (1986–1992), зам. главного редактора республиканской газеты «Адыгэ псалъэ» (Адыгское слово) (1992–1998). Хачим Хабасович избирался депутатом Нальчикского городского Совета народных депутатов, членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС. С января 1998 г. – председатель правления объединенного Союза писателей КБР, секретарь правления Союза писателей России. Член Союза писателей, член Союза журналистов РФ, с 2008 г. – вновь руководит СП КБР.

Кауфов принадлежит к плеяде литераторов, заложивших в кабардинской литературе основы жанра документально-художественной прозы. Пишет на кабардинском и русском языках.

Проблемам развития кабардинской литературы посвящен его сборник статей, очерков, литературных портретов и эссе «В зеркале социальной жизни» (1980). В статьях «Критика – компас в литературе», «Листья и корни», «Факты истории и дух современности», «Все земные цвета», «София и Залина. Обретения и потери». Кауфов по-своему смотрит на некоторые устоявшиеся явления литературного процесса. Говоря о литературно-художественной критике, в качестве аргумента в пользу своих доводов приводит слова известного критика Д. И. Писарева, ставшие для него путеводными: «Чтобы критическая статья не была переливанием из пустого в порожнее, надо, чтобы в ней высказывался

взгляд критика на явления жизни, отражающиеся в литературном произведении; надо, чтобы в ней, с точки зрения критика, обсуждался и решался какой-нибудь вопрос, поставленный самой жизнью и подтолкнувший художника на создание разбираемого произведения».

Значительным вкладом в развитие жанрового многообразия кабардинской художественной литературы стала документальная проза Кауфова. Он – автор документально-художественной повести о Герое Советского Союза летчике Ахмед-Хане Канкошеве «Орел умирает в полете» (1971). Это не просто исследование боевого пути героя, это повесть, где все достоверно и в то же время увлекательно, эмоционально, полно символов, художественных образов, картин, т. е. всего того, что отличает художественное произведение от архивного документа.

Хачим Хабасович в 1966-м и 1968-м годах участвовал вместе с представителями молодежи республики и ветеранами 115-й кавдивизии в походах по местам ее боевых действий, и результаты этих поисков легли в основу повести «Мэзыр жыг зырызурэ зэхэтщ» (Лес состоит из деревьев. 1977).

Участникам Гражданской войны, героям Великой Отечественной войны посвящен сборник «Общий памятник» (1985), который вышел к 40-летию Победы над фашистской Германией.

Героико-патриотическая тема занимает центральное место в сборниках рассказов, очерков и повестей «Гъатхэм и ныбжьыр» (Возраст весны. 1967. 2000), «Зауэм и ЁпапГэхэр» (Отпечатки пальцев войны. 1973), «Верность подвигам отцов» (1967), «Память о подвиге» (1966).

Другая ведущая тема работ Кауфова в жанре документальной прозы и исторической публицистики – судьба мухаджиров – соотечественников, проживающих в странах Ближнего Востока. Он одним из первых начал писать о них. Свои очерки о трагических последствиях Кавказской войны, истории черкесской диаспоры, горячей любви потомков мухаджиров-переселенцев к родине отцов, их роли в истории и культуре Турции и арабских стран Хачим Хабасович объединил в 1972 г. в книгу «Вечные странники».

На фоне происходящих сегодня в России и в мире событий как глубоко актуальные воспринимаются размышления автора о судьбах своей родины и своего народа, проблемах войны и мира.

Кауфов не только писатель-документалист, но и поэт-философ. В программном стихотворении, давшем название сборнику «ЩаКлуэ кIапэ» (Дуэль. 1969) выражена гражданская позиция автора: пока живу на белом свете, мне до всего есть дело на планете. Это не просто декларативное заявление, а профессиональное кредо литератора, который всем творчеством стремится выработать приемы и принципы изображения сложной в своих неизбежных противоречиях жизни. Цикл стихов «На чужбине» посвящен и встречаю с адыгами в Сирии, Иордании, Ливане.

К 60-летию Людмилы Загаштоковой

Спутники поэта

Есть авторы, у которых благожелательная критика видит только позитивное и «с пеной у рта» расхваливает самое, как ей кажется, лучшее у них. Загаштокова, насколько нам известно, не замечена конструктивной критикой. А жаль. У нее есть, что сказать художественному миру, и к нему этому миру надо прислушаться, затаив дыхание.

В новую книгу стихов, которая скоро выйдет в свет на русском языке (в переводе Г. Яропольского), включено стихотворение «Заплутавшие птицы». Цитируем из него отрывок:

*Я не хотела думать о тебе,
но память не дарует мне покоя...
Стоим с тобой на разных берегах
меж нами мчит река, и нет в ней брода.*

Извечная тема. Все как будто просто и понятно. Миг быстротечной жизни. Хочется еще раз прочесть эти строки. У памяти нет ничего дороже покоя, когда думать ни о чем не хочется, а она, словно замороженная магией навязчивого рока, в той жгучей потребности отказывает именно в тягостный час. Бывшие совсем недавно близкими по сердцу вдруг неожиданно оказываются по разные стороны жития. Лирическому герою мало войти в реку, разделяющую их. У реки, этой судьбы-разлучницы, свой нрав – нет брода...

В отличие от многих поэтов, которые тратят жизнь на поиски бессмысленных троп и не делают различий между стихосложением и стихотворением, Загаштокова тянется к последнему. Несмотря на превратности бытия, у нее есть кредо. В стихотворении «Мои попутчики» она знакомит нас с теми, кого берет себя в ориентиры: хлеб и горсть отчей земли, мелодия родины, мудрое слово матери и мужество отца. Как не идти с таким спутником в художественную разведку, если подаст руку.

Подкупающая тайна лучших стихов поэта – сдержанная откровенность. «Недостойна ли я любви?» – так озаглавлено одно из ее стихотворений. Вопрос, но какой силы! Истинные ценители дарования Людмилы Загаштоковой ответят: «Да!».

Сафарби Бейтуганов

Когда знакомишься с произведениями Л. Загаштоковой, первое, на что обращаешь внимание, это то, что ее творчеству присущ тот романтизм, который не только окрыляет для вдохновения, но и дает силу преодоления привычной повседневности и умение удивляться каждому дню окружающего мира. Здесь можно говорить о закономерности ее художественных поисков: поэзия – это творение таланта, данного от Бога, талант «питается» и мировосприятием человека, его способностью видеть в привычном, «заурядном» – незаурядное, светлое, возвышенное.

*Мухаб Бжеников,
критик, кандидат филологических наук*

В окно стучится новый день.
Как радостно с зарей проснуться
И осознать: исчезла лень,
Что душу мучила искусно!

Глаза распахнуты. Весь мир
С твоей душой согласен ныне...
А в небе – буйных красок пир:
Оазис встретился в пустыне!

Как много хочется успеть,
Пробравшись к свету из тумана...
Довольно слез! Мне впору петь!
Сегодня жизнь опять желанна!

Спешу возвысить я добро,
Спешу любовь возвысить словом.
Не надо морщиться: «Старо...» –
Живу отнюдь не на готовом.

Пишу от сердца: я сама
Сполна все это испытала –
Сама сходила я с ума,
Сама воскресла, как мечтала.

Не день, а чудо! Из двора
Цветочный запах в дом струится,
Весельем плещет детвора,
Пера ждет белая страница...

И внуки, окружив меня,
Мне душу полнят чистотою.
Жизнь новая, к себе маня,
Сравнится разве что с мечтою.

Какое счастье: на заре
Проснуться в собственной отчизне
И написать в календаре:
«Что может быть желанней жизни?»

Перевод Ярослава Полонского

Алим АЛАФАЕВ,
кандидат исторических наук,
член Союза журналистов России

Литературная «Вершина» и «Вечер, посвященный Кязиму» на страницах «Колхозной жизни» (1973–1974)

(отрывки из книги автобиографических очерков «Думы о былом»)

После окончания Советской (Кашхатауской) вечерней средней школы и до призыва на службу в ряды Советской Армии я работал литературным сотрудником районной газеты «Колхозная жизнь» (ныне «Трудовая слава»), в которой проработал более года (1966–1967). В это время главным редактором газеты был известный балкарский поэт и довольно строгий руководитель нашего дружного коллектива журналистов Салих Гуртуев. Здесь публиковались не только мои очерки, зарисовки и статьи о труженниках села, но и первые стихи, которые писал с 14 лет.

С тех пор связь с родной газетой не прерывалась. Помню, как собравшись по перу провожали меня в армию. Надев солдатскую форму и пройдя курс молодого бойца, я многое в жизни осознал по-другому, возмужал, повзрослел. Свою тоску по дому я выразил в стихотворении «Письмо к матери», которое было опубликовано в «Колхозной жизни» за 12 декабря 1967 г. Оно многим понравилось. В этом я смог убедиться, когда в начале ноября 1968 г. приехал домой в краткосрочный солдатский отпуск. Пришедшие проведать и поздравить меня и моих родителей бабушки и тетушки обнимали новоявленного Есенина, с гордостью сообщая, что хранят газеты с моим солдатским стихотворением. И вот я вырвался из дома к друзьям. Зашел в редакцию газеты, где по-прежнему заседала веселая пишущая братия, скрипя орудиями своего нелегкого труда. Меня радостно встретили старшие друзья Мухарбек Тогузаев и Мухажир Саракаев. Зашел к дорогому и уважаемому Михаилу Бицуеву. М. К. Бицуев был многолетним и бессменным заместителем редактора, прекрасным человеком и великим тружеником, на плечах которого лежала вся тяжесть выпуска номеров «Колхозной жизни».

Мои творческие связи с районной газетой возобновились с января 1973 года, когда я стал работать в Советском райисполкоме ответственным секретарем райсовета Всесоюзного общества охраны природы, совмеща

свою деятельность в районной администрации с преподаванием истории в Бабугентской вечерней средней школе, что в часе ходьбы от пос. Кашхатау. Дело в том, что в 1972 г. я по семейным обстоятельствам вынужден был перевестись с третьего курса исторического факультета Петрозаводского университета (1969–1972) на заочное отделение КБГУ, чтобы помочь родителям в воспитании младших детей. Кстати, за два года обучения прошел три курса, успешно сдал государственные экзамены, получив в июле 1974 г. диплом преподавателя истории и обществоведения. После этого работал по специальности в Нальчике.

Два неполных года (1973–1974), проведенные в Кашхатау, оказались интересными, были насыщены различного рода событиями. Но меня больше всего волновала успеваемость братьев-школьников. Две сестры вышли замуж, младший брат Олег служил в армии, а пятеро самых младших братьев, учившихся в школе, остались без должного присмотра. Мне не удалось сразу трудоустроиться в своем поселке, поэтому пришлось поработать первое полугодие 1972 учебного года учителем русского языка и литературы в Ташлы-Талинской средней школе. Но вынужден был вновь вернуться в родной поселок Кашхатау. Заболела моя мама. Расставаться с живописным селом Ташлы-Тала и самой красивой речкой в мире Хазнидоном, да и чудесными ташлы-талискими детьми, к которым я прикипел всем сердцем, особенно к 5-му классу, где я был классным руководителем, мне не хотелось. Но долг сына перед матерью – превыше всего. Я положил больную маму на целый месяц в районную больницу и принялся непосредственно исполнять долг старшего брата в многодетной семье.

В начале 1973 г. новый редактор районной газеты Б. К. Батчаев обратился ко мне с просьбой создать при «Колхозной жизни» литературно-художественное объединение, что способствовало бы и престижу газеты, и выявить творческие таланты учащейся молодежи. Я, разумеется, не мог отказаться. Мне довольно быстро удалось создать литературный кружок «Вершина». В нем приняли активное участие учителя и ученики из различных средних школ района. Проводил в здании редакции поэтические семинары со школьниками, которые приезжали из Бабугента, Аушигера и других сел. В этой работе мне помогал сотрудник газеты, уже зрелый поэт Хадис Мечиев. Активными участниками являлись учителя из Бабугентской средней школы – поэт Елена Золотухина и прозаик Наталья Сидаш. Обе они – милые и молодые ленинградки, приехавшие «отрабатывать» свои дипломы. Деятельное организационное участие принимал энергичный и уже немолодой завуч Бабугентской школы-интерната № 10 баснописец Николай Юшкевич. Где, интересно, они теперь? Здесь проявила свои творческие дарования ученица 10 класса средней школы п. Советской Лейла Мокаева, которая выступала на литературных страницах творческого объединения «Вершина» с замечательными новеллами. Эти номера газеты были нарасхват. Хочу с удовольствием отметить, что Лейла Мокаева продолжает трудиться в родной районной газете, радуя творчеством поклонников своего журналистского и писательского таланта. Мы печатали стихи начинающих поэтов на трех языках – кабардинском, балкарском и

русском. Печатали и переводы. Помню, в начале марта 1973 г. я получил по почте стихотворение на балкарском языке «Зима» Тамары Гузиевой, ученицы 5 класса Ташлы-Талинской средней школы. Я перевел стихотворение на русский язык и опубликовал в «Колхозной жизни» за 24 марта 1973 г. Этот номер отправил юной поэтессе. Она была бесконечно рада. Не могу сдерживать чувства благодарности и гордости за литературные страницы моей родной районной газеты, в которой благодаря помощи редакторов в разное время печатались замечательные молодые поэты: Абдуллах Бегиев, Ахмат Созаев, Сафарби Хахов, Анатолий Бицуев, Лиуан Губжоков, Борис Утижев и другие.

В феврале 1974 г., за полгода до 115-летия со дня рождения Кязима Мечиева и за месяц до 29-й годовщины его смерти, мне удалось организовать инициативную группу из лучших представителей местной интеллигенции для проведения торжественных общественных мероприятий в связи с приближающимися датами. Эти молодые люди, патриоты-энтузиасты, знали и любили историческое прошлое своего народа и гордились его духовными вождями, в первую очередь Кязимом – основоположником балкарской литературы и одним из родоначальников борьбы за светлое будущее своего народа. Вожди же коммунистической партии и мощный идеологический аппарат обслуживания имиджа этих вождей, как и пропаганда светлого коммунистического будущего, которое никак не наступало, к тому времени стали набивать оскомину. Постоянное присутствие на экране телевизора стареющего и обрюзгшего лица «Бровеносца в потемках» вызывало легкое чувство досады и раздражения. Мыслящая молодежь нуждалась в реальных, образованных и умных людях, с которых можно было брать пример, а не в показных и дутых партийных вождях и авторитетов. В условиях советской действительности без санкции сверху появление, даже в масштабе района, «героев нашего времени» было весьма затруднительно. Герои были, но они были героями физического, а не интеллектуального труда, тогда как мыслящей молодежи хотелось духовной жизни и конкурентной борьбы за место под солнцем. Легитимные герои партии – это труженики села старшего поколения и достойно несущие трудовую вахту молодые комсомольцы, о которых неустанно писала наша газета. А если и появлялись какие-нибудь неформальные «герои» или просто образованные и свободно мыслящие личности, то непременно вызывали подозрение у неусыпного ока партии, да и у премудрых пескарей районного масштаба. Ох уж эти бессмертные щедринские пескари, осевшие на всех уровнях властных структур и возомнивших себя жуками! «Россию погубят дороги, чиновники и дураки», – родилась в моей голове строчка, которая позднее будет включена в одно из моих стихотворений. Когда нет героев и вождей в настоящем, их находят в прошлом. Таким героем и вождем балкарского народа нам представлялся мудрый Кязим, чей авторитет среди горцев всегда был высок и непрерываем. Обращаясь к его поэзии, мы учились стойкости духа в борьбе за социальную справедливость и мужеству говорить торжествующей власти и «сильным мира сего» народную правду.

Наша группа поклонников поэзии Кязима состояла из видных представителей сельской интеллигенции. Она возникла как-то сразу, почти стихийно, как пламя от удара молнии в темном лесу. Ее объединила высокая и бескорыстная идея проведения научно-практической конференции, посвященной основоположнику балкарской литературы. Время подготовительной работы по проведению конференции, когда наши молодые сердца горели, как сердце Данко, было самым волнительным и незабываемым. На миг показалось, что мои друзья-единомышленники – это и есть настоящие «герои нашего времени». Моя мысль, чиркнув в сознании, быстро погасла, как спичка. Да и потом жизнь была полна противоречий, решаемых только компромиссами, возникали различного рода трудности, которые приходилось преодолевать, иногда хитря и кривя душой. Практика коммунистического прошлого – это королевство кривых зеркал и искривленных в лицемерии душ. Но, слава богу, болото застойной действительности засосало далеко не каждого человека! Настоящее казалось временным недоразумением. Люди, окрыленные романтикой дел, жили в светлом и справедливом будущем, страстно мечтая о нем. У самых стойких из них оставались чистые и светлые, как воды Голубого озера, души, невольно украшавшие советскую действительность.

Мои друзья-единомышленники (Хасан Чеченов, Роза Батчаева, Виктор Уянаев, Алексей Мокаев, Михаил Уянаев) попытались подготовить серьезные и интересные доклады и сообщения. Состоялся теплый, искренний разговор о жизни и творчестве незабвенного поэта-кузнеца Кязима. Это был своеобразный литературный вечер, где каждый выступающий признавался в любви и уважении к мудрецу Кавказа. Кязимоведение начинало набирать силу. Мероприятие вызвало общественный резонанс. Данный факт был отмечен и корреспондентом районной газеты Шамилем Чеченовым, который, приятно отметить, и по сей день достойно несет свою журналистскую вахту на боевом корабле, капитаном которого является энергичный Марат Чабдаров. Репортаж Ш. Чеченова «Вечер, посвященный Кязиму» был опубликован в «Колхозной жизни» за 12 февраля 1974 г.

Такое невиданное мероприятие, проведенное по инициативе молодых патриотов, вызвало недоумение и подозрение со стороны некоторых партийных чиновников. Помню, как ко мне на выходе из Дома культуры подошел один из них и назидательно сказал, что те инициативы, которые прозвучали в моем докладе «Кязим: борец, поэт, мыслитель», должны были согласовываться с райкомом партии: «Это дело не твое, а партии!» Я, пытаясь шутить (хотя с коммунистической партией, как известно, шутки заканчивались плохо), ответил вопросом: «А что делать, если партия дремлет?» Рядом с ним стоял чиновник из отдела пропаганды, которого односельчане в шутку называли «Геббельсом». Этот карликового роста человек внимательно слушал наш разговор. По его злорадно улыбающемуся лицу было видно, что он из последних сил напрягает свои третичные извилины, которых было не более двух, и что-то замышляет. Он впоследствии оказался моим злейшим врагом. Отсутствие ума компенсировалось у него житейской хитростью, – глуповатый на вид, он был

мастером политических интриг. Потом подошел ко мне популярный певец и баянист Азгор Ульбашев и, взволнованно пожимая мне руку, сказал, что он, будучи совсем молодым, принимал участие в похоронах Кязима и, если решат переносить его прах из Казахстана в Кабардино-Балкарию, готов показать место захоронения поэта. Об этом же говорила с трибуны литературного вечера известная в районе персональная пенсионерка Кудас Бачиева, лично знавшая Кязима.

Большой интерес вызвали выступления и моих друзей. О ярких и трагических страницах биографии поэта поведала заведующая районной библиотекой Роза Батчаева. Инструктор райкома партии Виктор Уянаев раскрыл этапы становления и развития творчества основоположника балкарской литературы. На лучших достижениях поэтического творчества Кязима остановился инженер Советского районного объединения «Сельхозтехника», мой ближайший друг и бывший одноклассник Хасан Чеченов. В своем блестящем выступлении, прочитав стихи кузнеца-мастера («Черный камень сорвался с утеса» и другие), оратор отметил, что эти шедевры поэтического творчества Кязима стяжают ему всемирную славу и ставят в один ряд с классиками мировой поэзии. Эти выводы он подкрепил высказываниями профессиональных знатоков поэзии и ценителей творчества основоположника балкарской литературы. С большим вниманием слушали выступление учителя Советской средней школы Михаила Уянаева. Он рассказал о своем восприятии Кязима как поэта и человека, о воспитательной роли поэзии Кязима на учащуюся молодежь. В заключение прочитал свои трогательные стихи, посвященные любимому поэту. Заведующий отделом культуры Советского райисполкома Алексей Мокаев выступил с сообщением на тему: «Использование произведений Кязима Мечиева в художественной самодеятельности районного Дома культуры», вызвавшим чувства глубокого удовлетворения и благодарности у оживленных участников конференции.

Все докладчики, как и я, издавна мечтали увековечить память великого поэта-мудреца Кязима. Помню, какой радостью и гордостью сияли лица Хасана Чеченова и Розы Батчаевой, которые, найдя в каком-то складском помещении заброшенный бюст Кязима Мечиева, принесли и украсили им сцену Дома культуры. Если мне не изменяет память, этот бюст был впервые установлен в 1959 г. у административного здания турбазы «Голубое озеро». На его открытие вместе с Кайсыном Кулиевым приезжал московский писатель Леонид Соболев. Я тогда был в составе учащихся Советской средней школы, которые были включены в состав пионерской делегации для принятия участия в праздничном мероприятии. Мы знали, что бабугентские школьники подарили известному русскому писателю олененка. Нам было интересно, какова будет судьба этого маленького и беззащитного лесного жителя. Помнится, выступавший перед нами московский гость нежно держал бедное животное на руках, а потом отпустил его на волю со словами: «Кязим любил свободу, и пусть этот олененок тоже растет на свободе!» Поступок писателя произвел сильное впечатление на всех присутствующих. Кажется, что именно этот бюст Кязима сейчас стоит

у развилки двух дорог: одной, ведущей в с. Бабугент и Голубые озера, и другой, ведущей на родину Кязима – с. Безенги, а точнее – Шики.

Но в тот февральский вечер 1974 г. мудрый и любимый Кязим был с нами, на сцене нашей конференции. Словно живой, он всматривался в зал, облагораживая своим присутствием праздничное мероприятие в районном Доме культуры. Он был бы приятно удивлен, радуясь, что балкарский народ вернулся и живет у родных очагов, не забывая и его. Я это чувствовал, а может, мне просто казалось. Как основной докладчик я, помню, читал текст и свои стихи, непроизвольно обращаясь в сторону Кязима, который, казалось, меня внимательно слушал. В заключение вечера к удовольствию отзывчивой аудитории ученицы 10 класса Советской средней школы Радима Чеченова, Зоя Ажоева и Рахима Мокаева взволнованно и проникновенно продекламировали стихи великого поэта «Будем учиться», «Много видел Кязим» и «Пионерам». Литературный вечер, посвященный Кязиму Мечиеву, удался на славу. Все остались довольны.

Прозвучавшие в моем докладе предложения по увековечению памяти поэта, которые были согласованы не с райкомом партии, а с единомышленниками, в первую очередь с другом-одноклассником Х. Х. Чеченовым (будущим заместителем премьер-министра КБР), сводились к следующим пунктам:

- перезахоронение праха поэта, умершего в далекой ссылке, ибо «Кязим должен лежать под сенью родных гор»;
- издание полного собрания сочинений поэта-мыслителя;
- сбор и издание воспоминаний современников Кязима, пока они живы;
- празднование дня рождения поэта-просветителя как национального праздника балкарского народа в первую субботу сентября (тогда считалось, что К. Мечиев родился в сентябре 1859 г.);
- создание музея Кязима Мечиева;
- присвоение Советской районной библиотеке им. К. Мечиева;
- сооружение достойного памятника великому поэту Кязиму Мечиеву (можно на народные средства, желательно в полный рост, из белого мрамора).

Хочу отметить, что эти предложения, прозвучавшие в моем докладе, были опубликованы в литературно-критическом очерке «Мудрец Кавказа», украсившем два номера районной газеты «Колхозная жизнь» за 21 и 28 февраля 1974 г. Этой публикацией, посвященной Кязиму Мечиеву, я особенно горжусь. Здесь же были приведены мои короткие стихотворения, адресованные моему любимому поэту.

Родник поэзии

Как рана гор, зияет твой родник,
Вместив в себя народа боль былую.
Я на коленях к роднику приник,
Его не пью, а плачу и целую...

Судьба

Ты проклинал насилие стократ
И был всегда с родным народом рядом.
Судьба слепа... Ты умер, наш Сократ:
Боль ностальгии горше кубка с ядом.

Бессмертье

Кует стихи хромой кузнец Кязим
И, как скала, глядит на нас живым.
Любя до слез улыбку и морщины,
Я, кланяясь, иду к святой вершине.

Более того, моя статья благодаря поддержке замечательного журналиста и писателя Жагафара Токумаева, весной того же года прозвучала по республиканскому радио.

В связи с этим сюжетом хотелось бы выразить слова благодарности всем тем, кто реализовал позже некогда озвученные мной, но тогда никем не услышанные идеи, кроме одной – присвоение Советской районной библиотеке имени К. Б. Мечиева. Это была выстраданная идея и заветная мечта заведующей библиотекой энергичной и принципиальной Р. М. Батчаевой, единственной женщины в нашей инициативной группе по проведению кязимовской конференции. Она реализовалась постановлением СМ РСФСР от 16 октября 1974 г. На нашей улице был праздник! Но одно предложение – установление в полный рост памятника Кязиму – ждет своего практического воплощения. Идеи по увековечению памяти поэта, озвученные мной в районном Доме культуры в феврале 1974 г., тогда просто витали в воздухе. Перед всеми, кто независимо от нас их впоследствии реализовал, я преклоняюсь и восхищаюсь. Мечта умирающего на чужбине многострадального горца сбылась 11 ноября 1999 г., т. е. через 54 года после его смерти и через 25 лет после «Вечера, посвященного Кязиму». Я горжусь многонациональным народом нашей республики, который искренне любит и ценит высочайшую вершину духовного развития балкарского народа – поэта Кязима Мечиева.

Литобъединение «Родник», Майский р-н

Людмила БАРИЕВА,
ветеран педагогического труда

Кязим

Патриарх поэзии балкарской, Гуманист, философ и поэт! Но порой безрадостною краской Жизнь писала гения портрет.	Жизнь свою и чаянья народа Навсегда связал он, до конца. Не сдавался бедам он в угоду, Но стихами согревал сердца.

Время было смутным и жестоким, Видел много горя он и слез, Путь, что ему выпал, был нелегким, Но стремился к знаниям он и рос.	Стал поддержкой, мощною опорой Землякам в далекой стороне. Мудростью сражался он со сворой Злобных сил, разбивших мир в стране.

Прожил жизнь земную не напрасно
Наш Кязим – поэт и патриот!
И звезда, что он зажег так ясно,
Светит людям и к добру ведет.

Раиса ДЪЯКОВА,
руководитель литобъединения «Родник»

Звезда Алима

Поэт могучих скал, сияющих вершин,
Певец любви, добра и мужества – Алим.
Горит его искусства яркая звезда
Во имя дружбы, братства, мира и труда.

Ведущим всадником в поэзии он был,
Душой и сердцем правде он служил,
В стихах и в прозе не лукавил и не лгал,
Свои слова он будто бы из камня высекал.

Отцовский край, природа и родной язык –
Его поэзии и жизни всей родник.
Для нас горит огонь души его большой,
Его стихи пленяют звездной высотой.

Он в них страдал, боролся, радовался, – жил,
Тропинку к сердцу человека проложил...
И пусть проходят дни, слагаются в года,
Звезда Алима будет нам светить века.

Вот так о нем поэты мира говорят,
А я всего лишь мысли выстроила в ряд.
Насколько подсказала мне она –
Моей поэзии неяркая звезда.

И я порою греюсь у костра его –
И для меня нет выше дружбы ничего,
И я живу любовью к людям и мечтой,
И отчий край его мне также дом родной.

Хасан

Всеми наш Хасан любим –
Гор кавказских гордый сын.
Сердце горца – что огонь,
Зря шутить не любит он,
Как не шутят горцы там,
Где дают отпор врагам,
Где живут законы гор
Издrevле и до сих пор.
Все здесь рады кунакам,

Счастье, горе – пополам,
И Хасан наш – добрый друг,
Любит помечтать он вслух.
Он – поэт в душе своей,
Нет мечты его светлей:
Чтоб в согласье и в любви
Жить на свете все могли,
Зная с детства до седин,
Что Господь для всех – один!

Джамиля ЗАНДАРОВА,
11 кл., гимназия № 1, г. Майский

Терзает сердце глупая любовь...
Ты взгляд отводишь, смотришь на другую,
Ты ранишь мое сердце вновь и вновь,
Оно все кровоточит... я тоскую.
И желтые кружатся рядом листья,
И увлекают мысль в воспоминанья:
Та осень, и рябиновые кисти,
Мои с тобой о будущем мечтанья.
Воспоминанья душат, и мне больно
С тобою видеть девушку другую.
Я сердцу своему кричу: «Довольно!
Нельзя в душе носить любовь такую!»
Но сердце все не внемлет моим просьбам,
Не слушает оно моих приказов,
А между тем растут рябины гроздья,
Другая слушает чреду твоих рассказов.
Как жаль, что все проходит безвозвратно,
Что между нами кончилась любовь,
Что чувства наши часто непонятны,
Что в прошлое мы не вернемся вновь.

Мария МИХАЙЛОВА,
8 кл. МОУ СОШ № 5, г. Майский

Вместе!

Протянула сестра Россия
Руку помощи Кабарде.
Навеки теперь вместе,
И стали сильнее вдвойне!

Счастье – проснуться утром,
Услышав ребенка смех,
Счастье – в ответ улыбнуться,
Ведь радости хватит на всех!

Что делить нашим народам?
Ведь солнце на всех одно,
Одно голубое небо,
И счастье тоже одно!

Если джигит смеется –
Гуляет Россия вся.
Если скорбит Россия –
Рыдает и Кабарда.

Дружат века народы,
И будут вместе всегда!
Великая мать Россия
И гордая Кабарда!

Татьяна КАЧУРИНА,
11 кл. МОУ СОШ № 5, г. Майский

Твой облик, друг, преследует меня.
Твой голос, руки и глаза,
Они мне снятся тоже.
Когда иду по улице одна,
Тебя я вижу в облике прохожих...
Твои глаза печальны и темны,
Себя я больше в них не вижу.
Идешь и смотришь в небо ты,
Хотя я рядом, значит – ближе.

Ульяна БЕЗДУДНАЯ,
7 кл. МОУ СОШ № 5, г. Майский

Любите книги!

Вновь каникулы настали,
Отдыхала детвора,
Каждый день друзья играли,
Все купались, ну а я...
Прочитала я все книжки

«Гарри Поттера» раз пять,
Книги все в библиотеке
Захотелось прочитать.
Чтоб не тратить время зря,
Читайте книги вы, друзья!

Любовь АХОМГОТОВА,
учитель МОУ «СОШ № 2»
с.п. Малка Зольского р-на

Учитель – профессия особенная

В семь лет я пошла в школу. Для меня это было особым и запоминающимся событием. Я попала в совершенно новую обстановку и испытала интерес буквально ко всему. Я, как первооткрыватель, исследовала школу, кабинеты, познакомилась с новыми друзьями, познала законы школьной жизни. Мое сердце пело, kloкотало, изливалось.

В первые годы обучения я помню, как важно было мне заручиться поддержкой учителя, чтобы она поняла, что я уже «взрослый» человек, которому можно доверять. Признаюсь, что авторитет первой учительницы, Б. И. Коковой, остается неоспоримым для меня до сих пор. Она произвела на меня столь сильное впечатление, что впоследствии я всех педагогов сравнивала с ней. Она была примером для подражания: опрятный вид, красивый почерк, умение корректно, кратко и точно выражать свои мысли, бесконфликтность, хорошие отношения с родителями и коллегами. А как она с любовью и осторожностью проверяла тетради, чтобы настроить детей на лучшую работу, путем самого доверительного сравнения. Мы доверяли ей, она стала арбитром в наших спорах, играла с нами на переменах, читала нам вслух интересные и поучительные книги. Стараясь развить в нас творческие способности, Бабиша Иналовна использовала игровые моменты на уроках, ставила спектакли, проводила концерты, пела с нами. На средней и старшей ступенях обучения образ первой учительницы оставался устойчивым, но я уже требовала от педагога:

- безукоризненного знания предмета;
- умения преподнести материал;
- высоких личностных качеств.

Мне кажется, что каждый учитель должен быть индивидуальностью, интересным человеком. В 12 лет я вычленила в образе того или иного учителя наиболее ценные для меня качества. Например, умение учителей литературы объяснять и говорить (М. Т. Маржохова, М. О. Махотловой), внутренняя культура преподавателя биологии (Л. С. Тленкопачевой), остроумие учителя математики (Назира Шупагевича Хашхожева), элегантность хореографа (Валерия Адамовича Кушхова). Из сочетания этих качеств складывается портрет «идеального учителя».

Но наиболее значимым для меня был тогда классный руководитель, преподаватель химии – строгий, не допускающий и увиливания от ответа Мухамед Талович Бичоев. Он был нашим другом. Мы знали, что он не будет «выносить сор из избы», не будет ставить в известность завуча или директора о наших проделках, а разберется сам, сумеет должным

образом наказать провинившегося, но и поможет осознать ошибку, не обидев при этом.

Мои детские и юношеские представления об учителе получили развитие и подкрепление в период обучения в вузе. Обучаясь в университете, я поняла, что уважение к преподавателю, интерес к дисциплине возникает, если преподаватель требователен к себе и студентам. Читающий лекции преподаватель должен иметь ораторские способности, уметь четко, логично и в доступной форме излагать материал (Хаталий Шахимович Урусов, Ахмедхан Налоев, Андрей Хакуашев, Жамалдин Нахович Кокков, Буба Мацикович Карданов). Очень важны и человеческие качества: культура, дружелюбие, бесконфликтность, широкий кругозор, творческие способности.

Я считаю, что быть учителем – призвание. Чтобы быть хорошим учителем, надо быть вдвойне хорошим учителем. Работая учителем, стараюсь не только передавать ученикам свои знания и опыт, но и учу их пользоваться научной литературой, развиваю интерес к жизни, стремление к познанию мира. От своих учеников требую не набора знаний, полученных зазубриванием книг и лекций, а понимания глубины вопроса.

Педагог – профессия особенная. Учителя всегда на виду, рядом с ними ученики, коллеги, родители. Учитель несет детям не только знания, особенно сегодня, в период бурного развития высоких технологий. С самого порога класса начинается тонкое взаимодействие педагога с учениками, результат которого зависит от отношения учителя к миру, окружающим людям, к себе. Известно, что воспитать «крылатого» может только «крылатый» педагог и родитель; воспитать счастливого может только счастливый, а современного – только современный человек. Я горжусь своими учениками, которые сегодня и учатся и работают, занимают руководящие посты, являются депутатами местных советов, многие избрали самую благородную профессию – воспитание детей (Руслан Шухостанов, Лана Ахомготова, Хаишат Шкахова, Залина Аджиева, Лиана Хуранова).

Без интереса к личности учителя нет интереса к предмету. Как бы ни был профессионально подготовлен учитель, он просто обязан постоянно совершенствовать свои личностные качества.

Весь облик учителя должен быть современным, внушающим уважение и доверие (Л. И. Гедмишхова, Дуся Шамсадиновна Яхутлова, Данизат Дагазовна Машукова, Ф. Х. Хуранова, Эмма Мухамедовна Афаунова, Римма Хаталиевна Шкахова, Амина Корнеевна Ворокова, З. К. Мурзаканова). В общении с учениками учителю важно не забывать о тоне, в котором он говорит. От этого зависит не только эмоциональное состояние учеников, но и их работоспособность!..

Фатима КОТОВА

«Пробуем перо» – так называется детский творческий клуб, который вот уже пятый год работает на базе Малкинской школы № 2. Инициатива его создания принадлежит учительнице русского языка и литературы

Любови Гидовне Ахомготовой. Создавая клуб, ни она, ни дети не могли предположить, что занятия в нем будут настолько увлекательными, творческими и полезными.

Все знают, что дети любят самостоятельность, и Любовь Гидовна дала возможность почувствовать им эту самостоятельность в полной мере. Сейчас здесь занимаются более 10 учащихся и не все они старшекласники. Каждый из них талантлив по-своему: кто-то хорошо пишет сочинения на самые разные темы, а кто-то стихи, другие пробуют себя в газетных жанрах. Ребята собирают материалы к различным конкурсным мероприятиям, викторинам, проводимым в школе, на уровне района, в которых и сами принимают активное участие.

Немало у юных литераторов и успехов. В республиканском конкурсе Марьяна Кипова получила диплом третьей степени в номинации «Школа в моей жизни», а Аскер Карданов не раз становился дипломантом районных конкурсов по сочинению. Среди выпускников Л. Г. Ахомготовой есть и те, которые пошли по стопам своей учительницы. Это Арсен Шухостанов, ныне директор Белокаменской школы, Хаишат Шкахова, Залина Аджиева, Лана Ахомготова и другие.

Недавно шестиклассник Амир Афаунов, юный воспитанник школьного клуба «Пробуем перо», в небольшом письме в редакцию поделился своими впечатлениями о праздниках, которые проводятся в школе к различным датам. «Праздники – это неотъемлемая часть нашей истории, культуры, духовной жизни. Они помогают нам во всем: в труде, учебе, в жизни. Мы очень благодарны и гордимся своими учителями, которые организывают и помогают нам, школьникам, в проведении мероприятий. Особое спасибо хочется сказать директору школы Ф. М. Хурановой за теплоту и доброе отношение к нам. В нашей школе праздники проходят торжественно и ярко. Один из них был приурочен к 450-летию добровольного присоединения Кабардино-Балкарии к России. Этому большому юбилею посвятил свои стихи «Навеки с Россией» и «Триумфальная арка» Руслан Ахомготов (9 кл.) – член нашего клуба. Когда прочитал его замечательные стихи, мне тоже захотелось выразить в стихах свою любовь к родному краю, а назвал стихотворение «Мой Кавказ».

Хотелось бы, чтобы с творчеством юных литераторов из клуба «Пробуем перо» познакомились читатели журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

Бэла ШХАНУКОВА,

7 класс

Пришла зима

Пришла зима,
Метут метели,
Стынут ветви у берез,
По ночам трещит мороз.

Пришла зима!
Застыли сосны, ели,
Ну а Мишке все равно,
Он в берлоге спит давно.

Надевайте, детки, шубки,
Радость, щеки разогрей.
И с горы на лыжах, санках
Мчимся ветра мы быстреей.

Алена ХАЖНАГОЕВА,

7 класс

Книга

С книгой дружно ты живи,
Она не изменит, не обманет,
Щедры ее листы.
Читай же книг страницы.

Книги – цветущие сады.
Знай: ты не все постиг.
Знания черпай же из книг.
Собери румяные плоды.

Ты книге доверяй.
И книгу не бросай.
Ты с ней делись.
На все ответ найдешь ты в ней.

Абдул-Керим ШХАНУКОВ,

7 класс

Дождь

Капли дождя упали
На правую щеку и левую.
Капли чисты и тихи –
Слились, превратились в стихи.

Асланбек ШЕРМЕТОВ,

7 класс

Мама

Мама – красивое слово.
Мама – добрейшее слово.
Нужно беречь ее сердце.
Нужно беречь ее душу.

Карина ШКАХОВА,

7 класс

Память

Много лет минуло с тех пор.
В далеком сорок третьем
Армия освободила республику мою.

Край мой родной
Поднялся из руин и расцвел.
Но сколько бы лет ни прошло,
Память возвращает к тем дням.
Будет помнить Малка всегда
Простые ваши имена,
Великие подвиги ваши.
Людская память жива.

Мадина ХАЖНАГОЕВА,

7 класс

Ветер

Ветер холодный шумит за окном.
В душу свою человек погружен.
Холодно, голодно, пусто вокруг,
Словно крик души, ветер вокруг.

Почему так тревожно в душе?
Почему человеку не спится?
Унеси же, ветер, печаль.
Унеси же ты, ветер, тоску.

Быстро душу мою успокой,
Колыбельную песню мне спой.
Чтоб заснуть и проснуться,
Чтобы солнцу мне улыбнуться.

Анжела КИПОВА,

11 класс

Удачный день

Сегодня мы – не ученики.
Сегодня мы – учителя.
Дорожим мы школою нашей
И лелеем ее в сердце нашем.

Никогда не забудем заботу,
Вашу любовь к нам, ученикам.
Прекрасным труженикам, вам
Сложили мы гимн – учителям.

Саладин ЖИЛТЕЖЕВ

МЕЧТА ЖАНХОТА

Жанхот, оказавшись в каком-то странном обществе, изумленно и растерянно озирался по сторонам. Он не понимал, где очутился: в раю или в аду, не чувствовал времени и пространства. Но какими-то неуловимыми движениями души и ума постигал, что это не обычный мир и не обычная жизнь, которая называется неземной. И все же, казалось ему, небосвод озаряли светлые пятна, издали напоминавшие ему солнечные лучи, отражаемые белоснежными вершинами Эльбруса. Но эти странные лучи, подобные дымным полосам, оставляемым множеством реактивных самолетов, спускаются с неба и расходятся веером во все стороны, касаясь земли, образуя своеобразные дороги, соединяющие различные точки Вселенной.

И перед глазами слабо мерцают снежные комья. Жанхот пытается поймать их руками, но те ускользают, и он кидается из стороны в сторону. Однако, словно боясь его, снежные комья отступают. Жанхот тоже кружится вместе с ними, идет следом. Но они мгновенно исчезают. И только солнце, яркое, необычно большое, светит в небе. Жанхот, словно замороженный, смотрит на него.

Становится невыносимо жарко. Людям невтерпех. Недалеко стоят раскидистые ореховые деревья. Но никто не прячется в их тени. И никто, похоже, не слышит веселого журчания ручейка.

В воде лежит большой камень. На нем сидит лягушка. Она звонко кричит, вытянувшись в сторону самого высокого ореха. И в этот момент из дупла дерева вниз бросается гадюка, затем, свернувшись кольцом вокруг лягушки, начинает тащить камень вверх по течению, словно лодку.

Жанхот идет вслед за движущимся камнем. Но, к своему удивлению, отстает от него, от лягушки-всадника. Как только вошел в тень дерева, исчезает лягушка, а гадюка, поднявшись в воздух, летит, свернувшись кольцом.

Жанхот подходит к камню, на котором только что сидела лягушка, пытается поднять его, но тщетно. И вдруг замечает в воде отражение солнца и луны, стоящих рядом. Встрепенувшись, Жанхот смотрит в небо: солнце торопливо уходит куда-то в тучи. За ним, крадучись, постепенно нагоняя, плывет луна.

Жанхоту кажется, что луна может вот-вот столкнуться с солнцем, разбить его. «Как же тогда людям?» – беспокоится думает он.

– Не беспокойся за солнце, оно само за себя постоит! – слышит чей-то спокойный голос, неизвестно откуда...

И замечает: с неба к земле несется множество людей, они несутся, то исчезая в тумане, то вновь появляясь. Они, словно птицы в полете, дружно взмахивают руками. Жанхот, присмотревшись, видит, что у одних из них – рога, у других – глаза на затылках, третьи – без ушей...

Один из них, близко подлетев к Жанхоту, остановился, задумчиво и долго смотрел на него и, наконец, произнес:

– Ты землянин?

– Да, – ответил Жанхот, дрожа от страха.

– Вот почему тебе страшно, – улыбнулся тот. И добавил: – Мы кажемся землянам странными существами. Вот у того (он показал рукой на одного из своих соплеменников, все еще летящих в воздухе), смотри внимательнее, – глаза на затылке.

– Да, ответил Жанхот, – и мне показалось так...

– Так вот, – протянул гость, – это знак того, что тот говорит одно, а делает другое.

– Как же так? – удивился Жанхот. – Раз все соплеменники знают об этом, то почему не изгоняют его из своей среды?

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил гость. – Все наши соплеменники таковы. Их характер и думы выдают их внешние признаки. И это справедливо. Ведь мы знаем, кто есть кто. Знаем, кому верить, к кому обратиться в трудную минуту, кому что поручить. Как и на земле, среди нас встречаются всякие.

– А знают ли ваши о своих недостатках? – обратился Жанхот к пришельцу.

– А зачем им это знать? Каждый считает свой вид идеальным. Иначе нельзя, – сказал тот равнодушно.

– А бывают ли у вас собрания, где обсуждаются недостатки друг друга?

– Бывают, – сказал пришелец, – но на них мы говорим только о работе, о том, как сделать нашу жизнь лучше. Правда, две или три тысячи лет назад, говорят, на собраниях у нас критиковали и за личные недостатки, но на одной из встреч твердо было решено покончить с этим, как было признано, вредным явлением, и с тех пор наши правила незыблемы. Это и справедливо. Ведь наши сородичи живут совсем немного – лет 250–300, а за такой краткий миг им совсем не обязательно слышать оскорбительные слова. К тому же мы сейчас боремся за то, чтобы путем улучшения взаимоотношений довести наш век существования до 500 лет. Поэтому каждый из нас получает работу в соответствии со своими наклонностями и возможностями, о которых мы сразу узнаем по внешним признакам. А вы, земляне, как мы знаем, пока не придаете всему этому ни малейшего значения. А почему?

– Да потому, наверное, что мы стремимся совершенствовать людей критикой и самокритикой, – сказал Жанхот нерешительно. – Люди у нас, правда, разные. На иных критика мало действует. Это и понятно. Вряд ли стоит нивелировать характеры, стирать грани, особенности людей. Пусть

неодинаковы и их возможности. А наше общество призвано обеспечить каждого работой по душе, и мы также стремимся жить в дружбе и согласии, совершенствуя условия труда и жизни.

– И все же вы, земляне, по своему уровню развития отстаете от нас...

– Постойте, постойте, – перебил гостя Жанхот. – Если у вас так же, как у нас, имеются всякие земные недостатки (подхалимы, тунеядцы, и т. п.), то как же вам удастся дать всем работу по душе и возможностям?

– Я же говорил об этом, – улыбнулся гость. – По внешним признакам нам ясно видны возможности каждого. Так вот, при рождении ребенка, если мы видим по его внешности, что он может принести вред обществу, то мы вмешиваемся хирургически, производим такие операции, которые изменяют ребенка в лучшую сторону. Понятно?

– Не совсем...

– Вот у вас на земле легко удаляют аппендицит. Точно так же поступают и у нас, как я говорил, при рождении удаляют врожденные вредные силы, которые могут иметь нежелательное для общества развитие.

– А как, например, поступают с теми, кто нарушает супружескую верность?

– Точно так же. В детстве лечим от этого порока. Наука у нас может больше, чем у вас. Не обижайтесь, что я так говорю. Ведь наука должна определить и направлять человека туда, где он принесет обществу больше пользы. У вас этого до сих пор не делается. И обидно видеть людей, имеющих талант скотовода, в роли министра, а поэта – среди землекопов. Мы считаем, что каждый рожден для какого-то определенного конкретного дела. И если человек найдет сразу свое призвание, то он достигнет многого. Это так просто, и должно быть узаконено. Но у вас мы видим совсем другое.

– А сможет ли ваше общество растить нужного ему человека?

– Сможет. Но это дело пока еще далекого будущего. И говорить об этом, о наших перспективах, пока рановато и затруднительно.

– А как все-таки уживаются люди, которые видят друг у друга недостатки?

– Они же не знают о своих бедах, но видя чужие, не смеют говорить об этом. Таков наш обычай.

– А как вы называете своих? По именам?

– Нет. Никак не называем. А различаем их по внешним признакам... Вот тот, которого мы видим вдали, одноухий. Нам понятно, что он болтун. И стремимся говорить ему меньше, чтобы он слышал меньше. А сам он об этом, конечно, не догадывается... А тот, у которого губы кривые, говоря земным языком, ябедничает. Но не может никому причинить вреда, так как не может четко выговаривать слова и никто его не слушает... А женщина, проплывавшая рядом с ним, была рождена куртизанкой, но вмешательство нашей медицины изменило образ ее жизни и она сейчас живет как и все.

– А если кто-нибудь в порыве каком-то проговорится, оскорбит другого, назвав его тем, кто он есть?

– Такого у нас не бывает, тем мы и отличаемся от землян, к нашему счастью. Раз внешность характеризует человека, то зачем ему давать дело, которое ему не под силу? Зачем оскорблять личность? На это способны только земляне. Лет сто двадцать тому назад я тоже жил на земле. Полетев с группой космонавтов и потерпев аварию во Вселенной, мы стали жить на одном из астероидов, а затем, по примеру аборигенов, научились летать. И вот я с группой своих соплеменников летаю каждый раз поблизости от земли. Меня тянет сюда. И я, видя землян, вспоминаю многое.

– А не хочется ли вам совсем вернуться на землю? – спросил Жанхот.

– А зачем? Ведь на земле жизнь короче во много раз...

– Но ведь родина должна быть у каждого? Не чувствуете ли вы ее?

– Это так, но лучше чувствовать своим владением не только какой-нибудь клочок земли, или всю землю, а Вселенную, необъятный простор космоса. Мы так думаем. Наша родина – это все пространство, куда доходят лучи звезд. А это по вашим представлениям – бесконечность. Но мы легко преодолеваем длительные расстояния. Наша скорость равна скорости света. Нет для нас недоступного места во Вселенной. Поэтому и вся Вселенная – наша Родина... Так что, если хотите, отправляйтесь вместе с нами. Сразу не можете решиться? Думайте. Если надумаете, то можете вызвать нас в любое время. Для этого достаточно постучать по камню, на котором сидит лягушка, как это у вас, землян, говорится, – этот камень волшебный. Итак, прощайте!..

С этими словами странный пришелец поднялся вверх, и, окруженный своими спутниками, медленно стал уменьшаться и, наконец, совсем исчез...

Жанхот, встревоженный новыми, весьма странными мыслями, вышел на улицу. Некоторое время ему казалось, что он был во сне и все, что было в его голове, – ничемные мечты, однако, шагая по многолюдной городской улице, вглядываясь в лица прохожих, он наивно искал в них признаки, по которым можно было бы узнать особенности их характеров и границы способностей, таланта, возможностей каждого, догадаться о недостатках...

Жанхот узнавал среди прохожих знакомых, совсем разных по таланту, характеру, верности, возможностям, но внешне похожих друг на друга. И ему становилось грустно, когда мимо него проходил явный лицемер и ханжа Хаждаут, который своей внешностью был похож на всех... Прощмыгивали спекулянтка и вор, одетые по современной моде, выглядевшие прекрасными людьми. И рядом с ними шли большие труженики, по-настоящему прекрасные люди, но ничем не отличавшиеся своей внешностью от отрицательных типов.

– Хорошо бы сразу узнавать каждого! – думал вслух Жанхот, лениво направляясь домой. – Как было бы тогда легко жить на свете... Не было бы разбитых семей, обманутых и обиженных, не было бы многих недоразумений, которые так мешают нынче человеку и обществу!..

ДИАЛОГ О ВСТРЕЧЕ

Белокурая курносая стюардесса выходит из кабины и обращается к пассажирам:

– Товарищи пассажиры! Мы совершаем полет по маршруту «Москва – Минеральные Воды». Скорость полета – 850 км/ч, высота полета – 6000 м. Командир экипажа – Комаров Дмитрий Иванович. А сейчас попрошу соблюдать следующие правила на борту нашего самолета: застегнуть привязные ремни, не курить, пока самолет не наберет высоту... Счастливого вам полета, товарищи пассажиры.

Все принимаются застегивать ремни. Но одна женщина лет тридцати, легкого поведения, в модном коротком платье, с коротко стриженными волосами, никак не может приспособиться: ремень затерялся между сидениями.

– Будьте любезны, помогите, пожалуйста, мне найти конец ремня, – обращается она к соседке, женщине тридцати пяти лет в сером костюме, которая, достав из сумки книгу, собиралась раскрыть ее.

– Пожалуйста, – сказала та, доставая ремень из-под себя и протягивая соседке.

– Спасибо... Я ужасно боюсь воздушных ям...

– С непривычки, да!

– Да не-ет, я очень часто летаю, но привыкнуть никак не могу...

Плохо переносу, в смысле.

– Бывает.

– Извините, пожалуйста, но когда я разговариваю, переносу легче...

– Вы хотите иметь собеседника?

– Да, вы очень внимательны...

– Ну что ж...

– Вам только до Минеральных Вод? Да?

– Не-ет, мне еще до Нальчика надо ехать.

– И мне тоже... Но я не знаю, как добраться... Я первый раз сюда...

Но меня должны встретить.

– Вы едете отдыхать?

– Да... в общем, еду отдыхать.

– По путевке?

– Не-ет, по приглашению.

– Ваши друзья, наверное, там живут... или родственники?..

– Да, друг живет... Он и пригласил...

– Хорошо иметь друзей, конечно...

– Да, кстати, мы даже не познакомились... Меня зовут Маша.

– Очень приятно, меня – Фатима.

– Вы, наверное, домой едете, Фатима?

– Да, домой...

– Вам легче...

– Но я вижу, вам лучше... Вы едете туда, где никогда не были...

Познакомитесь с новым для вас краем, увидите новых людей, займете массу друзей...

– Вы правы... Но это зависит от обстановки... Да, откуда вы едете?

– Из Москвы... Должна была уехать в Болгарию, но поездку отложили до 20-го числа следующего месяца... Даже муж не знает, что я возвращаюсь.

– Это будет сюрпризом для него?

– Как сказать...

– Он даже не будет встречать вас?

– Наверное, нет, я даже не успела отправить телеграмму.

– Ничего... Не огорчайтесь... Меня обязательно встретят, и мы вместе поедим... Мы даже до самого вашего дома доведем.

– Спасибо... Вы давно знаете друга, к которому едете?

– Я познакомилась с ним зимой прошлого года на семинаре. Он месяц жил у меня, и, мне кажется, что я полюбила даже.

– Тогда он скорее любовник, чем друг.

– Да, вы правы, но сейчас таких называют другом.

– Это слово приятнее, конечно.

– И никто не придерется... Я взяла отпуск и написала ему, смогу ли я к нему приехать. А он ответил, что сообщит, когда можно будет... Вот и вчера получила телеграмму...

– Приглашение, в смысле!..

– Да... Я очень люблю путешествовать... Мой муж постоянно в командировках, и дома дикая скука. Теперь решила по-настоящему отдохнуть... увидеть новые места...

– Сочетать приятное с полезным?

– Хочу... Посмотрим.

– Через несколько минут самолет наш приземлится, – сообщает стюардесса.

– Боречка приехал и ждет меня, наверное... Если б вы знали, какой он хороший.

– Вы сообщили ему, что приедете?

– Конечно.

– Тогда посмотрим – узнаем.

– Самолет наш приземлился, но просьба оставаться всем на местах, пока не подадут трап, – сообщает опять стюардесса.

– Фатима, у вас есть багаж?

– Не-ет, я не сдала багаж, но чемодан на полке оставила.

– Я никогда не люблю с чемоданом возиться. Легче всего взять одну сумку и...

– Приходится... Хотя бы надо с собой брать смену белья?..

– Когда надо будет сменять, мне Боречка купит, с кем бы я ни встречалась, все покупают мне. Так ведь легче?

– Да... конечно, разумеется, – произносит Фатима с иронией.

- Пойдемте, уже выходят...
- Вы идите и ждите меня у перрона.
- Хорошо. Мы обязательно подождем.

У выхода, возле перрона, стоит Борис и ищет свою знакомую среди прилетевших. Маша увидела его издали и машет рукой.

- Боря! Я здесь!
- Вижу...
- Здравствуй, Боречка, – Маша подбегает и целует его.
- Здравствуй.
- Ты долго ждал меня?
- Не-ет, я знал, когда прибывает самолет.
- Ты прямо молодец!
- Ну, пойдем.
- Подожди, со мной ехала дама. Она тоже до Нальчика едет...
- Да ну ее! Сама доедет.
- Конечно, и сама смогу доехать, – произносит твердо Фатима, подходя к ним.
- Ты... Ты... разве не уехала? – почти шепотом произнес Борис.
- Как видишь.
- А вы друг друга знаете? – вмешивается Маша, улыбаясь.
- Он мой муж, – внушительно произносит Фатима.

И не успела она произнести еще слово, как Маша моментально отпускает руку стоящего рядом Бориса, отступает, стараясь быть как можно незаметней...

Супруги долго смотрят друг другу в глаза, а Маша теряется в толпе улетающих и прилетающих пассажиров.

Сакинат АБАЕВА

БЕРЕГА, БЕРЕГА...

*Норайду Мартиросяну
посвящается....*

Берега, берега, берег этот и тот...

Песня, которая навевала тоску, воспоминания. Приятные и тоскливые, болезненные и восхитительные. Все, казалось, возвращало сознание, и для Софии это была ностальгия, тоска по тому, что, казалось, покинуло ее. Это были новые впечатления, чувства, тревоги, и вообще...

Все это ее настораживало, она боялась, себя, свою тоску и даже ностальгию. Она всячески старалась сосредоточиться, все обдумать, но сознание отключалась, она как будто отсутствовала. Предложение Нади, ее лучшей подруги, поехать на море, так и висело в воздухе. Начало отпуска было до непонятного сумбурным, и затяжная дождливая весна, и лето, которое не хотело наступать, были пугающими. Но Надя все-таки уговорила ее, и они приехали-таки на юг, где буйствовала тропическая растительность в ярком колорите, где шеренгой стояли строгие, задумчивые кипарисы и роскошные пальмы. В этом уголке Эдема душа обязана была быть в гармонии с природой. Ну просто ни о чем больше не было сил думать, кроме как об отдыхе.

Быстренько устроившись и бросив там вещи, подруги направились к морю. Надя имела такую слабость – подойти и поздороваться с ним, непременно окунуть ногу, а потом лишь можно было и покупаться, понырять, и поплавать. Бескрайняя, необузданная стихия – это все, что она до конца обожала. Немного помолчав, она посмотрела на Софию, которая растерянно наблюдала за бегущей волной и восхищалась изумрудной чистотой воды.

– Ну, что, Соф, а море такое же лазурно-синее. Как же мы были правы, что приехали сюда.

– Да, наверное, но сколько дел осталось дома недоделанных. И отпуск как назло короткий, – все переживала София.

– Ладно, ладно, ты лучше подумай о том, чтобы не сгореть на солнце. А крем-то ты захватила с собой? Я так плохо переносю солнце, особенно в первые дни... Дай бог здоровья тем, кто его придумал. Получается самый ровный, гладкий загар, – все не унималась Надя, растирая себя кремом от загара.

Она убеждала Софию сделать то же самое.

– Да... Но мне не очень нужен этот крем, я и без него нормально загораю.

Но все равно под напором Нади она начала смазывать себя кремом.

Надя всегда считалась девушкой решительной и веселой, и немного замкнутой, Софии легко было с ней, она напрямую дополняла ее, она никогда не думала о том, как и что говорить. Благодаря Наде легко выходила из любой ситуации. Вообще она была ей во многом благодарна. Подруга всегда протягивала ей руку помощи, особенно морально. София сама была, в сущности, женщиной самодостаточной. Ее главная цель в жизни – это успех ее семьи. Она жила жизнью своих детей, мужа, да и своя работа тоже не была на последнем месте. Она всегда устраивала какие-то дела, чего-то добивалась, договаривалась, и в этой суете она проживала, используя себя по полной. И мысль Нади отдохнуть на все сто, а если удастся, то и закрутить роман с каким-нибудь горячим кавказцем, ей казалась, по крайней мере, легкомысленной.

Гостиница, в которой устроились подруги, была в двух шагах от моря, и, поужинав, они собрались пойти на пляж, посидеть, подышать, посмотреть на чистое южное небо, усыпанное звездами. Хотелось вспомнить астрономию, астрологию, и еще что-то вспомнить...

На берегу моря их приятно удивило и кафе с романтическим названием «Курортный роман». Можно было посидеть и послушать музыку. И баритон, которым пел молодой, приятной внешности армянин, звучал особенно. Его своеобразное пение, с легким акцентом, было великолепным.

– Соф, а давай пойдем в кафе, закажем по чашечке кофе и потанцуем, – предложила неожиданно Надя.

– Ну, не знаю... Как хочешь... – все что-то обдумывала София.

Пока она думала, подруга ее буквально потащила и посадила за первый столик при входе. Публика, которая сидела там, была самая разная. Молодые девушки, изрядно выпившие, танцевали не жалея ног. Местные ребята, сидевшие компанией, наблюдая за ними, шутили и подталкивали друг друга, чтобы присоединиться к ним. Обстановка располагала к отдыху, и теплый южный вечер, и легкий бриз с моря способствовали этому. София давно не была в таком месте, все песни и концерты она смотрела исключительно по телевизору. Если не сказать, что раз в год она могла быть на чьем-то концерте у себя дома. Она изучала сцену с близкого расстояния, ее приятное удивление все возрастало – на сцене был Он, бог и дьявол. Он пел божественно, и все растворялась в песне. Не было ни прошлого, ни будущего. Все становилось невесомым, и Софию словно оглушило. Ничего не замечалось, не чувствовалось, только Он и больше ничего. Она даже не видела, как подруга уже долгое время не отводила своего взгляда от нее.

– Ты, по-моему, не пожалела, что оказалось здесь? – ехидно спросила Надя. Но София и это пропустила мимо ушей, ей было все равно. Она слушала и слышала только Его.

– Боже мой, сколько раз я слышала эти песни, а слушаешь как в первый раз, – снова с ехидством подчеркнула Надя.

Потом пели еще и еще... Мелькали силуэты танцующих, но и их она не замечала больше. Казалось, весь мир спит, и Он поет только для нее.

«Что это со мной? Что это за ерунда, непонятно?» – София не могла ответить на поставленные перед собой вопросы.

И все же...

Вечер песни длился допоздна. И София, покидая кафе, еще раз посмотрела на пустую сцену. Его там не было. Он вышел покурить, отдохнуть. Он изменил в ней что-то внутри, у нее все протестовало. Она на миг забыла о семье и повзрослевших детях.

«Господи, да что это такое? – думала София. – Я приехала отдохнуть, набраться впечатлений. И вот...»

Она, конечно, умом понимала, что должна освободить себя хоть на какое-то время от домашней рутины и своей журналистики....

Утро следующего дня оказалось ветреным, и София с необъяснимой тоской подумала, что если нет солнца и хорошей погоды, значит, и не будет вечера песни. И как бы продолжая свои мысли, она наблюдала за Надей, которая и не думала расстраиваться ни по какому поводу.

– Надя, – протяжнее обычного спросила София, – а что у нас сегодня на вечер?

– Не знаю, а что ты хочешь? – спросила Надя, внимательно посмотрев в ее глаза. – Ты вчера так внимательно слушала эти песни, как в первый раз в своей жизни. Хотя ты миллион раз слышала на каждом углу рыночной площади. Только мне интересно – это ты песни слушала или же его, – все не хотела остановиться подруга. – А он хоть куда, красавец, по-моему, очень даже. Мне нравятся такого типа мужчины. Кто же он, интересно, по гороскопу?

София ее практически не слушала, и ей совсем было не шуток.

– Ладно, Надя, шутки шутками, я же в конце концов серьезная и далеко не молодая.

– Да, куда там! – подразнила Надя. – Я думаю есть еще порох в пороховнице. И женщина ты видная, хоть куда!

– Надя, ты хоть понимаешь, о чем ты?

– Софочка, ну почему ты все отрицаешь? Ты же на самом деле очень даже интересная женщина. Я с таким удовольствием провожу с тобой время, что никого больше и не хочу. Натура, конечно, ты сложная, творческая, неординарная, и тебе самой непросто, – все не унималась подруга.

Софию это уже раздражало, хоть и понимала, что подруга права. Она не хотела признаваться, что Он ей нравится. Он просто ее очаровал. И это был взрыв в ее сознании, в душе. Та внутренняя борьба была серьезным испытанием для нее. Неглупая, современная, до последнего занятая бытом, детьми, и менять что-то не входило в ее планы. Она просто слишком ответственный человек. Напряжение в жизни, в работе – это было ее нормальным ритмом, то, к чему она привыкла. Она никому ничего не поручала, наоборот, все брала на свои плечи, думала и делала сама. И вдруг вот так. И эта поездка на море хоть и была неожиданной, но очень необходимой. Ничего не планируя, она увидела, почувствовала нечто, от чего давно отказалась и даже отвыкла.

На следующий вечер подруги решили повторить свою культурную программу, и, после того как погуляли на берегу, зашли в кафе, заняли свое прежнее место, заказали кофе.

– Соф, а какая твоя любимая песня? – не унималась Надя. – Мне бы весь репертуар Шафутинского.

Сегодня она была настроена потанцевать. И танцевала до усталости.

А София не могла оторвать взгляд от холеного красавца-армянина, который соловьем заливался, не оставляя в ее душе пустого уголочка для тоски, полностью заполняя ее мечтой, отправляя в полет, в невесомость.

Она была бессильна перед такой властью таланта.

Познакомились они неожиданно.

Поговорив о том, о сем, София сказала, что все лучшие сцены мира отдала бы ему.

Он улыбнулся, поблагодарил.

– Сегодня Вы придете отдыхать в кафе? – поинтересовался Он

– Наверное, придем.

– А что Вы любите слушать?

– Мне очень нравится песня «Берега», да все, что вы поете, – ответила София.

– «Берега» – очень трогательная песня, у Вас неплохой вкус, – ответил Он. – Я спою ее как-нибудь для Вас, – пообещал любезно и очень неожиданно.

София призналась, что эта песня для нее – что-то очень личное, напоминание о том особенном...

И вечер за вечером она слушала эту песню, которую Он пел только для нее. Он всегда напоминал, что поет для нее.

София понимала, что все это пройдет и что это всего лишь счастливый эпизод в ее обыкновенной жизни.

Последний вечер на побережье был просто восхитительным. София с утра думала о Нем, вспоминала все вечера, проведенные здесь. Она вспомнила, как приезжала девушка из Москвы, чтобы отметить свои именины и послушать Его. Танцевать под Его исполнение. Смотреть на Него глазами, полными любви и очарования. И каждая, которая отдыхала в этом кафе, была уверена в своей неповторимости, танцуя под Его исполнение, очаровываясь Его шармом, тем как Он поддерживал всех со сцены. Все те, которые слушали Его, имели право думать, что мастер хочет только Ее одну осчастливить, и только ее отношение к той или иной песне он разделяет. И это было понятно. Талант мастера был неповторим. А он достоин был лучших сцен и бурных оваций. Весь день она говорила какой-то сумбур, все делала так, как будто руки росли не с той стороны. Она забросила свои дела, очерки, статьи... Она отдыхала и думала о Нем. Она была просто увлечена. А вечером, услышав в кафе свою любимую песню, она замирала от избытка чувств, эмоций и немножко от щемящей боли. И к чему это могло привести, она просто не думала,

не хотела делать ничего для того, чтобы исправить ситуацию. Сolidная женщина с очень молодой душой была переполнена чувствами. Она растворялась в песне, она восхищалась певцом. И именно такой порыв наверняка позволил автору написать такую песню. Ведь незабудки тоже цвели на другом берегу.

София, забыв о реальности, думала вслух, и Надя, внимательно наблюдая за ней, улыбнулась, и тактично, чтобы не обидеть, сказала, что песня действительно прекрасна.

София не слушала, она в последнее время ничего и никого не слышала. Наверняка эта встреча, такая неожиданная и приятная, заставит маяться после. Но об этом она просто не хотела думать. Был вечер, они несколько раз подходили друг к другу, говорили, улыбались. Он знал, что этот вечер был прощальным. Эмоции перехлестывали. Он со сцены объявлял, что на прощание он споет ее любимую. София слушала на одном дыхании, и песня, и слезы, и уже прохладный, тихий морской бриз, и сцена – все сегодня принадлежало Софии. Он тоже пел только для нее. Казалось, в зале больше не было никого. Он наблюдал за ней, она не могла оторвать взгляд от сцены, от него...

Она завтра уедет в свой, давно созданный мир. Где ее рабочий стол, семья, дела и обязанности. А сегодня, сидя в кафе «Курортный роман», она думала, что еще не вечер...

Автобус на следующий день точно по расписанию привез ее домой. И это кафе, и этот вечер остались там, на том берегу, где цветут незабудки. И, возможно, чувства, переполнявшие ее душу, не позволят погаснуть огню, разведенному там, на том берегу.

– Берега, берега, берег этот и тот...

И цветущие незабудки – это символ высокого, перед которым слаб самый сильный. И встречи возможны...

Зульфия АЙШАЕВА

Влетело в окно, распахнутое, беспокойство.
Шепнуло, что вкуса росы изумленное солнце.
Что небо жемчужного цвета – всегда перед снегом.
А сны о тебе вижу я только в марте и летом.

Я с каждой слезою взрослою на доли секунды.
Другие хоронят года, я – одно только утро.
Чужую стряхнув шелуху несложившихся судеб,
Поверю, что с нами однажды такого не будет.

Живем на развилке, усыпанной сотней капканов.
И хочется двинуться, но... на какой из них рано?
Я долго молила бы Бога за нас о прощеньи,
Да смертных грехов у нас нет, вот одно утешенье.

Давай помолчим. И решим на двоих, да так слепо,
Что мы лишь влюбленные в жизнь и упрямые дети.
И, может, тогда мы услышим, как в отблесках света,
Поет в облаках так похожий на нас, пьяный ветер.

Камнями побитое прошлое
Безруко стучит в мою дверь.
И утро, в ботинках поношенных,
Вдруг стало на годы старей.

Стоит на коленках подкошенных
И просит: «Впусти и поверь.
Смотри – я в занозах непрожитых!..» –
И плачет, как раненный зверь.

Меня не узнав, не поймете вы,
Во что льются слезы и кровь.
Чего же вы ждете?.. В неверии
Баюкая ленью свой кров.

Ты ни во что не верил никогда,
Не знал, что есть минуты и для счастья,
Что в небе неприметная звезда
Способна жить без силы твоей власти.

По облакам, в которых мы парим,
Ходил ты, становясь седым, как пепел.
И в чем-то был всегда неисправим.
Но ты не стал свободным – ты не ветер.

Ведь не летал ты в поисках зари,
Не целовал весны зеленой руки.
Забыл про неподвластные миры,
И годы бесконечные разлуки...

Давай посмеемся, пока я жива,
И смехом излечим чужую простуду.
Нам сладкую вату несут облака,
И долго еще в это верить я буду.

Давай посмеемся и выйдем во двор,
Чтоб просто до нитки последней промокнуть.
Я буду ловить твой рассерженный взор,
Пытаясь под ним не согнуться, не дрогнуть.

И люди с улыбкой посмотрят на нас,
И скажут, что мы шаловливы, как дети.
Но нас этот дождь умывает сейчас,
А значит, и чище нас нет в целом свете.

Давай посмеемся, пока я жива.
И смехом излечим чужую простуду.
Нам сладкую вату несут облака,
И долго еще в это верить я буду...

Поменялся ход истории,
Жизнь хвостом вильнула в сторону.
Боже праведный, за что же я
В сотый раз ломаю голову?..

Не по мне писались правила,
Тесно в них, до крика холодно.
И не греет с плакатов зарево...
Все мертво, что к стене приколото.

Белый снег, как паутина,
Потянулся длинный-длинный...
Чем-то он напоминает
Мне один закон старинный.

Он про то, как все в природе
Возвращается на место.
Старца я хочу поставить
С белым снегом рядом – вместе.

Только разница заметна
За все прожитые годы.
Снег чернеет, ну а старец...
Он всегда белобородый.

А по сути, цепь их жизни
Так похожа примитивно.
Снег водою обернется,
Побежит речушка живо.

Старец тоже мир покинет,
Наставленья оставляя.
Может, скоро он вернется,
Всех в округе забавляя.

Станет тем же он мальчишкой,
Своенравным и упрямым.
Снег водою обернется,
Старец – мальчиком Хасаном.

Белый снег, как паутина,
Потянулся длинный-длинный...

Поседели мои горы.
Сверху многое видней.
Тех, кто видел в жизни горе,
Голова всегда белей.

Молча стонут исполины,
Стынут слезы в ледниках.
Годы горные вершины
Замораживали страх.

Дождь, целуя мои скалы,
Тихо шепчет: «Никогда...
Не забудет мир, как сакли
Пожирала пустота».

Эльбрус смотрит. Как молитвы,
По снегам текут слова –
Вы вернулись... Значит, живы...
Не смогли забыть отца.

Поседели мои горы.
Сверху... многое видней...

Людмила ГУРОВА

Последняя любовь

1

Давние друзья тяжело поднимались от именинного стола – обильного и вкусного, заботливо приготовленного женой виновника торжества. С удовольствием плюхнувшись на диван, хозяин заговорил первым:

– Дашка – моя первая и последняя любовь. Я даже и не предполагал, что способен на такую запоздалую страсть. Кажется, это жило во мне всю жизнь. Блеск черной смолы моей Дашки – возбуждает. Сводит меня с ума!

– Да, я тебя понимаю. У меня Фея хоть и четвертая в жизни, но когда я увидел ее в первый раз, в сиренево-серебристых тонах, – потерял покой. Решил: будет моей, чего бы мне это ни стоило!

– Знаешь, только тебе могу признаться: обожаю мыть Дашку. Натираю ее бока, а сам думаю: «Какой же я счастливичик!»

– А я вспомнил позабытое чувство новизны, молодости. Моя Фея заводится, что называется, с полуоборота. Чувство слияния с ней в одно целое – настоящий восторг!

– Я до сих пор наслаждаюсь габаритами и мягкостью Дашки. Блаженство, когда так и хочется сказать: «Неужели это все мое?».

– Фея, конечно, миниатюрнее против твоей Дашки, но легка и подвижна. В этом тоже что-то есть.

– Давай выпьем за них, за нашу любовь. Пусть будут преданы нам, как мы – им.

– Со своей Феей я теперь и в гости, и за грибами, и на работу – практически не расстаемся.

За окном сработала сигнализация какой-то машины. Друзья вскочили с дивана с непозволительной для их возраста прытью. Оба кинулись к окну.

– Да нет же, это не Дашка. Она – в гараже.

– Нет, не Фея, я ее по голосу узнаю: тембр нежнее.

– Мальчики, хватит расхваливать своих красавиц. Идите чай пить – стол накрыт.

– Но все-таки твоя много жрет, как ты справляешься с этой проблемой? Бензин все дорожает и дорожает.

– Пока работаю – справляюсь. Ну, пошли чай пить – наши девочки нас заждались...

Мария Ивановна, или Муся, как звали ее в далекой молодости да так привыкли, что и не замечали, сколь мало уже вязалось это имя с ее солидным возрастом сегодня, проснулась, вскочила и помчалась на кухню. Знала – путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Она заметила, что ее единственный и неповторимый уже поднялся с кровати и молча сидел на стуле, на своем обычном месте.

– Сейчас, милый, приготовлю винегрет и будем завтракать. Знаю, ты любишь, чтобы овощи были порезаны мелко. Так и сделаю.

Он молчал.

– Винегрет на завтрак очень полезен для пищеварения.

Он недовольно пошевелился.

– Хочешь, угощу соленным огурчиком?

Он молчал.

– Ты проснулся в плохом настроении? – Муся быстро орудовала ножом. Перемешала винегрет, заправила оливковым маслом. Опять перемешала. Разложила в мелкие тарелки, поставила одну перед ним. – Кушай, милый, захочешь еще – я добавлю.

Он оживился и молча стал есть. Она села рядом и застучала вилкой по тарелке. Он справился с винегретом быстрее, чем она. Муся вскочила, положила ему еще.

– Винегрет вышел на славу. Я рада, дорогой, что тебе понравился.

Он принялся, уже не так жадно, есть. Муся села напротив, подперла пухлую щеку кулачком и, не отрываясь, смотрела на своего любимого. Думала: «Какой же он красивый! Голубые глаза, в которых можно утонуть, в них какая-то космическая загадочность». Усики еще не были причесаны с утра, но она любовалась ими всегда. Она таяла, глядя на него. «Хоть бы что-нибудь сказал», – летела дальше Мусина мысль, когда он доел.

«Мяу», – ответил сиамский кот Барсик и грациозным прыжком соскочил со стула. Гордо подняв хвост, он важно удалился из кухни. Муся с нежностью проводила его взглядом.

Когда-то лучшая подруга учила Мусю: путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Она, дуреха, поверила ей. И вот теперь кормит Барсика...

Светлана МОТТАЕВА

Я Слово в степень возведу:
Оно кунак мой с небосвода,
И, страждущей, себе в угоду
С ним нынче душу отведу.

Чтоб, не чураясь, шло оно
В мой дом, где ждут его всечасно,
Здесь факел в честь него давно
Горит высокий и прекрасный.

Ликуя, царствует душа,
Вбирая Слов заветных звуки,
И росчерком карандаша
Зачеркивает сердца муки.

Неброский сколок Бытия –
Я все же в нем чего-то значу,
А тот, кто всем нам судия,
Мне вехи жизни обозначил.

И не случайно жизнь моя
На стеле времени отлита;
Из плоти я, не победита,
Всего-то – сколок бытия.

Никто не дал мне столько горя
И столько радости, как ты...

Рюрик Изнев

Ты мне была надеждой и венцом,
Глаза слепила обликом от Бога,
Воробышком – беспечным сорванцом,
Порхающим, играя, у порога.

Как в естестве твоём себя познать,
Как уберечь тебя во дни такие,
Когда тобой не прочь поторговать
Те, в ком как будто помыслы благие.

Ты мукой, ты безумием была,
И подвигала, требуя поступка,
Ты все дала мне, ты все отняла,
Лишила и достатка, и рассудка.

Ах, нелегко тебе вершить полет –
Крыла твои как-будто подустали.
Но родину свою всегда поймет
Тот, чья душа из плоти, а не стали.

Но указала, как для чести жить,
И, благ земных стыдливо избегая,
Одну тебя лелеять и любить,
До крайности любить, не уставая.

Но Космос охраняет твой покой,
Эльбрус сияет в куполе бездонном,
Тебя Господь вознес к черте такой,
Где нет нужды отвешивать поклоны.

Я спустилась с высот на равнину:
Здесь стрекозы летают в цветах,
Здесь пылят одуванчики инеем –
Разоделась земля в пух и прах.

В этом мире ином, заземленном,
В безмятежной сумятице трав,
Я душой отдохну усмирненной,
Укротившей мятежный свой нрав.

Но не он ли сквозь тернии к звездам
Вел меня, призывал, подвигал,
Не страшась, под суровыми грозами,
Подниматься на свой перевал?

Диктовал он (такое бывает),
Чтобы я сотворила из слов
Свою песню, что дух пробуждает.
Возвращая из розовых снов.

Чтобы, не подавляя искусства
И терпя боль израненных стоп,
Вновь карабкаться каменным руслом
Снова вверх, где Череха исток.

Творит оркестр симфонию природы,
Трубач в зенит трубы возносит клич.
Да вот беда – симфонии не в моде,
Того печальней, что в почете кич.
Так что ж теперь, и Моцарт нам не Моцарт?
И с этим я неужто соглашусь?
Но лжеорфеи заслонили солнце,
Творя с благословения лжемуз.

Не предвижу душе облегченья,
Чему быть – это ведает Бог.
С каждым прожитым днем и мгновеньем
Тяжелей одоление дорог.

Груз забот, заблуждений... Досадно –
Мало проку, да много потерь.
Подневольное сердце в осаде,
Да не ропщет подопытный зверь.

Чем его огражу? И спасу ли,
Коль решусь, даже телом своим?
Коли лживы судьбины посулы,
Если грезы – химеры и дым?

О наив подростковых мечтаний,
Труд – спасенье, мечты ни к чему,
Бытие мое – зал ожидания,
Правда, дальше куда – не пойму.

Сквозь решетчатый купол вокзала
Вижу звезды – корону земли.
Я, свою выбирая, не знала,
Что не мне она светит вдали.

На скрижалях судеб наших все	Нынче птицы, рассвет предварив,
До последней прописано строчки,	О тебе мне напомнив, застыли
Опровергнуть не в силах никто	В распутившихся зарослях ив,
Тот божественный заданный почерк.	В изумрудной летающей пыли.

Там, в небесной дали зоревой,
Где судеб обозначена сущность,
Мне поведала все о тебе
Облаков заповедная кучность.

Я знаю, мне будет еще не хватать
Тех дней и часов, и мгновений, и взгляда,
Влекума найтъем, придвинув тетрадь,
Берусь за перо, подчинясь слову «надо».

Но что мне сие повеленье, когда
Минувшее и непредметно, и зыбко?
Связать нас уже не с руки проводам,
Лишь память хранит отраженье улыбки.

Я ею влекома, как волей судьбы,
И к ней устремляется вся моя сущность,
Которой пора бы уже позабыть
Тот голос, звучащий теперь уже глуше.

За далью, еще не ушедшей во мглу,
Еще обозначенной зримо и внятно,
Я тешу себя прихотливым «могу!»,
Его повторяя в душе многократно.

Забота забот. И отринув давно
Тех дней приснопамятных властные руки,
Зачем-то я к ним тороплюсь все равно,
В душе воскрешая забытые звуки.

Кантемир ТХАЗЕПЛОВ

Предлагаемый читателям рассказ – первая публикация нашего молодого автора. Сейчас он учится в 11 классе, литературным творчеством увлекается с начальной школы.

Руки с запахом кофе

Его руки пахли кофе. Всегда. Порой мне казалось, что он подрабатывает на бразильских плантациях, тем более – он всегда был загорелым. Впрочем... я знала, что он ходит в солярий.

Трудно вспомнить, как мы познакомились. Он – богатый и красивый. Я – богатая и красивая. Может быть, это была светская вечеринка. А, может, и простая прогулка в парке. Все равно. Наша встреча была примитивной и неинтересной. Если было бы иначе, я бы запомнила. Навсегда.

Его голубые глаза смотрели на меня с интересом и легким непониманием. Я знала, что он удивляется моему уму. Блондинка. 90–60–90. Моя мать, известная своей наивностью. И тут я. С претензией на ум. Мне удивлялись все. И он. Банальный. Не мог понять меня. Мой внутренний мир. Ненавижу.

Я хотела его убить. Мечтами. Я хотела его любить. Снами. Я хотела его. Губами. Но, увы. Для него я была той, к которой он никогда бы не смог прикоснуться. Дотронуться. Я была словно греческая статуя, которой все восхищаются, но которую боятся. Коснуться меня – нереально. А я страдала. Мучалась. Не могла видеть его с пустышками, с глупыми уродливыми куклами. Он смотрел на них, как на сочную клубнику. Надо съесть. Посыпать сахаром и съесть. А потом выбросить то, что осталось.

Что он думал обо мне? Каким фруктом была для него я? Не знаю... Ведь я была статуей, и этим все сказано.

Помню тот день, когда я шла на учебу. Одна. Он стоял такой грустный и подавленный.

– Что с тобой?

– Кажется, я влюбился.

По его глазам, я поняла, что объект его страсти – не я. Это была другая. Пятиминутный разговор. Я ее знала, конечно, как я могла ее не знать, когда жила с ней в одном доме вот уже восемнадцать лет. Мама. Любимая мама. Как он мог влюбиться в сорокалетнюю бывшую модель? Красота... Я не думала, что он такой глупый. Глупость и наивность. Эти два качества всегда привлекали меня в мужчинах.

Пригласила его домой. Вечером. Всю ночь он смотрел на нее. На ее декольте, изящную шею. А я? Как же я? Ее маленький клон, но только с мозгами? Ум сейчас не в моде. А мода – все. Для него.

Каждый вечер он приходил к нам. К ней. Не ко мне. Знаете, что самое смешное? Он тоже ей нравился. Ее привлекали его молодость, красивый румянец. Голубые глаза. Когда-то бывшие моими. Я не могла жить, не могла

любить того, кто меня не любил. Почему со мной всегда такое происходило? Почему я «Мисс Неудача»?

Один раз я пришла с занятий раньше: отменили историю России. Войдя в дом, я почувствовала резкий запах. Любви. Не торопясь, поднялась к себе. Эти звуки были по всему дому. Я не могла сидеть просто так и делать вид, что ничего не происходит.

С гневной улыбкой на устах я зашла к ней в комнату. Его руки, пахнущие кофе, гладили ее. Его голубые глаза с презрением посмотрели на меня. Ее зеленые – со страхом. Она знала, на что я способна. Страх. Животных страх передо мной. Это все, что было нужно.

Я вышла. Зачем мешать голубкам. Все было и так понятно.

За ужином отец сидел напротив нее. Я посередине. Сегодня на моем лице была изящная маска невинной девушки. Она молчала. Ее красивые глаза были устремлены на меня. С мольбой. Я улыбалась.

– Сегодня смотрела интересную передачу, – с той же улыбкой завела светский разговор, – там речь шла о женщинах. Сорокалетних. Говорят, им нравятся молодые парни. Папа, ты так хорошо сохранился, теперь я понимаю, почему у вас с мамой такие теплые отношения.

Он покраснел. От смущения.

– Спасибо, милая.

– Не за что, папа.

– Милая, передай мне соль, – в ее голосе вибрировал страх.

– Конечно, мама.

– Кстати, почему к нам не пришел сегодня Михаил? Мне кажется, это замечательная партия для тебя, дочь, – сказал папа. Глупый папа.

– Да, он мне очень нравится. Но, кажется, он ко мне равнодушен.

– Скажешь, милая. Был бы равнодушен, не приходил бы так часто.

– Я слышала, ему нравится другая. Слышала, – выделила я. – А мы просто друзья.

– Ясно.

Тишина. Ее вилка нервно подрагивала и стучала по тарелке. Ее глаза не двигались. Ее прекрасная шея стала ужасной.

Шли дни. Я почти не появлялась дома. Приходила только вместе с папой. Боялась. Я начала давать уроки английского сиротам. Обо мне тут же заговорили. Светское общество. Все воспевали мою доброту. Мне начала звонить его мать. Навязываться. Говорить, какой хороший у нее сын. Я еле слышно поддакивала ей и улыбалась. За несколько дней я стала бесчувственной мегерой. Грубила. Хамила. Учеба и работа. Все. Для меня не было ничего другого.

Вернувшись вечером, я застала мать в гостиной, одну. Она как-то неловко сидела в кресле, по щекам текли слезы. Я прошла мимо.

– Анна, – ее голос дрожал.

– Что? – спросила я с грубым напором.

– Прости меня.

– Бросил, да? Не нужна ему, да?

– Да. Да, – еле слышно сказала она.

Ее худая рука протягивала мне небольшой листок. Красиво сложенный. Его почерк.

«Дорогая Екатерина Михайловна,

мое письмо будет первым и последним. Я не люблю вас. Не любил никог-

да. Простите меня. Просто было интересно. Вы замечательная женщина. Но вы не для меня. Желаю вам удачи.

С любовью, Михаил»

Маленький дурак. Он называл ее по имени и отчеству. Он использовал ее. Мою мать. Я должна была помочь ей. Она была в глубокой пропасти и ждала моей руки. Худой. Такой же, как и у нее. Она ждала ее и плакала. Молила о помощи. А я фыркнула и поднялась к себе.

В моем сердце был невкусный коктейль. Ликование. Горечь. Шампанское. Я попросила служанку принести бокал игристого вина, чтобы отпраздновать. Я мерзкая. Злая. *But I love it.*

Мне нравились моя злость и стерженность, но во мне жила прежняя Анна. Добрая, милая, но самоуверенная. Она бы обязательно помогла матери. Она бы протянула ей руку. Она бы обняла ее. Но ее нет, она больше не живет в моем сердце. Вот так.

Я винила себя. Как я могла любить его. Могла? Могу. Я продолжала любить этого мерзавца и скучать по его голубым глазам. По его бесцветной улыбке и умным фразам. Цитатам из Оскара Уайльда.

Зазвонил сотовый. Я подняла трубку.

– Да?

– Анна, это Михаил.

– Привет.

– Мы можем увидеться?

– Зачем?

– Просто.

– Подъезжай. Я сейчас спущусь.

Какой я была дурой. Он использовал мою мать и назначил мне свидание. Весело. Хитрый маленький мальчик. Я проучу его.

Небольшой ресторан приютил нас. Холодных и немых. Разговор не шел. Я не могла смотреть в его голубые глаза, мне было тошно, но в то же время интересно, любопытно. Что там было? Была ли там совесть? Но я не могла посмотреть. Пошевелиться. Он что-то говорил, а я молчала. Как дура.

– Пойдем отсюда.

Мы встали, и я поцеловала его. Набросилась. Как обезьяна на банан. Я хотела его всем телом. Я получила. Его. Я получила каждую частичку его тела. Каждую клетку.

Он влюбился. А в моем сердце была пустота. Страсть излилась. Больше ничего не было. Я с улыбкой вошла в дом.

– Где ты была? – спросил отец.

– Мы гуляли с Михаилом.

Я заметила ее пристальный взгляд.

– Мамочка, тебе плохо?

Подошла и коснулась ее лица, заранее зная, что мои руки пахнут им. Источают запах кофе. Бледная, зрачки увеличены, она встала и пошла, почти побежала к выходу. Резко остановилась. Повернулась и подошла ко мне. Влепила звонкую пощечину. Я улыбалась.

– Что здесь происходит? – крикнул отец.

Она не сказала ни слова. Ушла. Модельной походкой по лестнице.

За ней. Следом. Быстро. Ее комната. Она на кровати.

– Спасибо, мама. Спасибо тебе за все. Спасибо за то, что показала мне, каким нелепым бывает мир. Какой он жестокий. Я верила тебе. Верила с

первых лет своей жизни. А ты. Ты... Шлюха. Меня тошнит от тебя. Я никогда – слышишь? – никогда не прощу тебя.

– Потаскуха.

– Какие громкие слова. Ты о себе, да? Знаешь, я не представляю жизни с тобой. С твоими лживыми глазами. Ты для меня – никто. Ухожу. Пусть это банально. Пусть это глупо. Мне все равно. Жить без тебя – лучше. Я больше так не могу.

Хлопнув дверью, я пошла к себе. Тридцать минут. Чемодан готов. Я плавно спускалась вниз с улыбкой на губах. Отец ничего не понимал. Лох. До чего я докатилась? Назвала свою мать – шлюхой. Отца – лохом. Дура!

– Куда ты?

– Куда-нибудь.

Не знала – куда. Не знала – зачем. Но шла.

Такси. Первый адрес. Подруга. Она приняла меня без слов. Ее небольшая квартира казалась мне раем.

Шли дни. В светском обществе распространилась новость. Быстро.

– Вы слышали? Она ушла из дома и живет с подругой. Может, она лесбиянка? Скорее всего, мать не вытерпела ее ориентации, произошел скандал, и она отправилась к своей подружке. Точнее, подружке.

– Нет, ты что. У нее современная мать. Анну видели с Мишей. Скорее всего, ее мама не вытерпела того, что она общается с таким ублюдком, и поругала ее, та не вытерпела и ушла.

– Вы несете чушь. Анна – наркоманка. Это всем известно.

– Да неправда. То, что она пьет, я знаю. А наркотики – ложь.

Вот что говорили обо мне. Так смешно и глупо. Я по-прежнему ходила преподавать сиротам. Папа присылал мне каждый день деньги. Я не хотела с ним видаться. Не знала ничего о ней. Может, она рассказала. А, может, придумала что-то свое. Какая разница?

Подруга была рада. Ей было сложно платить за квартиру. А тут я. Богатая. В последнее время я уже подумывала о том, чтобы сменить ориентацию, но сердцу не прикажешь... Банально.

Он бегал за мной, как зайчик. Я потешалась. Улыбалась. Смеялась. Мне было наплевать на него. Учеба и работа. Все.

Однажды я задержалась на работе. Одна маленькая девочка с красивыми голубыми глазами показала мне рисунок. На нем были изображены я и она. Вместе. Мы стояли и улыбались. Внизу неопытной детской рукой было написано: «I love you, my dear teacher».

Я не знала, что сказать. Достала из сумки несколько конфет и дала ей. Крепко обняла. Хотелось плакать. От счастья. Я была кому-то нужна. Меня кто-то любил. Просто. Даша крепко обняла меня и назвала своей сестричкой. Слеза прокатилась по моей щеке, но я не дала ей этого заметить.

– Тебе пора идти, Дашенька, – сказала я с нежностью в голосе и положила рисунок в сумку. Пошла вниз.

Я заметила машину. Его. Что он делал здесь? Пришел ко мне? Но зачем? Сделала вид, что ничего не заметила, и пошла дальше. Домой. Его не видела. Ко мне в душу закрались смутные сомнения. Что он делал там? Может, мы разминулись?

После этого я ни разу не видела его машину в том месте. Все было странно.

А как-то меня вызвали к директору.

– Привет, Анна, – сказала она и жестом показала на стул.

– Здравствуйте.

Небольшой разговор. Она спросила о моих делах, справляюсь ли я, и т. д. Неожиданный телефонный звонок. Она ответила. Я не стала слушать. Зачем? Заметила только то, что она очень мило разговаривала. Улыбалась.

– У нас такой хороший спонсор. Молодой совсем. У нас его дочка. Родила девушка-наркоманка, но затем умерла. А он скрывает все. Но каждый месяц что-то привозит. Игрушки. Продукты. Одежду. Причем не только своему ребенку, но и всем. Милый такой.

– Наверное, искупает вину.

– Может быть.

Я вышла. Как я не догадалась? Какой я была дурой! За что мне такое? Он тогда приехал вовсе не ко мне. Дашенька. Голубоглазая Дашенька. А я все время думала, чьи у нее глаза. Я все время думала, что они мне напоминают что-то. Море. А-ха-ха. Он. Снова он.

– Миша! Даша – твоя дочь?

– Как ты узнала? – в его голосе чувствовался испуг.

– Не бойся, никому не скажу, – не в моем стиле было отвечать на вопросы.

– Спасибо.

Я не знала, что он может быть таким добрым и ласковым. Не показываясь дочери, он ухаживал за ней. А она была чудом. Но полюбила ли я его снова? Нет! Такое бывает только в пустых романах и фильмах. Героиня понимает, что ее любовник умный и нежный, и чувства вспыхивают вновь. Они усыновляют дочку и живут долго и счастливо. Бред. Я так же его презирала. Еще больше.

Шли дни. Я встретила отца. Он все знал. Не ругал меня. Смотрел с восхищением. Мама была в Греции. Отдыхала.

– Ей нужно отдохнуть, оправиться после этого, – говорил он.

Почему он ее так любил? За что ей досталось такое «чудо»? Он меня убедил вернуться. Я приехала домой. Она приехала домой. Я – бледная. Она – загорелая. Мы улыбались друг другу, вроде бы все прошло. Выветрилось. Ненависти больше не было. Но не было и доверия. Ничего не было. Только улыбки. Красивые слова. Жесты.

Я ушла из детского дома. Дашенька плакала. Но я не могла смотреть на это маленькое существо. Мне почему-то было страшно. Он пропал.

Прошли годы. Теперь я сорокалетняя женщина. Как моя мать когда-то. Она умерла. Отец тоже. Я сейчас сижу на веранде и пью сок. Мой муж играет в теннис. Нет, это не Михаил. Его зовут Егор. Он хороший человек.

Что стало с Михаилом? Он уехал в Америку. Я больше ничего не слышала о нем.

Рядом со мной сидит Даша. У нее отцовские глаза. Когда я вышла замуж, выяснилось, что я не могу иметь детей. Жить без ребенка я не могла. Удочерила Дашу. Ни о каком другом ребенке не могло быть и речи. Теперь она со мной. Даша вышла замуж. Ее муж Александр играет в теннис с Егором, а она записывает эти бредни старой кобылы. Она – креативный директор рекламного агентства. Тогда я отдала ее в художественную школу. Отлично рисует.

А сейчас... Прощайте.

Помните. Все, что ни делается, все к лучшему.

Да же, Дашенька?

Аминат АТАБИЕВА

Баба Нюся

Муж последние полгода был очень занят – занимался оформлением бумаг, срочной продажей недвижимости, а ее у них было достаточно: две фабрики – кондитерская и по пошиву женской одежды, дома в Санкт-Петербурге и Москве, поместья в Подмоскowie. Параллельно он подыскивал дом в Париже, отправил туда часть имущества и прислуги, занимался куплей дома и завода в Германии.

Анастасия Георгиевна – красивая двадцатитрехлетняя женщина небольшого роста с огромными зелеными глазами, пышными русыми волосами, аккуратным носиком, точеной фигуркой, за три года замужества привыкшая к светской жизни, праздникам и балам, вниманию со стороны окружающих, все это время жила как во сне.

С Кириллом Аркадиевичем невозможно было серьезно поговорить о происходящем. Вместо объяснений, он просто говорил:

– Моя интуиция еще никогда не подводила, верь мне – это единственно правильное решение. Мы на пороге очень больших перемен. Ты поймешь это позже. Коль мы опоздаем – можем все потерять, понимаешь?! Нужно торопиться... Тебе, дорогая, не обязательно знать все подробности. Лучше помоги мне разобраться с имуществом, выбери людей, которых хотела бы забрать с собой.

Она – жена богатого фабриканта, была в шоке от одной мысли, что придется покинуть страну, в которой родилась, где прошло ее детство, где испытала первый трепет молодого сердца, пошла под венец, где жили ее родные...

Они часто выезжали за границу, но недели через три Анастасия начинала скучать по друзьям, родным местам, просто по воздуху, атмосфере дома.

– Мы каждый год ездили отдыхать – в Париж, Рим, Лондон... Это понятно. Но всегда возвращались домой. Уехать, как бы «сжигая за собой мосты»... А если захочется приехать, будем жить в гостинице? Я не могу этого себе представить. Оставьте хотя бы одно из поместий в Подмоскowie, – просила она.

– Потерпите, дорогая! Мы еще увидим много интересного. Сейчас не время спорить. Хотя... кто знает... – сдался он, наконец. – Просто чтобы вы не переживали, так и быть, одно оставим.

Анастасия Георгиевна обрадовалась, как будто над ними нависла какая-то угроза, а она предотвратила ее. Теперь было легче на душе, и занятия мужа уже не так ее раздражали. В обществе, в жизни вообще, происходило что-то непонятное: даже во время праздников и балов веселье было натянутым, наигранным – смутные предчувствия витали в воздухе.

Она не понимала, в чем дело?

– Ничего необычного вроде не происходит, почему он так спешит?

«В любой стране бывают периоды, когда происходят стычки между хозяевами и рабочими. Люди должны иметь право выбора. Каждый отстаивает свои интересы. Пошумят, решат свои проблемы, и все успокоится», – думала она. До этого она не раз была свидетелем жуткого положения людей, работавших на фабриках, в том числе и у них. Не раз вспыхивали забастовки, которые подавлялись полицией.

Кирилл Аркадиевич был старше супруги на пятнадцать лет, но выглядел моложе своего возраста. Они женились по любви: встретились на корабле во время путешествия по странам Средиземного моря.

Анастасия была с матерью. Сначала они просто здоровались при встрече, как, впрочем, и со всеми остальными, прогуливаясь по палубе. На третий день при очередной встрече он остановился и, извинившись, предложил:

– Давайте познакомимся. Меня зовут Кириллом Аркадиевичем, отдыхаю один. Буду вам премного благодарен, если сочтете возможным составить компанию, поужинать вместе.

– Мария Ивановна, а это моя дочь – Анастасия, – ответила мать девушки. Она слышала о нем от своих друзей, плывущих на этом же пароходе. Его характеризовали как очень умного, добропорядочного, состоятельного человека.

– Анастасия Георгиевна.

Когда он приложился губами к руке Анастасии, щеки девушки зарделись.

– Пожалуй, да, если вас это не затруднит, – продолжила Мария Ивановна.

– Спасибо! Я очень рад.

И они пошли рядом.

– Вы сказали, что отдыхаете один.

– Да, Мария Ивановна! Просто последние месяцы были трудными, пришлось много работать, вот решил отдохнуть, причем один. Думал, что так больше расслаблюсь.

– Одному скучно, я думаю. Даже вдвоем скучновато...

– Вы правы, через день я это понял.

– Тем более молодым, как вы, людям.

– Приглашаю вечером в зал-ресторан. Там довольно хорошо. Честно говоря, вчера я надеялся увидеть вас там, но вы не пришли.

– Да. Мы немного устали и решили отдохнуть, почитать у себя в каюте.

– Приходите сегодня – никаких следов усталости не осталось, вы выглядите прекрасно. Предлагаю поужинать в «Морском зале». – Кирилл Аркадиевич вопросительно посмотрел на Анастасию.

Легкая улыбка скользнула по лицу девушки.

– Там мы действительно не были, – смущенно сказала она.

Она была прекрасна.

– С удовольствием. Спасибо, – ответила мать.

Вечером мать и дочь старательно подобрали платья, сшитые, казалось бы, по простому крою, но со вкусом, подчеркивающие фигуру, и к назначенному времени вышли из каюты. Кирилл Аркадиевич ждал их. Они вместе спустились в зал-ресторан.

Навстречу пошел мужчина, с поклоном открыл двери и указал в сторону столика в противоположной стороне зала:

– Добрый вечер! Проходите сюда, пожалуйста! Ваш столик готов!

Войдя в помещение, женщины слегка опешили: зал был огромным.

Половина зала была построена с колоннами по периметру. Между колоннами были выделены небольшие полуовальные отсеки, мало сообщающиеся между собой, открытые в сторону центра. В каждом из них накрыт стол.

Две двери с боковых сторон: одна – для входа гостей, другая – для сотрудников.

Тяжелые шелковые занавеси спускались свободными волнами по бокам от дверей. Вместо окон в трех иллюминаторах огромных размеров были вставлены аквариумы с рыбками разных видов, размеров и цветов: золотыми, полосатыми, яркими нарядными и сероватого цвета, с пышными хвостиками и без...

Морские водоросли слегка колебались от движений воды, вызванных проплывающими рыбами. Аквариумы подсвечивались сзади слегка приглушенным светом цвета морской волны. От этого казалось, что зал находится где-то на большой глубине, и за окном – морские просторы.

На стенах кабинок висели картины с изображением морских видов.

На потолке в каждом отсеке и в общей части зала красовались небольшие хрустальные люстры, в которых отражался свет, разбиваясь на тысячи разноцветных лучиков, придавая нарядность всему помещению.

Большая часть зала в середине была свободна, эта площадка использовалась для танцев.

Звучала приглушенная музыка. Несколько человек танцевали.

Женщин проводили к столику. Кирилл Аркадиевич оказался интересным собеседником. Время пролетело как один миг. Все были довольны и веселы. Разошлись очень поздно.

С того вечера встречи за ужином в ресторане стали ежедневными. Они вместе гуляли во время остановок в городах, посещали достопримечательности, делились впечатлениями. Его умиляла непосредственность, открытость, восторженное восприятие мира Анастасией.

После возвращения в Москву, они виделись на прогулках, у общих знакомых, на вечерах друг у друга. Анастасия была дворянского происхождения, хорошо воспитана и образованна, хотя их семья была не очень богата.

Вскоре Кирилл Аркадиевич сделал предложение, и она с радостью согласилась.

Кирилл Аркадиевич любил свою жену, и она имела все, что полагалось в их положении. Он всегда был ласков и внимателен.

И когда Анастасия впервые увидела, как он обращается с работниками, была очень удивлена. Он был очень строгим, властным, даже жестоким, когда вопрос касался работы, зарплаты рабочих, длительности рабочего дня, внедрения новых достижений для облегчения труда, льгот при использовании женского труда...

Это удивляло и расстраивало молодую жену.

Иногда она не выдерживала:

– Они же люди! С ними нужно обращаться по-другому... На такие деньги невозможно существовать!

На что он отвечал:

– Нет, дорогая. Они не привыкли к мягкому обращению. Как только дашь слаbinу – сразу начинают наглеть, хочется еще большего. Как говорится в пословице: «Вороне дали глаза, а она и брови попросила».

Будучи человеком добрым и отзывчивым, Анастасия потихоньку от мужа пыталась помогать особо нуждающимся из своих небольших средств, которыми могла распоряжаться втайне от него.

Наконец, Кирилл Аркадиевич завершил дела, и они уехали в свой новый дом в Германии, прожили там около пяти месяцев.

Поначалу, пока обживались на новом месте, привыкали к новым условиям, было легче – новизна ощущений помогала легче и быстрее коротать время. Но вскоре тоска стала одолевать Анастасию.

Муж все время пропадал на работе.

– Конечно, не просто наладить работу большого завода, тем более что вы – хозяин новый, приехали из другой страны, да и профиль другой, совсем не то, чем занимались в России. Многому приходится учиться. Скоро и вам и мне станет легче, – говорила она, поддерживая мужа.

Но со временем становилось все труднее. Смутная тревога не покидала Анастасию. Ей хотелось домой, ей хотелось увидеть мать (отца уже давно не было в живых), на что супруг возражал:

– Жаль, что Мария Ивановна не послушалась и не согласилась уехать из России. И вам сейчас не время кататься. Поймите, это опасно. В любой момент может случиться трагедия. Давайте переждем какое-то время. Тем более, что я сейчас не могу ехать с вами – занят переоборудованием завода, набором работников, налаживанием производства...

Но Анастасия ничего не хотела слышать.

– Ну пожалуйста! Я не буду долго... Увижусь с родными и сразу вернусь сюда... Может, и мама согласится приехать, по крайней мере, в гости приглашу. Ей же должно быть интересно посмотреть, как мы устроились...

В конце концов, Кирилл Аркадиевич махнул рукой и отправил Анастасию Георгиевну с двумя женщинами, прислуживающими ей, приехавшими также из России – молодой девушкой Верой, няней – Екатериной Ивановной, постоянно сопровождающей Анастасию во всех поездках, и сорокапятилетним приказчиком – надежным и преданным ему Василием. Прощание было коротким, даже суховатым – он торопился на завод.

Купе, в котором устроилась Анастасия, было хорошо оборудовано. На окнах висели занавески цвета слоновой кости с кружевной отделкой. Два столика с резными ножками – один перед окном, другой, более узкий – у стенки слева – того же цвета, что и занавески. На первом столике в вазе стояли букет цветов, тарелка с фруктами, кувшин с водой, два стакана в золотых подстаканниках. По бокам от него стояли два стула с высокими спинками. Над туалетным столиком висело овальное зеркало, инкрустированное золотом и слоновой костью, на самом столике стояли флакончики духов, крема, пудра, маленькое зеркальце, салфетки, перед ним – пуфик. Стены, стулья и пуфик были обшиты шелковой тканью бледно-сиреневого цвета с выбитыми на ней того же цвета изображениями цветов. Кровать прикреплена к стенке справа и заправлена светлым нарядным покрывалом. Над ней висела картина. Одежда и обувь были разложены в потайном шкафу, который невозможно было определить. Только ключик, вставленный в замочную скважину, выдавал его.

Прислуга находилась в купе рядом. Василий расположился в купе слева. Дорога была долгой.

Анастасия с нетерпением ждала встречи с родными – мысленно она была уже там. Ей казалось, что поезд движется медленно. Иногда она очень жалела, что едет без мужа, ведь за все время их совместной жизни это был первый случай, когда они были врозь так долго. Но потом она успокаивала себя: «Ну, зачем ты так? Уж потерпи, дорогая! Ты ведь сама настояла на этой поездке... Кажется, он обиделся и, наверное, поэтому так быстро ушел, даже не дождавшись, пока поезд скроется из виду.... Да нет, он ведь предупредил, что его ждут, ему было некогда...»

Анастасия практически ни с кем не общалась – вышивала, читала книгу, писала дневник или просто любовалась живописными картинами, глядя в окно. Втроем женщины часто беседовали о любви, о жизни, о тех переменах, которые происходят в мире, – каждая с высоты своего опыта и положения.

Наконец вожатый предупредил, что через час поезд будет в Москве. Сердце забилось в сумасшедшем ритме. Вот и вещи собраны в чемоданы. Она переоделась, поправила прическу, и остаток времени провела у окна.

Кутаясь в норковую шубу, Анастасия вышла из вагона и с удовольствием глубоко вдохнула холодный московский воздух. Лежал снег. Было ветрено и холодно, неуютно, однако это не мешало ей радоваться. Ведь скоро она согреется в объятиях родных, по которым так соскучилась.

– Наконец! Боже, как хорошо! Я дома! – радовалась она.

На вокзале Анастасию встречали Валентина, Наталья и Александр – дети сестер ее матери.

– С приездом, дорогая...

– Ну, здравствуй, здравствуй...

– Ты так же прекрасна... – говорили они наперебой, обнимая Анастасию.

– Спасибо! Я так рада! Вы даже представить себе не можете, как хорошо дома...

Домой добрались быстро. По пути Анастасии казалось, что город изменился, дома как будто стали выше, отделка другая: как это часто бывает после длительного отсутствия, она замечала детали, на которые раньше не обращала внимания. И улицы другие, и люди другие...

Мама ждала дома. Она без слов обняла дочь и долго не отпускала. Так они стояли сердце к сердцу, и, казалось, что их сердца подстроились и стучат в унисон, готовые выскочить из груди.

Ее комната была готова.

И ужин с любимыми блюдами был давно готов. Сидели допоздна, никак не могли наговориться.

После дороги Анастасия очень устала, и как только голова коснулась подушки, сон навалился, моментально выключив сознание.

Прошла неделя.

С Кириллом Аркадиевичем созванивались ежедневно.

Как-то он позвонил встревоженный:

– Дорогая! Я очень беспокоюсь. Вам нужно вернуться... Срочно выезжайте! – торопил он супругу.

– Все нормально, не переживайте. Я попрошу Василия завтра же поехать за билетами.

На следующий день громко, настойчиво постучали в двери, и, не дожидаясь ответа, оттолкнув в сторону дворецкого, в дом ворвались возбужденные люди с ружьями – «солдаты революции». Они сновали по комнатам, раскидывая вещи, переворачивая мебель, разбивая дорогие сердцу предметы. Хозяйки и прислуга в растерянности смотрели на то, как хозяйничали чужие люди в их доме.

– Вставайте, господа, кончилось ваше господство...

– Доигрались...

– Пора на свалку все ваши буржуйские штучки...

– Будете, как все, пахать или сдохнете с голоду...

Подоспевший Василий кинулся на них с негодованием:

– Что вы делаете? Прекратите! С ума сошли?!

В ответ раздался выстрел.

Ругательства продолжались. Каждое слово резало.

Каждое слово бивало клин между прошлым и будущим, если это будущее еще когда-нибудь наступит...

Ре-во-лю-ци-я.

Это слово ворвалось в их жизнь вихрем, бурей, катастрофой, лишило всего, что казалось незыблемым, вечным, личным.

Это было страшнее, чем могло присниться во сне. Хотелось ущипнуть себя и проснуться в чистом спокойном доме с мужем или мамой рядом.

Все перевернулось с ног на голову.

В голове проносились картины, которые она никогда не забудет: вооруженные солдаты, грабеж, оскорбления, грубость, вещи, разбросанные по комнатам, смертельно раненный Василий, кровь, медленной струйкой текущая на ковер, мать, лежащая без сознания, которую Екатерина Ивановна пытается привести в чувство, испуганные лица прислуги, кричащий солдат...

Анастасия поняла, что опоздала – случилось то, чего боялся Кирилл Аркадиевич.

Как он был прав!

Дни казались нескончаемо длинными.

– Нам еще очень повезло – нас не расстреляли и не изнасиловали, и дом не подожгли, как у многих других состоятельных людей, – пыталась успокоить дочь Мария Ивановна. Страх за жизнь дочери придавал ей сил и мужества.

– Да, конечно, могло быть хуже. Но опасность-то сохраняется, – ответила Анастасия, заливаясь слезами. – Что мы будем делать? Неизвестно, что стало с нашими родными, знакомыми. Где Александр, Валентина, Наталья, их родители? А вдруг их убили?

– Прекрати, сейчас нам нужно просто выжить. Надо попытаться найти пищу. – Мать собрала все силы в кулак, понимая, какая опасность подстерегала их за каждым углом.

– Господи, неужели ты не видишь, что творится? Помогите нам! – продолжала Анастасия.

– Успокойся! Время расставит все по своим местам. «К счастью», им понадобился наш дом, а то и голову сунуть было бы некуда, просто замерзли бы где-нибудь на улице, и похоронить некому было бы...

На самом деле, в ее словах была правда – в их доме устроили какой-то «комитет», о том, чтобы хозяйкам жить там – не могло быть и речи. Даже

говорить об этом было бы просто смертельно опасно, и женщины, осознавая это, старались лишний раз даже на глаза «новым хозяевам» не попадаться.

Они приютились в небольшой комнатке для прислуги за домом.

Здесь было холодно. Отопление не работало. В окно между рамой и коробкой поддувал ветер. Холодный ветер, от которого знобило...

Холод внутри – от страха, от непонимания, от безысходности...

Но холод – это полбеды, а вот голод...

Первые дни одна из служанок, которую оставили в доме в качестве уборщицы, принесла кое-какую одежду, которую в прежние времена даже их прислуга не надела бы, две старые шерстяные шали, и они со слезами на глазах надели ее. Она же приносила по ночам немного еды – остатки со стола. Но это было возможно недолго – запасы хозяйского погреба быстро таяли, и потом продукты стали отпускать строго ограниченно, по карточкам.

Все это время женщины тщетно пытались найти занятие, которое могло бы их прокормить. И вот Анастасии пришлось пойти искать работу на ту самую фабрику, которая совсем недавно принадлежала ее семье.

Сначала ее даже близко не подпустили, но потом кто-то из рабочих узнал «добрую хозяйку», и Анастасию взяли в разнорабочие, потому как она не умела ни кроить, ни шить, ни, тем более, вести производство.

Приходилось вставать рано (в былые времена после балов они в это время только спать ложились). Работа была физически тяжелой. От непривычки все тело болело, а к вечеру она еле стояла на ногах, болела поясница и казалось, будто тысячи иголок впивались в ступни.

Но она переносила все тяготы молча, только молилась про себя, чтобы мать выжила в этих жутких условиях. Будучи человеком верующим, в особо трудные минуты она старалась как-то оправдать сложившуюся ситуацию:

– Наверное, Богу так угодно. Нужно просто пережить тяжелый момент. Все еще наладится.

Здесь у нее никого родных не было, кроме матери, которая никак не могла смириться со случившимся:

– Ничего, все еще вернется в свои рамки. Так же не может быть, это неправильно – все то, что складывалось, строилось веками, вот так взять и разрушить... Кирилл Аркадьевич тебя любит. Он нас так не оставит, придумает, как вызволить из этой беды.

– Да, мамочка, несомненно! Он, наверное, уже предпринимает меры, чтобы помочь нам, – отвечала Анастасия, а про себя думала: «Он и не представляет себе, что стряслось с нами. И почему я его не послушалась?»

Но потом она вспоминала, что Мария Ивановна в этой ситуации осталась бы одна, и благодарила Бога, что успела приехать. Ведь неизвестно, чем бы кончилась для ее матери эта история, не будь рядом дочери.

«Если бы он мог, наверное, уже сделал бы что-нибудь. Да и что он может, если нет никакой связи. И мы не можем выехать, мои попытки найти какой-то выход, выехать ни к чему не привели. Для такой попытки нужны приличные деньги, да и мама немолода, нездорова, она не выдержит такой опасной дороги», – думала она удрученно.

На фабрике к ней относились несколько снисходительно. Некоторые из рабочих, работавших при Кирилле Аркадьевиче, жалели Анастасию, пытались научить профессии, и она потихоньку входила в курс дела, через полгода стала ученицей швеи.

Жизнь как-то наладилась: рано утром на работу, в полдень – довольно скудный обед, поздно вечером – легкий ужин после которого наваливался сон, тяжелый, не дающий полного отдыха. Сил не хватало пообщаться с матерью. Одевалась она так же просто, как и окружавшие ее девушки. Постепенно появились друзья.

Через пять лет, когда привычка взяла свое, работать уже не было сложно, все делалось на «автомате». Прошлое ушло глубоко в подсознание. Теперь оно воспринималось как сладкий сон. А иногда казалось, что оно не могло быть таким, каким было. Даже сны с картинками красивой жизни перестали сниться.

Время залечивало раны, сделав ее душу глухой.

Тут и начал свои ухаживания Михаил, наладчик оборудования в цеху, где работала Анастасия. Он был молод, симпатичен, зарабатывал «на хлеб». Многие девушки с фабрики были бы счастливы связать свою судьбу с ним. Сначала Анастасия ухаживания Михаила не воспринимала всерьез, но потом это ей стало даже нравиться. Мать переживала за будущее дочери и тоже не стала противиться:

– Подумай, дочка. Я не вечная, с кем останешься, когда уйду? По всему видать, что ожидание перемен, возврата прошлого не имеет смысла. Нужно продолжать жить.

«Наверное, мама права. Связь с внешним миром полностью прервана. Да и нужна ли теперь Кириллу Аркадьевичу женщина, работающая на фабрике...» – думала Анастасия, вспоминая, как он относился к рабочим на этой самой фабрике.

Михаил настаивал, и Анастасия решилась.

Свадьба, если ее можно так назвать по понятиям их прошлой жизни, прошла довольно весело: выпили, много пели, кричали «горько», разошлись поздно, навеселе.

Они переехали к нему в двухкомнатную коммунальную квартиру.

Началась совместная жизнь.

Они мечтали о счастье. Но понимали и чувствовали они его совсем по-разному. Оказалось, что все не так просто.

Анастасия невольно все время сравнивала Михаила с Кириллом Аркадьевичем. Да, он был намного моложе, по-своему любил Анастасию, очень старался, но «прыгнуть выше головы» не мог: ему не хватало утонченности, чуткости, обходительности Кирилла Аркадьевича...

Радостного блеска в глазах, фейерверка чувств он не мог добиться.

Она была благодарна, но...

Вначале она старалась казаться счастливой, но муж чувствовал, что счастье это зыбкое, какое-то ненастоящее. Оттого что супруга прилагала большие усилия, старалась угодить, ему становилось еще тяжелее. Переделать ее он был не в силах, измениться сам, стать вторым Кириллом Аркадьевичем – тоже.

Шли месяцы, годы. Все чаще он стал прикладываться к водке, пытаясь залить горе, потом стал устраивать скандалы на пустом месте, а когда хотел особенно сильно задеть ее, вспоминал ее «буржуйское происхождение»:

– Конечно, где нам до такой принцессы. Тебе другой был нужен? Холеный? Белоручка? Да ты бы с ним с голоду сдохла...

Дело осложнялось тем, что у них не было детей.

– Даже ребенка родить не можешь, – ругался он, задевая самую болевую точку в ее душе.

Время шло. Всплески ревности к мужу, о котором уже восемь лет ничего не было известно, периоды запоев, потом на время – проблески осознания, извинения сменяли друг друга. В конце концов, и до рукоприкладства дело дошло.

Мать не могла выдержать свалившихся на нее несчастий и при очередном сердечном приступе не пришла в себя. После похорон горе как будто примирило супругов. Михаил некоторое время не пил, обращался с женой ласково. Но длилось это недолго. Жизнь казалась бесполезной, безрадостной.

Из оцепенения вывел неожиданно полученный Анастасией подарок – письмо от двоюродной сестры Валентины.

«Дорогая Настенька! Я так рада, что, наконец, нашла вас. Не могу сдерживать слез. Ты и Наталья – единственные мои родные люди здесь. Бедный Александр погиб в 1918 году. Мамы не стало два года назад, отца – через год после нее. Наталье с родителями удалось уехать, где они, живы ли – не знаю. Столько всего пережито, страшно подумать.

Как ты? Как Мария Ивановна? Надеюсь, вы живы-здоровы?!

Я с трудом приспособилась к жизни. Перебралась в Ростов, окончила медицинское училище, теперь работаю сестрой милосердия в больнице.

Я замужем. Владимир Петрович работает врачом в той же больнице, мы с ним здесь и познакомились.

Я счастлива.

Конечно, не сравнить нашу жизнь до... с тем, что имеем теперь, но у меня чувство, что прошлое не имеет ко мне никакого отношения – так оно далеко.

Я жду малыша.

Приезжайте в гости, а еще лучше – переезжайте сюда, все-таки рядом – легче. Мечтаю обнять тебя, родная моя!

Валентина».

Из глаз Анастасии катились слезы.

Ее озябшую душу наполнили тепло и тоска. Щемила боль за потерянных родственников. Но она ведь и не надеялась когда-нибудь увидеться хотя бы с кем-то из них. Перечитывая письмо заново, она улыбалась и плакала одновременно. В душе проснулся еле тлевший огонек надежды.

Когда в очередной раз муж вернулся пьяным и устроил скандал, Анастасия не выдержала. Она приняла решение.

Утром, молча накормив и отправив Михаила на работу, она собрала свою одежду в чемодан и, даже не обернувшись на комнату, бывшую для нее жилищем в течение стольких лет, вышла из дому.

Вечером, вернувшись с работы, Михаил не нашел супруги дома. На столе лежали два листа бумаги, первый – с запиской к нему:

«Михаил, так больше продолжаться не может. Очень жаль, что не сложилась наша совместная жизнь, но, тем не менее, я благодарна тебе за то, что ты был с нами рядом в тяжелые дни.

Ты еще сможешь найти себе подругу жизни, пусть она даст тебе то, чего не смогла дать я. От всей души желаю тебе счастья. Прощай!

Меня не ищи – все равно не вернусь, решение мое окончательное. Последняя просьба к тебе: отнеси, пожалуйста, заявление с просьбой об увольнении на фабрику. За документами я приеду позже, либо позвоню, чтобы прислали их по почте. Еще раз прощай!

Анастасия».

Михаил вспомнил, что Анастасия утром была не совсем обычной. В ней сквозила какая-то умиротворенность, что ли, уж слишком безразлично спокойным было лицо.

«Видимо, я слишком переборщил вчера. Может, слишком обидел – не помню. Что же я ей наговорил? Может, задел воспоминания о муже, а может, ее происхождение», – думал он.

Таксист довез ее по адресу в письме.

На звонок вышла беременная женщина, в которой она узнала сестру.

– Здравствуй, дорогая моя!

Та чуть не потеряла сознание, когда поняла, кто перед ней.

Они обнялись, смотрели в глаза друг другу, гладили по волосам, по щекам, как будто пытались лучше вспомнить друг друга.

Не обращая внимания на слезы, текущие из глаз, женщины приговаривали:

– Наконец, родная моя!

– Какое счастье!

– Неужели это ты?!

– Глазам не верю...

– Какими судьбами? А мама не приехала?

– Даже в мечтах не предполагала увидеться с тобой.

Наконец, когда немного успокоились, прошли в комнату, Валентина села напротив.

– Ну, рассказывай.

Анастасия рассказала о своей жизни, а в конце добавила:

– А я к вам навсегда, если не прогоните!

– О чем ты говоришь?! Я безумно рада!

Они сидели напротив друг друга и все говорили, говорили, то плакали, то улыбались, обнимались.

Вечером пришел Владимир Петрович.

– Наслышан, наслышан. Вы не представляете себе, как Валюша была счастлива, когда узнала Ваш адрес. Мы очень рады, – сказал он, знакомясь с ней.

Понимая, что сестрам есть о чем поговорить, что вспомнить, вскоре после ужина Владимир Петрович ушел к себе в кабинет.

– Ну, дорогие мои, вы тут поболтайте, а я, к сожалению, вынужден покинуть вас – много работы, – сказал он, уходя.

– Какой он чуткий, добрый! – сказала Анастасия, радуясь за свою сестру.

Долго просидели сестры в тот вечер. И смеялись, и плакали, и строили планы на будущее.

Анастасии выделили комнату, и она, впервые за долгие годы, почувствовала себя комфортно среди родных и близких по духу людей. Вскоре у Валентины родилась девочка, назвали ее – Адалина.

Анастасия стала помогать ухаживать за ребенком, а когда малышке исполнилось три года, устроилась на работу учителем в школе – в связи с введением обязательного образования в стране имелась острая нехватка преподавательских кадров.

Жизнь продолжалась. Были в ней и радости и горечи, это была жизнь совсем другая, новая их жизнь.

Анастасия оставалась интересной, красивой, стройной женщиной, и за ней часто ухаживали мужчины, но она не захотела еще раз испытывать судьбу. Замуж больше не стала выходить.

Адалина же была общей любимицей и скрашивала дни не только родителей, но, пожалуй, еще больше – Анастасии, которая относилась к девочке, как к своей дочери. Адалине нравилась профессия родителей, и она собиралась пойти по их стопам и поступить в медицинский институт, но нагрнул 1941 год.

И снова все перевернулось.

Война зловещим ураганом прошла по судьбам.

Воспитание, понятия о чести не позволяли сестрам и Владимиру Петровичу сидеть, безразлично ожидая, чем все кончится, когда враг пытался уничтожить мир вокруг.

Владимир Петрович остался работать врачом в госпитале – его не взяли на фронт по возрасту, хотя он неоднократно обращался в военкомат. Валентина и Анастасия тоже работали в госпитале. Работы было так много, что спать удавалось лишь по нескольку часов. Много раненых поступало с фронта. Вскоре их стало столько, что на отдых времени и сил не стало хватать.

Адалина помогала матери и тете в госпитале, потом окончила ускоренные курсы медицинских сестер и уехала на фронт.

Валентина и Анастасия очень переживали за нее, но задержать не могли.

Хрупкая городская девочка попала в самое пекло, в места боевых действий. Она видела столько страшных картин войны – кровь и боль, смерть, встречались на каждом шагу. Нужно было идти через страх, через боль.

Через пару недель она уже не думала о страхе, она только видела страдающего человека, жизнь которого во многом зависела теперь от нее, и шла под пулями, оглушающими взрывами бомб, оказывала помощь и выносила бойцов с поля боя. Откуда у нее брались силы выносить ребят, вес которых значительно превышал ее собственный, причем столько раз в день, понять трудно, но об этом никто и не задумывался.

Стоял холодный ноябрьский день. Шел ожесточенный бой за высоту. Место гористое. Адалина помогла раненному бойцу – перетянула бедро выше места ранения, перевязала рану на бедре и руке.

«Много крови потерял», – подумала она.

Парень потерял сознание.

Со словами: «Потерпи, дорогой, сейчас станет легче. Господи, помоги», она поднесла ватку с нашатырным спиртом.

Он открыл глаза и увидел, как над ним склонилась молодая девушка. Он видел только ее зеленые глаза, глядящие на него с таким состраданием.

«Она похожа на ангела», – подумал он.

– Ну, слава Богу, очнулся. Осколок попал в мягкие ткани, скоро поправишься! А теперь потерпи, пожалуйста, нам нужно спуститься ниже, чтобы тебя могли забрать в госпиталь, – сказала она.

– Я сам, – произнес парень но, к собственному удивлению, понял, что слова его звучат совсем неубедительно.

Ему стало неловко от того, что это юное создание пытается поднять его, помочь. Он попытался сам подняться, но острая боль и слабость не дали сделать этого.

– Как вас звать? – спросил он.

– Адалина.

– А я – Хамзет.

– Ты пока не разговаривай, нужно сохранять силы, помоги мне немного, – с помощью самого парня она приподняла его, взвалила на спину и стала медленно спускаться вниз к дороге, туда, где уже находились несколько раненых.

Через день подруга, которая сопровождала раненых в госпиталь, сказала Адалине:

– Парню-то ты понравилась, он просил тебя заглянуть к нему в палату, когда ты поедешь туда. Кстати, звать его Хамзет.

– Хорошо. Он нормально добрался? Честно говоря, я и не присмотрелась к нему, разве до того, когда вокруг творится такое?!

– Присмотришь, присмотришь. Он очень симпатичный.

Девушки рассмеялись.

Так они познакомились.

Судьба была благосклонна к ним – Адалина и Хамзет довоевали до последнего дня войны, встретились снова, живыми-здоровыми, приехали в Ростов.

Столько было радости у родных!

– Разве мы надеялись, что эта война закончится, и мы все живыми встретимся дома?!

– Какое это счастье!

– Слава Богу! ...

Они были счастливы. Это счастье нельзя было сравнить ни с чем.

Когда Хамзет попросил руки Адалины, родители благословили их.

– На вашу долю выпало тяжелое испытание – война, вы с честью его выдержали. Вы оба заслуживаете счастья. Благословляем вас.

– Пусть теперь ваша дальнейшая жизнь будет безоблачной. Берегите чувство, которое вам подарено – любовь. Не всем дается счастье испытать ее.

– Что бы ни случилось, помните, что это большой подарок. Любовь нужно беречь, питать благодарностью, терпением, вниманием друг к другу. Всегда помните об этом. Будьте счастливы!

На глазах Валентины и Анастасии блестели слезы.

Жизнь продолжалась.

Тяжело было залечивать раны, нанесенные войной, много друзей и знакомых не дождалось победы...

Приходилось много работать, но это было уже не в тягость.

Прошли еще годы.

С возрастом Анастасия все чаще вспоминала Кирилла Аркадьевича. Картины прошлого все яснее и все чаще всплывали в памяти. Она жила ими.

– Вот бы увидеться, хотя бы разок, – часто думала она.

Выезжать за границу, наладить какие-то связи было невозможно. Но однажды они все же встретились. Случилось это в конце шестидесятых годов, когда в стране отмечались большие перемены, был разоблачен культ личности Сталина, реабилитированы репрессированные народы, отдельные люди, незаконно репрессированные за годы Советской власти, несколько ослабло давление государства на общество.

Однажды незнакомый человек вручил в школе Анастасии Георгиевне запечатанное письмо без подписи:

«Здравствуйте, дорогая Анастасия Георгиевна! Я короткое время буду в Москве, очень хочется хотя бы в конце жизни увидеться с вами. Буду ждать в музее А. С. Пушкина 17 июня в 17 часов.

Всегда преданный Вам Кирилл Аркадьевич».

Слезы выступили на глазах у нее. «Он жив. Неужели в конце жизни мы все-таки увидимся? Как он выглядит? Узнает ли он меня?» – думала она, не в силах продолжить занятия с учениками.

Странные чувства боролись в душе Анастасии Георгиевны. Она была рада, что он жив, помнит ее, но в то же время беспокоило что-то, похожее на обиду за несложившуюся жизнь.

«Интересно, каким он стал. Сколько же ему лет?.. Восемьдесят два. Боже! Боже! Что делать? Поехать одна я не решусь, и не увидеть его, когда такая возможность предоставляется – тоже не могу».

Поехала с Адалиной Владимировной.

Собираясь на встречу, Анастасия вспомнила, как они с Марией Ивановной готовились на первую встречу с Кириллом Аркадьевичем на теплоходе. Она ощутила такой же прилив энергии, смутные предчувствия, ожидание чуда. Правда, они были так долго и так далеко друг от друга, что могли и вовсе не узнать друг друга при встрече.

В 17.00 Анастасия с Адалиной вошли в зал музея.

Неподалеку, у картины, стоял пожилой человек, худощавый, хорошего телосложения. Его взгляд был направлен на картину, но в позе читалось напряженное ожидание, волнение.

В памяти Анастасии всплыл, казалось бы, забытый образ – это его силуэт! И, неожиданно для себя, она громко вскрикнула:

– Кирилл?!

Мужчина резко обернулся. Он попытался направиться навстречу, но идти не смог. Ноги как будто налились свинцом.

Да, перед ним стояла его законная жена, с которой судьба так нелепо развела много лет назад.

Встреча состоялась.

Долго стояли они напротив друг друга, молча, глаза в глаза, ладонь в ладонь, вспоминая прошедшую жизнь. Наконец, он произнес тихим голосом:

– Дорогая! Вы так же прекрасны. Я так и представлял Вас!..

– Благодарю! Вы тоже изменились не так сильно.

Они долго стояли так.

Адалина с интересом разглядывала Кирилла Аркадиевича. Ему с трудом можно было дать лет семьдесят. Подтянутый, в строгом элегантном костюме, с седыми, аккуратно подстриженными волосами, казалось, он пришел из другого мира.

«А ведь мы могли с ним всю жизнь общаться. Представляю, какой интересной была его жизнь ...» – думала она.

Первой опомнилась Адалина.

– Пойдемте куда-нибудь. Здесь неудобно говорить. Музей посетите потом, – сказала она.

Да, им было о чем поговорить, и они прошли в ресторан неподалеку. Адалина под предлогом, что ей надо срочно встретиться с подругой, предложила:

– Я подойду сюда через пару часов, встретимся тут, хорошо?

– Хорошо, доченька, – ответила Анастасия Георгиевна.

И вот они сидели вдвоем, наедине, как когда-то, много лет назад, их глаза светились тем же светом нежности.

– Ну, рассказывай, как выжила. Я так долго пытался связаться с вами тогда, но ничего поделать не смог.

Она рассказывала, и его глаза наполнялись слезами, он украдкой пытался смахнуть их.

Он тоже рассказал о своей жизни, но очень коротко:

– Мне, собственно, и рассказывать особенно не о чем. Наш дом ты помнишь. Я долго надеялся, что произойдет чудо, и я найду вас, привезу домой. Через пять лет женился на хорошей девушке. Я благодарен ей, она родила мне двух сыновей и дочь, теперь они сами родители. Мои внуки взрослые.

Но я никогда не забывал вас. Конечно, у меня возраст такой, что в моих устах эти слова могут прозвучать нелепо, но я хочу предложить: поехали со мной. Дети и внуки знают о нас, да и покойная жена все знала. Тебя не обидят. Поехали.

– Ну, что ты? Во-первых – это невозможно, никто меня отсюда не выпустит, но даже если мы придумаем, как это организовать, мои родные попадут в немилость. А я бы этого никак не хотела. И самое главное – ты забываешь, сколько мне лет...

– Возраст не преграда. Как организовать – я уже продумал. Ты только решишь.

– Нет, мой дорогой. Я и так благодарна Всевышнему, что мы смогли хотя бы так встретиться. Спасибо за приглашение.

– Я боялся услышать это. Но прошу подумать. Я здесь пробуду еще неделю.

Неделю эту они виделись каждый день, посещали театр, музеи, просто гуляли по городу, вспоминали совместную жизнь, прошлое. Казалось, что воспоминания юности придавали им силы, только вернувшись вечером в гостиницу и бессильно упав на кресло, Анастасия Георгиевна понимала, как она устала. Но наутро опять спешила на свидание.

Неделя пролетела очень быстро.

И вот аэропорт, они стоят напротив друг друга. Она не изменила своего решения.

– Спасибо за праздник, который ты мне подарила, – с грустью сказал он. – Может, когда-нибудь еще встретимся.

– Мне показалось, что мы никогда и не расставались. Спасибо, – ответила она.

И больше слов не было нужно. Да и что они могли еще сказать, что могли пообещать?

Только чистые воспоминания молодости соединяли их сердца. Они были их прошлым, настоящим и будущим.

В 1962 году к нам по соседству переехала семья: отец – Хамзет, мать – Адалина, бабушка – Анастасия Георгиевна (мы ее позже стали называть баба Нюся), трое детей.

Дядя Хамзет родился в Карачаевске, потерял родителей маленьким мальчиком, воспитывался и жил до войны у родственников в Карагаче. Там он и был призван в ряды вооруженных сил. После войны остался жить в Ростове, но с возрастом ностальгия стала настолько острой, что они всей семьей перебрались из Ростова сюда, на Кавказ.

Наши семьи очень подружились.

Дядя Хамзет работал на заводе; спокойный, мудрый, добрый, он легко нашел общий язык с соседями.

Тетя Ада устроилась медсестрой в больницу. Она умела лечить травами, сама собирала их с учетом времени года, времени суток, фаз луны...

Многие приходили к ней со своими проблемами, и она помогала им и словом и делом.

Я хорошо запомнила бабушку.

Своих родных бабушек мы не знали – они умерли в ссылке еще до моего рождения, поэтому баба Нюся и для нас стала «бабушкой». Несмотря на возраст она всегда была подвижной, с легкостью выполняла домашнюю работу, ухаживала за внучатыми племянниками. Я запомнила ее внутренне спокойной, доброй, с ласковым тихим голосом. От нее веяло мудростью и умиротворением. И тетя Ада, и баба Нюся очень привязались к нашей маме, часто общались, вместе отмечали праздники... А еще бабушка вкусно готовила. Я никогда не пробовала ничего вкуснее ее пирожков и красного наваристого борща. Пирожки бабушки просто таяли во рту, были очень вкусными, независимо от начинки.

Мы так любили ее стряпню, что мама иногда пользовалась этим, например, если мы, дети, заигравшись, не хотели идти обедать, мама говорила:

– Дети, идите, бабушка вам что-то принесла!

Второй раз повторять не было необходимости. Мы все бросали и бежали попробовать вкуснятину, споря, чем на этот раз баба Нюся умудрилась угостить нас. Гораздо позже мы узнали, что это была мамина хитрость – ведь чаще всего еду готовила она сама.

И еще, много лет мы прожили рядом, не подозревая, что пирожки и булочки для нас пекла бывшая жена богатого фабриканта, и неизвестно, где и как бы она жила, если бы успела вернуться к мужу в тот далекий день.

Людмила ГУЩИНА**БИРЮЗОВОЕ СОЛНЦЕ**

Я стояла у окна, замороженная сиянием Солнца. Оно было бирюзовым и выпуклым, словно на Солнце лежал снег. И я видела, что оно мне подает сигналы. Солнце билось, словно сердце. Я подобного еще ни разу не видела! Я неотрывно смотрела на Бога РА, и мне не хотелось уходить домой. Эта картина мне запомнилась навсегда. И я иногда смотрю на Солнце, думая, что еще раз увижу его бирюзовым в заснеженной шапке. Но, увы! Я вижу его обычно огненным шаром, а иногда звездой. Я люблю его красотой. И жду, что Солнце покажет себя в другом цвете и изменит форму своего круга. Это интересно. Как, наверное, интересно узнать, сколько километров до Солнца? Я открою этот секрет: 1 700 000 км от Земли до Бога РА. Далеко. А кажется, что совсем рядом, рукой подать – и уже на Солнце!

Я люблю его СВЕТ, ТЕПЛО, и без него мне холодно и одиноко. И я машу ему рукой, чтобы Солнце мне тоже ответило импульсом сердца. И оно бьется в одном ритме с моим сердцем. Я думаю, что мы, люди, – дети Солнца. У нас температура тела +36,7°, как утверждают ученые, установлена Солнцем, Богом РА. И что мы в Небе – звезды. Когда я смотрю на ночное Небо, то звезды мне сияют и Луна, окутанная аурой света, дает мне понять, что она видит меня, и становится еще полнее и ярче. Все знают, что она спутница Земли и спутница Солнца. А сколько километров до Луны? Я знаю и открою секрет вам – 360 000 км! Луна совсем рядом! Звезды видят нас и охраняют наш покой, как солдаты на посту. Они охраняют нас ночью с Королевой звезд – Луной. А Солнце делает нас счастливыми и согревает своим теплом. Бирюзовое Солнце! Я хочу тебя еще раз увидеть в сиянии бирюзового света! Я прошу тебя: покажись снова в ауре заснеженной новогодней шапки! Мне хочется ему об этом сказать, но... я волнуюсь и думаю, вдруг оно не услышит меня? Хотя точно я знаю, что нас, людей, Небо видит и все о нас знает Бог РА, спутники Земли, все звезды.

Мы напрямую нитями связаны с каждым лучиком Солнца, с каждым лучиком Луны.

И мы всегда – в сиянии звезд! В новый год мы открываем Волшебные секреты: есть ли жизнь на РАЕ? И отвечаем всем, кто еще не знает: ЕСТЬ. Земля находится на третьем уровне. А высокое Небо – на седьмом!

Поэтому в Новый Год надо смотреть в Высокое Небо и говорить: «С Новым Годом, друзья! С новым счастьем, спутники Земли! – Солнце – Бог РА и Луна – Королева звезд!» И вы увидите, как они Вам просияют, ответят, на Ваши предложения, если Вы им скажете: «Прилетайте к нам на Новый Год! Прямо сейчас!» И вы увидите, как просияет Луна, все звезды будут мигать сиреневым цветом!

Они оденут в сиреневый цвет деревья и снег, все небо будет сиреневым! А утром на облаках будет розовый туман, вместе с синевою!

Это Высокое Небо Вас так приветствует в День Нового Года! С Njes Yates! – друзья!

– С Новым Годом! – поздравляют и они в ответ от Вас.

Это чудо будет долго-долго в Вашей памяти и сохранится в Сердце навсегда!

Абубакир ЖЕМУХОВ

ПЕЧАЛЬ

Рассказ

В последнее время Мажида стали одолевать тягостные думы. Старость, подобно непрошеному гостю, настойчиво стучала в железные ворота. В его возрасте было уже стыдно не понимать, что жизнь на этой земле временна. Конечно, он это понимал, это и печалило его.

Случись что с ним, у старика достаточно денег, припасенных на черный день, и родственников, чтобы похоронить его, как полагается по обычаю. Пять дочерей, все замужем, живут самостоятельно и все у них благополучно – повезло с зятьями Мажиду, нечего переживать за своих чад. Однако в сердце как будто колючка сидит, не дает покоя ни днем, ни ночью.

Долгие годы прожил он со своей супругой Зейнаб в мире и согласии, на зависть всем недоброжелателям, одно обидно – Всевышний не дал им сына. Когда Мажида не станет, кто будет носить его фамилию – Пагов?

И – будь оно неладно! – сам тоже рос один, без братьев. И все пятеро детей – девчонки. Из-за чего он впал в немилость Богу? Много раз Мажид мысленно задавал себе этот тяжелый вопрос.

И как быстро летит время ...

Что же теперь, с большим опозданием, жалеть о содеянном... Поздно уже, поздно. Наверное, сейчас, уже повзрослев, он сам зарабатывает себе на хлеб, тот, к кому когда-то Мажид повернулся спиной, – его единственный, его родной сын! Эх, если бы можно было повернуть время вспять! Даже если он и придет сегодня в станицу на правобережье Дона, и отыщет сына, – что он, Мажид Пагов, может ему сказать. Неловко помолчит, и только. Он же его ни разу по-отцовски не погладил по голове, не сказал доброго слова, не помог в жизни ничем... И как такое мог допустить Мажид?..

Еще с детства он прикипел к технике, особенно к автомобилям. Вернулся из армии Зейтун, их сосед, устроился на работу, получил старенький «газон». Мажид постоянно крутился рядом, помогал, когда сосед ремонтировал свою машину, чтобы хоть немного проехать по проселочной дороге. Особенно везло ему во время уборки силоса. И Мажид, и другие соседские ребята шли в помощники к шоферам, мечтая лишь об одном – что им будет позволено порулить самостоятельно.

Еще тогда Мажид твердо решил стать водителем, и стал им, и проработал в этой профессии до самой пенсии без особых аварий.

Жаль, самый близкий друг рано оставил этот мир: бедный Бекан был первым советчиком Мажида. Он бы подсказал выход и теперь, помог бы разобраться с разноречивыми мыслями, одолевающими его в последнее время. Бекан не отказался бы поехать с ним в те места, где они вместе работали в молодости, убирали большой хлеб.

Это было в Сальских степях, куда друзей направили в горячую пору страды, это были как раз те места, где во время Великой Отечественной героически сражались сыны Кабардино-Балкарии, разделив трагическую судьбу 115-й кавдивизии. Там еще были живы очевидцы былых сражений, и во многом благодаря этому местное население очень тепло относилось к парням из Нальчика, прикомандированным на уборку урожая.

Тогда-то все и началось. Приехал однажды Мажид с зерном на ток, лихо вырулил к весам... здесь и заметил девушку, которая вела какие-то записи. Одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть в ней всю прелесть южной красоты, более того – случись эта встреча дома, Мажид и секунды не сомневался бы, что перед ним черкешенка. Черные глаза и волосы, а кожа белая-белая, как вечные снега Эльбруса. Еще он обратил внимание на то, как вела себя девушка, с каким достоинством держалась – не стреляла глазами по сторонам, не улыбалась всем подряд, и говорила спокойно, не повышая голоса. «О Аллах, – подумал Мажид, – настоящая кабардинская невеста!»

С этого самого дня он старался заезжать сюда чаще, чтобы только увидеть Валю, а если повезет – перемолвиться с девушкой словом-другим, сказать что-нибудь приятное. Как ни старались другие ребята, но за все время командировки, ни в шутку, ни всерьез, никто из них не смог уговорить ее проехаться в кабине, рядом с водителем. Даже если она опаздывала, или надо было ехать наверх на элеватор, или еще куда-либо, она дождалась Мажида...

Дело шло к осени, уборочная закончилась, Мажид и его товарищи собирались домой, в Нальчик. Родители Мажида к тому времени, рассудив, что сын уже вполне самостоятельный, имеет хорошую работу, да и возраст подошел, – подумывали о его женитьбе, о том, что им пора бы и внуков нянчить. Но для Мажида такой поворот был неожиданностью, ведь перед отъездом, прощаясь с Валей, он клятвенно обещал, что не позже чем через месяц приедет за ней и заберет к себе домой.

«Наш сын сейчас в командировке – на уборке урожая в Ростовской области, как приедет, женим на вашей дочери», – заранее оповестили родителей Зейнаб. Был бы у него брат, Мажид мог бы и поупрямиться, но он был единственным сыном, и мать с отцом в нем души не чаяли, и им в доме нужна была помощница, и много еще причин, из-за которых он не решился сказать «нет».

Пришлось ему тогда во всем сознаться Бекану, рассказать о своих отношениях с Валей. «Здесь ты должен принять решение сам, – ответил друг. – Если не можешь оставить родителей, напиши обо всем Вале. Будет лучше, если твоя девушка узнает правду, какой бы горькой она ни была. Зачем заставлять ждать, напрасно надеяться, страдать...»

Отец Мажида был человеком глубоко религиозным, много времени проводил в молитвах, его часто можно было видеть с Кораном в руках. Его бы хватил удар, узнай он, что сын намерен связать свою жизнь с иноверкой. Конечно, Мажид предполагал недовольство родителей и кое-что прикидывал, чтобы отношение с любимой имели доброе продолжение. Если бы не эта поспешность с женитьбой, он бы привез Валю сюда, в городе временно снял бы квартиру, а дальше – потихоньку-полегоньку и

открыть родным свою сердечную тайну. Теперь выбора не было, и времени на раздумья тоже – надо принимать решение!

Тяжело было писать это письмо, но не писать – еще хуже.

«... Так, как в тебя, я еще никогда в жизни не влюблялся, поверь мне, Валя. Но, знаешь, когда я вернулся из командировки домой, произошло то-то и то-то...»

Мажид прекрасно понимал: все, что он пишет, – пустая болтовня, «сказка про белого бычка», а положение очень серьезное. Валя ждет ребенка, девочку или мальчика, сейчас не это главное. Главное, что Мажид был первым мужчиной в ее жизни и он отец ее будущего ребенка. Его письмо – это отписка, жалкие увертки, попытки зажмурить глаза, чтобы не видеть неприятных последствий, причиной которых был он. Мажид с болью в сердце представлял, в какое состояние придет Валя, прочитав его письмо. Если бы она была девушкой легкого поведения, все было бы куда проще, все бы разрешилось само собой. Бедная, ведь она от души полюбила Мажида, гордилась его горской статью. Сравнивала со знаменитым киноактером, игравшим Григория в фильме «Тихий Дон». Хорошо же он с ней обошелся!

После того как Мажид, подчиняясь воле родителей, женился на Зейнаб, он не то что в соседнюю область, вообще не выезжал в продолжительные командировки. Но всех же не привяжешь. Друзья Мажида и потом бывали в тех местах, на берегах широкого Дона. Приезжали, бывало, выгодно прикупить живности для хозяйства. Они-то и рассказали, что видели Валу, и не одну, а с маленьким мальчиком, – копией Пагова Мажида. Молодая мама, как добавили друзья, окликнула сына именем «Гриша». Мажид знал, что она назвала его так в память о нем, заезжем «артисте».

Теперь вот с каждым днем все тягостнее у него на душе. Всякие думы лезут в поседевшую голову. А что думать, если решения все равно нет. Бросил на произвол судьбы единственного сына, который мог стать его наследником. Не достучаться до него теперь, да и как это вообще возможно? Поздно. Видно, на нем, на Мажиде, и закончится известный, уважаемый в Кабарде род Паговых. В их роду никогда не было таких, кто поступался законами чести, долгом перед родной землей. Останется, конечно, человек, в чьих жилах будет течь кровь доброго кабардинского рода, но это слабое утешение для Мажида. Когда подобные мысли приходили в голову, он готов был грызть зубами сырую землю. Дон, тихий Дон, как ты близок и как ты далек для него.

С уходом на пенсию и приближением старости Мажид еще больше стал похож на отца, и не только внешне, но и в привычках, поступках. Как раньше и отец, он не пропускает в течение дня ни одного намаза. Все время повторяет аяты и ходит с четками, что-то нашептывая про себя. Сидя на коврике, завершив намаз и обратив лицо в сторону Каабы, он никогда не забывает попросить Всевышнего о здоровье и долгой жизни для своего единственного сына Григория. Без воли Аллаха даже волос с человека не упадет. А если и попутал Иблис в молодости Мажида, неужели после того как он все осознал, Бог его не услышит? Да и кому обо всем этом расскажешь?!

Элиза КУРКАЕВА**ДУША И ОСЕНЬ***Рассказ*

Осень. Его любимая пора, в самых жестких ее проявлениях, когда льет ливень, бьет град, небо становится ближе из-за обилия туч. Природа печальна и будто пытается донести свою печаль до беспечных обитателей грешной земли.

И в этот раз Денис просил у неба дождя. При всем желании он никак не мог настичнуть его. И будто волей Провидения дождь переставал лить, когда Денис выходил на улицу, чтобы насладиться им. И хотя все эти дни небо было усеяно тучами, готовыми разлиться в свирепом ливне, оно было безответно.

За что он так любил осень? Что привлекало его в унылых картинах осенней непогоды? Быть может, ответы крылись в его душе, столь схожей с ней. Осень, с сопутствующими ей дождями, туманами, холодными лучами клонящегося к закату пылающего солнца, красящего тучи в огненно-красный цвет, и порывами ледящего ветра, перегоняющего по городу осиротевшую листву, отражалась в его душе. Так же душа Дениса, которой были как никому более близки тягостные думы и бесконечные размышления, уподоблялась уголочку вечной осени, где он либо скитался в туманных сомнениях, вдруг обнаружив себя во власти прозрачной пелены, застелившей глаза; либо ощущая себя свободным, вольным воплощаться в порывы холодного ветра, кружить в осеннем вальсе стаи опавших листьев, подниматься в просторы хмурого неба и играть, заблудившись в кронах городских тополей. Главным, что связывало Дениса с настроениями осени, была грусть. Бродя по городу в тихом одиночестве, Денис мысленно отображал эти два понятия – душа и осень, возможность их взаимосвязи и воплощения друг в друге.

Но были и другие вопросы, все больше занимающие его мысли, но за неимением ответов заставляющие его страдать. Денис думал о своей жизни, кем-то для чего-то данной ему, о бренном бытии, которое он влачит в будущее, не зная конца и края: «Зачем я живу? Для чего предназначен каждый мой шаг, сделанный в неизвестное? Или люди беспечны с рождения, должны жить вслепую, пока время не отнимет эту жизнь?! А что потом?». Оставалось только смириться с участью непосвященного в тайны Вселенной, но Денис нуждался в ответах, отсутствие которых с каждым днем все настойчивей вело его в тупик.

...Григорий Константиныч протянул дневник Денису и с удовольствием улыбнулся.

Учитель души не чаял в новом, чудаковато молчаливом ученике. За последний месяц одноклассники, до этого пытавшиеся докопаться до тихого соседа, привыкли к его уединенности и прекратили донимать Дениса. Теперь он мог чувствовать себя свободнее, раскованней (нелегко расслабиться под всеобщими взглядами).

Оставаясь недоступным на последней парте, он и не пытался заводить друзей. Иногда он отвечал по теме, когда учитель вспоминал, что в журнале ему недостает нескольких оценок. Денис не отставал, но и не преуспевал в учебе из-за низкой активности, хотя по истории у него были отличные оценки, из-за чего Григорий Константиныч так любил его. Денис никогда не тянулся с рукой, чтобы ответить, но всегда знал предмет, когда учитель его о чем-то спрашивал.

Многих учителей замкнутость Дениса настораживала, но не особо тревожила, с легким намеком: «Чем бы дитя ни тешилось». Так, чередой безынтересных событий проходили дни...

Иногда, сидя в суе и беспокойстве класса, наполненного шумом голосов его одноклассников, он будто оставался один, и шум ребят, и голос Григория Константиныча уходили из его сознания. Денис оставался наедине с собой. Снова в голове мелькали тяжелые мысли, но он не хотел от них избавляться; не хотел, чтобы они его покидали, ведь он жил ими. Он был счастлив в своем одиночестве, в своих думах, и ничто не могло заставить его отказаться от этого.

И вдруг... в «пустом» классе на третьей парте Денис увидел девушку с зеленовато-карими глазами, что-то чертливую в тетради, иногда поднимая взгляд на доску. Одноклассницу с третьей парты звали Лена. Больше никого Денис вокруг не видел. Но почему? Что способствовало ее вторжению? Денис понял, что знает ответ, но боится осознать его, ведь это так на него не похоже, так не свойственно ему.

Денис наблюдал за ней. Лена этого не замечала. Ее белые тонкие пальцы, ловко удерживая ручку, неслись по белому полотну бумаги. Взгляд следовал за рукой. По затуманенным глазам было видно, что сейчас она углубилась в сухой мир чертежей и схем военных нападений, с усердием начерченных Григорием Константинычем на доске, пытаясь как-то связать и понять эти новые для ее ума вещи. Но и сейчас ее напряженно мыслящее лицо отражало детское тепло и простоту.

Забыв обо всем, Денис смотрел, следил за каждым движением ее руки, подобно датчику движения, наблюдая каждое изменение ее взгляда, который, то устремлялся на доску, то опускался на тетрадь перед ней. Денис смотрел и не знал, что думать. Не знал, почему он вдруг увидел именно ее, одну из десятка таких же, как она, нарушив тем самым свое одиночество, изо дня в день перешедшее в хроническое. До сих пор никому не удавалось пробить брешь в его собственноручном заточении, ограждении от всех, в его уединении. Как настороженный зверь, почувствовавший угрозу, он вслушивался в нее, пытаясь угадать, не представляет ли для него этот вторженец какой-либо угрозы. И в то же время не мог отдать отчета в своей симпатии к «одной из многих», к девушке с теплым детским взглядом. А ведь он не знал о ней ничего, кроме имени – Лена.

«Лена», – прошептал он в мыслях, и от этого внутри что-то зашевелилось. Денис не понял этого чувства, и вскоре моментально забыл о нем, заметив изменение ее лица. Он до смерти боялся, что она может обернуться и поймать его взгляд, а он не смог бы отвести его. Он смотрел и ни о чем не думал, голова была пуста, а глаза, не слушаясь разума, смотрели на нее.

Но она не обернулась. Выражение ее лица из напряженного внимания переменилось в недоумение. Лена подняла руку и...

– Григорий Константиныч, объясните еще раз этот чертеж...

Вдруг сознание Дениса вернулось в исходное положение: он сидел на последней парте, в классе, до отказа наполненном подростками – его одноклассниками, каждый из которых пытался перекричать другого в ходе учебного спора. У доски стоял Григорий Константиныч:

– Колчаков, ты сегодня дашь мне спокойно провести урок?

Колчаков, недовольно покосившись от неожиданного замечания, молча пригнулся: его отвлекли от весьма интересного разговора с соседом с первой парты.

Григорий Константиныч принялся объяснять Лене чертеж.

Дениса снова накрыли суета и непокой. Но из головы не уходило воспоминание, когда он невольно следил за Леной. И от него ему становилось тепло, где-то внутри, в душе. Привыкший анализировать свой ум и чувства, раскладывать по полочкам все детали, Денис быстро сообразил, что испытывает к Лене искреннюю симпатию... и даже больше.

Денис почувствовал в себе это новое чувство и был рад ему, снова и снова поддаваясь мыслям о Лене. Перед глазами стояли ее карие глаза с зеленоватым оттенком, и тот взгляд – чистый, теплый взгляд, который он встретил, впервые переступив порог этого класса. Тогда это были смутные чувства – всего лишь удивление, какое бывает у моряка, бороздящего на маленьком плоту нескончаемый и холодный океан, стремящийся поглотить его в свои пучины, при виде маленького острова на горизонте, где его ждут солнце, уют и покой. Теперь же удивление стало рассеиваться, а на его место пришла теплота.

После уроков Денис двинулся по излюбленному маршруту, через пустырь. Каждый день техничка, вечно болтавшаяся с ведром у парадной двери, наблюдала, как странный, несколько чудаковатый ученик, едва ли походящий на старшеклассника, направлялся к задней ограде школы. С первого взгляда можно было подумать, что путь этот ведет к тупику, ведь ограда сливалась с поперечной стеной, но парень исчезал в конце ограды. Очевидно, ему удавалось пролезть через узкую щель между стеной и оградой.

Эта узкая щель была дверцей в другое измерение, иначе и быть не могло. За ней Денису открывался вид грязного пустыря, безжизненных черных деревьев, раскинувших уродливые крючковатые ветви во все стороны, грязных, вечно пополняемых каждодневными ночными осадками луж и канав. Именно таким было пространство, разделявшее его дом и школу – заброшенное, забытое, омертвевшее.

У Дениса была схема, как безопасно для обуви избежать луж и канав. За время учебы в новой школе маршрут определился в деталях и теперь представлял собой узкую извилистую тропу.

По дороге он замыкался в себе, охваченный мыслями, чувствами, обдумыванием всего, что происходило с ним; всего, что он видел, слышал. Вокруг него смыкалась непроницаемая сфера, огораживающая от всего окружающего, по дороге он ничего не видел вокруг. Бывали случаи, когда он не замечал знакомых на улице и проходил мимо; незамеченные лишь поводили взглядами в недоумении. Со стороны все видели бледного парня, неохотно плетущегося к конечной цели, уткнув взгляд в безвоздушное пространство перед собой. Никто не додумывался посмотреть ему в глаза. А в них было что-то неведомое, вне всякого понимания и потому ужасающее своей неиз-

вестностью. Денис и не знал, что может вызывать в окружающих подобные чувства, ему было неинтересно, неважно их отношение к нему. Лишь недавно его начали доносить мысли о том, как же к нему относится Лена.

Знает ли она, что он так в нее влюблен. Вдруг ему представилось, что она его ненавидит и не желает иметь с ним ничего общего. От собственной мысли Дениса передернуло и на минуту лицо отразило пытку. Лучше бы эта мысль не задевала его грезы, но это уже случилось. Он быстро отмахнулся от дурных самовнушений, но сомнение уже оставило свой осадок в душе, и как большинство влюбленных, Денис задался томительным вопросом: «А что если?..»

Ограничиваясь походами в школу и скудным общением с одноклассниками, Денис лишь мирился с некоторыми недостатками действительности. Теперь же у него появилась причина преодолевать эти препятствия, причиной была Лена. И просыпаясь поутру, задаваясь каждодневным вопросом: «А стоит ли идти в школу?», он отвечал: «Да, ведь там я увижу ее!», хотя раньше ему приходилось убеждать себя, что школа обязательна, хочет он этого или нет. Уроки больше не превращались в долгие часы забытья и скуки, дорога домой не представляла собой пытку под грузом собственных мыслей.

Денис даже забыл о дожде. Иногда вспоминая о своей мечте, он снова уходил в себя, но когда перед глазами всплывал образ Лены, он забывал о своей грусти. Он шел по дороге домой и понимал, что обыденный порядок вещей в нем меняется, происходит перемена у него внутри, будто кто-то вложил тепло, искру, огонь в его сердце, а он только осознавал это, все еще привыкая к этому теплу.

Проснувшись утром на час раньше, чем будильник должен был разбудить его, Денис оделся и позавтракал, что научился делать автоматически каждое утро с начала учебного года.

Времени оставалось вдоволь. Денис немного посидел за кухонным столом, пытаясь больше протянуть время за кружкой чая, но стрелки часов на противоположной стене будто застыли. Еще немного, в полном школьном обмундировании, полежал на заправленной кровати, поглядывая на потолок, потом, когда это бессмысленное действие ему надоело, Денис, в поисках новых занятий, вышел на балкон.

Солнце еще не взошло, но слабые проблески зари освещали серое небо. Ветер налетал порывами. Холод вмиг пронизал его плоть, но Денис закрыл за собой дверь и, опершись рукой о холодные железные перила, тоскливым взглядом окинул улицу. В лужах дождя отражалось хмурое небо и темные стены домов. Ветер гонял клочок бумажного пакета, время от времени издававший звук трения о мокрый асфальт. Когда ветер утихал и бумажный сверток приходил в бездействие, тишина резала слух. Из окна с нижнего этажа доносился запах вкусной выпечки, призывающий к домашнему уюту, к теплу, в противовес осенней стуже, но Денис неподвижно стоял и смотрел на улицу. Она была пустынна. Будто все ушли из этих краев, боясь лицом к лицу встретить эту пустоту, боясь ощутить пустоту в своих сердцах и душах, глядя на пустынные серые улицы.

Послышался шорох. На углу, возле контейнера с мусором, возилась мышь, пытаясь высвободиться от целлофана, в котором застряла ее задняя лапка. После некоторых попыток ей это удалось. Она пристроилась в щели между контейнером и стеной и, обхватив обеими лапками кусочек заплесневелого хлеба, принялась его грызть. Денис пустыми глазами наблюдал за мышью, без единой мысли в голове, не зная – сочувствовать ли этому свободному, самодостаточному, довольному своей долей, и потому поистине счастливому в своем неведении существу, которое проживет жизнь в окрестностях этой пустынной улицы и мусорного контейнера, не коснувшись того мира, к которому принадлежал Денис.

После очередного порыва ветра послышалось шуршанье, производимое трением бумаги об асфальт.

«Однажды такой же ветер, что носит по улице этот бумажный пакет, коснется моего праха и от нечего делать спросит у тучи: “Кому он принадлежал?” Туча ответит: “А никому. Такие, как тот, кому он принадлежал, рождались тысячами и так же, как он, обращались в прах”. Ветер еще раз спросит: “А кроме этого праха, он что-нибудь оставил после себя?” – “Нет. Как видишь, нет”. Вот моя трагедия. Если бы можно было жить вечно, беспокоиться было бы не о чем. А что у меня есть, кроме моей телесной конституции, которую ожидает тление».

Денис вернулся в комнату, автоматически взглянув на часы, он поймал себя на том, что небольшая прогулка на балконе заняла целый час. Захватив папку с тетрадами, он поспешил в школу.

До начала занятий оставалось полчаса. Рой безбашенной детворы, сходящейся со всех сторон, оккупируя школу, появлялся только за десять минут до начала занятий, а избежать столкновения казалось возможным, только если выходить из дому немногим ранее. Вот и сейчас улица была одинока и печальна, еще не проснувшаяся от первых лучей тусклого осеннего солнца. Воздух казался застывшим, а Денис был вторженцем, но природа не замечала его присутствия.

Денис смотрел на эти улицы, переходы и переулки, любовался их унынием и знал, что через несколько минут их накроет кричащая, вопящая волна местной детворы. А он будет уже далеко, сидеть в пустом классе и ждать, когда, наконец, появятся его одноклассники и учитель.

Все общение его с классом ограничивалось приветствием, и то лишь в тех случаях, когда к нему обращались. Возможно, такая замкнутость некоторым из его сверстников могла показаться враждебной, но Денис не испытывал к ним никаких чувств. Он их не замечал.

Денис жил в своем мире, мир реальный проникал в него гнетущими мыслями. Человек разумный, опытный, изведавший все горести, печали и невзгоды, возможно и приносивший не замечать нюансы бытия: защищать свой внутренний, навсегда поработанный, наглухо изолированный от проникновения чужеродной энергии мир: отталкивать, не допускать элементы вне понимания; навсегда отрешиться от «второй стороны медали», выставив свой фронт на защиту единственно возможной правды, так и не расширив свои взгляды, ведь мир их не допускает другой правды. Когда же допускает, эти правды опровергают друг друга, и сеют массу сомнений в слабой человеческой душе. Стоит только найти камень преткновения и взаимодополнить правды так, чтобы они совершенствовались друг друга.

Подобные чувства бродили в душе Дениса. Мир внутренний и реальный дополняли друг друга. Денис видел это сходство в природе, в безмолвных настроениях осени каждый день. И он был счастлив. Но эти же миры рождали в нем сомнение, душевную смуту, мысли, двойственные чувства и мрак – неизбежный, всеобъемлющий.

Денис сидел за последней партой в пустом классе и тоскливо смотрел на чистый лист тетради перед собой. Он ждал, когда же часы пробьют восемь часов и класс заполнится толпой ребят. И в то же время хотел растянуть эти моменты своего одиночества и уединения, когда беспокойный класс и предстоящий скучный урок алгебры существовали только в несбыточном сне, а он сейчас проснется после продолжительного кошмара в другой жизни.

Иногда Денис мечтал, чтобы все человечество на земле исчезло, просто испарилось, и остался бы он один, но не заметил бы столь существенных перемен. Вышел бы на улицу, а там машины в пробках, но без водителей; в маленьких кафешках с огромными витринами на весь фасад на столах дымятся кофе, недопитый чай, недавно кем-то заказанный суп; прилавки в магазинах пустые, без продавцов, а Денис все ходит по городу и не может понять, что же изменилось. Он и раньше не замечал людей, которые так и стремились надавить на него всепоглощающей системой, а тут вдруг что-то изменилось – давление исчезло, и он свободен делать все, что вздумается, поднять глаза и увидеть голубое чистое небо и почувствовать себя свободным. Один во всем мире.

Дениса не заботило одиночество, он всегда стремился к нему. Но сам при этом не осознавал, что обречен на вечное одиночество, не осознанное, а навязанное его нелюдимостью и судьбой. Возможно, это и была навязчивая мысль, так донимающая его изо дня в день, которую он мог вечно изливать в свой дневник – священный предмет, хранитель частицы его души.

В нем бурлила буря, а источник ее был неизвестен. Мысли, чувства, непогода? Нет. Одиночество! Его тень, вечно следовавшая за ним по пятам. В моменты грусти оно обволакивало все его бытие, каждую частицу его чувства, проникало в мысли и сеяло ересь, смуту, тревогу и печаль.

В класс входили и выходили, начались какие-то разговоры. Но его не было здесь, и он не мог видеть, что Карасев и Прохин – его одноклассники, отчаянно хлопчут об алгебре, которая у них будет первым уроком; что Дюжина, Иванова и Сидихина сидят за первой партой и весело разговаривают о моде, окружив себя десятком глянцевого журналов; что Дубов, только что вошедший в класс, уселся за свое место в дальнем углу, где его никоим образом не могла заметить Клавдия Михайловна – учительница по алгебре, да и любой другой преподаватель. Дениса здесь не было, он застрял глубоко в своих мыслях, за гранью реального, в безвоздушном пространстве, но для них он был странный, чудаковатый юноша с последней парты, с которым никто и не пытался заговорить, потому что... он сам избрал для себя этот путь. Знали только, что зовут его Денис.

Мысли запутались, унесли в годы детства, когда он был таким же ребенком как все, и его не мучили вопросы Вселенной, когда он мог позволить себе шалости и ошибки, когда весь его мир сходил на простых вещах, на сегодняшнем дне, на детских обидах и радостях. Но ведь он и тогда не был свободен от себя самого. Он был ребенком молчаливым, как и сейчас, замкнутым в себе, еще тогда угнетенный невидимыми заботами.

Денис задал себе вопрос – когда же он был по-настоящему счастлив. Случайный вопрос унес его в другое место и время. В деревню, где он жил с бабушкой и двоюродными ребятами. В один из тихих осенних вечеров дети возвращались из леса с корзинами, полными опят и лисичек. Близился закат. Вот за поляной показалась деревня, и дети шли, смеясь, хвалясь своей добычей... Вдруг похолодало, и хмурое небо выдавило из себя первые капли дождя. Он стал усиливаться. Послышался визг детей, застигнутых дождем, и, укрываясь легкими осенними курточками, все побежали к деревне. Но на поляне остался мальчик, посреди дождевого потока, под взволнованным темным небом. Корзина с грибами лежала в траве, грибы из нее высыпались. Мальчик не боялся дождя, угрюмого баловня природы, пытаясь с каждым вздохом вдохнуть в себя его свободу, прохладу, жизнь. От безмерного счастья на глазах его проступили слезы. Капли теплой соленой воды мешались с холодными дождевыми каплями и ручьями катились по лицу. Человек был в центре дождя и чувствовал свое родство с ним. Чувствовал невидимую связь, которая на будущее их связала с этих дней. Эта дружба с дождем в дальнейшем приобрела важность и отложилась в сознании как главное образующее характера, Денис стал преследовать дождь, чтобы еще раз прочувствовать то состояние, которое он ощутил, возвращаясь из лесу в деревню, когда был еще так юн.

На отчужденном лице странного юноши за последней партой вдруг появилась улыбка и сразу исчезла. Денис вернулся в бушующий класс: он увидел входившую Лену. Класс вдруг озарился светом, вызванным ее появлением. Впрочем, никто кроме Дениса этого света не заметил, и их равнодушие удивило его.

Все его мысли вмиг заполнились Леной. Дружелюбная, общительная, добрая, и в то же время тихая, немного печальная, загадочная. Было ли в ней что-нибудь, что не могло ему не понравиться, или ему нравились эти качества, потому что они присутствовали в ней.

На стул рядом с Денисом приземлился Артем Симонов, его одноклассник – высокий худощавый подросток со светлыми взъерошенными короткими волосами, не очень интересующийся учебой, но больно дотошный в не имеющих к нему отношения делах, весельчак и задира.

– Привет, Денис, да? – широко улыбаясь, Артем протянул ему руку для рукопожатия.

– Да, – растерянно ответил Денис и пожал руку.

– Я – Артем. Надеюсь, ты не против, если я посижу здесь. Вчера было не до уроков. Надо быть неприметным, чтобы не вызвали.

– Садись, – спокойно ответил Денис.

Дальнейшая беседа была еще менее объективной. Артем обращался к Денису с вопросом, а Денис только коротко и содержательно на него отвечал.

Шел урок алгебры, класс к нему был абсолютно не готов. До задних парт дело не дошло, Клавдия Михайловна ограничилась парой доек и принялась объяснять новую тему. Ученики вздохнули с облегчением, и в классе поднялся привычный гул.

Артем был недоволен молчаливостью своего собеседника. Еще никогда ему не приходилось так долго молчать. Не удержавшись, он спросил:

– Слушай, Денис, ты какой-то странный. Сидишь тут каждый день один, ни с кем не разговариваешь. Не надоело так жить? Скукотища ведь!

Прямой вопрос Артема поверг Дениса в ужас. Он не представлял себя другим, не предполагал даже возможности быть иным. Но почему же нет? Освободится от самого себя, и слиться с толпой. Мысль эта была столь же ужасна, сколь логична. Казалось бы, проще простого забыть все заботы, мысли и похоронить себя под грузом обыденных проблем. «Скоро так оно и будет», – думал Денис. Его жизнь не будет ограничиваться учебой. Что же будет там, в недалеком будущем: институт, работа, а что самое ужасное – семья? А ведь все, чего он хочет, это покой и одиночество. Нет, даже захоти он этого, его природа не допустит такой подмены личности. Все, что у него есть, все, чем он дорожит в жизни – это его отличие от других. В памяти всплыли строки неизвестного автора:

*«...Я ту любовь купил ценой таких страданий,
Что не отдам ее за мертвенный покой,
За жизнь без боли и страданий».*

Артем тем временем ждал ответа.

– Мне не скучно. По-другому я не могу.

Не сказать, что Артем вник в долгожданный ответ, только еще раз убедился в ненормальности Дениса. Больше расспрашивать он не решился, но и бросать попытки разговорить Дениса не стал.

Лена сидела за своей партой и повторяла стихотворение, готовясь к уроку литературы. В классе был невообразимый шум: крики учащихся, смех, хлопанье дверей, грохот бегающих по коридору, а Денис ничего не слышал. Прикрыв уши ладонями, он повторял свой стих, и в то же время наблюдал за Леной.

«Жаль, что она ничего не видит, не знает, – думал Денис, – жаль, что даже не подозревает, как я в нее влюблен. А может, и я ей не безразличен, только не знаю об этом. Если бы она только посмотрела в мою сторону, если бы сказала хоть слово, может у меня и был бы шанс. Господи, подай мне знак».

Урок начался. Надежда Васильевна – рыжая, молодая учительница в диковинных очках в бордовой оправе, вошла в класс и разложила свои вещи на учительском столе. Поглядев в журнал, она обратилась к уже собравшемуся классу:

– Ребята, я очень недовольна вашими оценками за этот месяц. Я специально дала вам стихи на выбор, чтобы никаких отговорок, и вам же легче. Надеюсь, все готовы к уроку, это единственный для вас способ исправить свое положение.

Класс живо зашуршал листочками, приглушенные голоса создали гул. Надежда Васильевна опустила на учительский стул и, поводя по журналу карандашом, угрожающе взглянула на присутствующих.

– Дирижина! – остановилась она на одной из фамилий, и подняла взгляд на ее обладательницу. – Света, ты готова?

Немного замаявшись, Света все же встала с места и, заикаясь, начала читать стих. До конца она его не дочитала, Надежда Васильевна остановила ее, видно так и не разобрав слов в ее лепете. Затем более успешно ответили еще несколько учеников. До Дениса дошел голос учительницы:

– Денис, ты готов?

– Да, – донеслось в ответ.

Денис встал и, как полагается, назвал автора и... название.

– Леонид Мартинов, стихотворение «Нежность».

Класс тут же захохотал. Когда он наконец угомонился, Денис продолжил:

– «Вы поблекли...»

Класс вновь зашелся в хохоте. Надежда Васильевна, и сама, улыбаясь, принялась успокаивать учеников:

– Ну прекратите. А ведь как хорошо. Я тут думаю, вот наконец вы повзрослели... Серьезная тема.

Денис в конце концов дочитал стихотворение. И сел. В душе сквозило что-то напоминающее обиду, гнев, затем все сменилось равнодушием. День, конечно, безвозвратно был испорчен. Денис стал ожидать конца занятий, чтобы уйти из этого ненавистного ему места.

Артем ехидно хихикал:

– Знаешь, приятель, не переживай. Не бери в голову, они все идиоты.

«Да, идиоты, и ты тоже», – подумал Денис.

После этого Денис, занятый подготовкой к следующему уроку, не заметил, как у его парты вдруг появилась Лена. Она молча ждала, когда он освободится и обратит на нее внимание. Долго ждать не пришлось. Денис был шокирован: она была так далека, на расстоянии в две парты, и вдруг стоит перед ним.

– Привет, Денис.

– Привет.

– Ты читал стихотворение прекрасно. Мне очень понравилось.

Денис не знал, что отвечать, возможно поэтому молча смотрел на нее, не в силах произнести ни единого слова.

– Я пойду.

И она ушла. А он еще сидел в оцепенении, снова и снова прокручивая в голове ее слова, ее голос, ее глаза, которые смотрели уже не в сторону, а в его глаза. «Вот он – знак», – подумал Денис.

В момент эйфории Денис забыл, что рядом с ним до сих пор сидит Артем. Он видел, как Денис смотрел вслед однокласснице.

– Эй, ты что, запал на нее?

На лице Дениса снова появилась непроницаемая маска.

– Не говори глупостей, – хоть слова эти были неправдивы, но Артем видел перед собой серьезного парня, и даже впервые подумал: «С чего я это взял, он даже не ответил ей».

– То-то. Она влюблена в Андрея, ну, знаешь, со второй парты, вон, – Артем тыкал в высокого светлого парня со второй парты. – Я даже слышал, что они встречаются.

– Артем, пойми, мне это неинтересно, – еле выговорил Денис, сдерживая негодование.

«Неинтересно? Что может быть для меня важнее в данный момент. Еще одна мировая?! Или только что услышанное намного страшнее. Какой же я наивный. Возомнил себе черт знает что. Мы принадлежим разным мирам, она принадлежит миру Андрея, все логично. А я, как идиот, влюбился. Узнать бы, что у нее в голове, что она думает обо мне и фигурирую ли я вообще в ее мыслях. Она влюблена в Андрея, – вдруг его мысль побежала по новому руслу. – Откуда Артем знает, влюблена она или нет, откуда он может что-то

знать о ней. Всего лишь школьные сплетни. Если бы это было правдой, я бы заметил, я же не свожу с нее глаз, знаю каждый ее шаг, каждый вздох... Что за вздор я несу?! Боже! Разобраться бы во всем».

Мысли его настолько запутались, что Денис оставил всякие попытки разложить их по полочкам, а в памяти всплыло воспоминание, когда Лена была так рядом и говорила такие дорогие его сердцу слова.

Со временем общение Дениса с Леной стало более тесным. Лена нашла в нем умного и интересного собеседника и обращалась по любому интересующему ее вопросу. Дружба их росла и крепла, но Лена и не подозревала, что Денис за дружбой прячет свою любовь. Мысли ее о Денисе были столь пространственны и легки, что ей казалось, он был создан, чтобы быть ее другом. Им она восхищалась, ставила его в пример и даже пыталась подражать во всем.

Денис забыл обо всех заботах. Он был счастлив в общении с Леной, еще недавно он не мог и мечтать об этом. Теперь же все его мысли крутились вокруг Лены.

Воскресенье. С утра на город пал сумрак, с утра в городе были потемки. Собачий холод и туман царили на улицах, и иногда доносился слабый вой бездомных собак. Денис сидел дома, в тепле, наблюдая за непогодой из окна. На душе была тоска. Он так привык видеть Лену каждый день, что утро воскресенья стало испытанием. Тоска по ней влекла другие мысли – сомнение, в голове крутилось неугомонное: «А что если?..».

«А что, если оставить все как есть. На что ей я со своей любовью. Я буду ее любить всегда, но я буду любить для себя, зная, что она не сможет мне запретить этого. Никто не будет знать об этом, и она тоже не узнает, никогда. И тогда все встанет на свои места».

Размышления о встрече или признании были самыми болезненными. Боязнь отказа или, хуже, насмешки отодвигала эту идею на второй план.

Денис направился в кухню. Уже на пороге в лицо ударил запах жарки. Маша готовила обед. Денис сел пить чай.

– Сегодня будем есть борщ, – заявила воодушевленно Маша. – Сейчас придет мама, после осенней стужи с улицы надо подкрепится хорошим горячим борщом, чтобы не простудится.

Денис думал о своем, потягивая горячий чай. За окном слышались удары капель, собиравшихся из влажного тумана, о карниз, а тихая теплая обстановка полутемной квартиры тянула ко сну. Иногда эта идиллия нарушалась шумом звякающих кухонных приборов, которые Маша задействовала в готовке, или шинкующейся зелени. Маша видела озадаченность Дениса и в конце концов решила спросить:

– О чем ты думаешь, Денис? Что-то ты хмурый сегодня, – а потом как бы про себя добавила, – хоть в такой день не мудрено, – и грустно посмотрела в запотевшее окно.

Денису так хотелось поделиться с кем-нибудь мыслями о Лене, попросить совета, и неуверенно он начал рассказывать:

– Маша, мне хотелось спросить у тебя. Мне очень нравится одна девушка. Она моя одноклассница, – немного замаявшись, добавил он, – только я не знаю, как она относится ко мне.

– Это очень легко узнать. Надеюсь, ты уже дружишь с ней?!

Маша вопрошающе взглянула на Дениса, надеясь услышать утвердительный ответ.

– Ну... вообще то, – Денис затруднился в ответе, – мы общаемся, как друзья, и только...

– Значит, она не знает, что нравится тебе; значит, вы друзья, – Маша мыслила вслух, не обращая внимания на ожидания Дениса, помешивая содержимое кастрюли, – значит, значит... тебе надо поговорить с ней не как с другом, постарайся дать ей понять, что для тебя она больше, чем друг, и если ты ей нравишься, она все поймет... Так ты и узнаешь, как она относится к тебе.

Закончив фразу, Маша повернулась к Денису.

– Как у тебя все просто, – грустно произнес Денис.

– А что здесь трудного? – не понимала Маша.

Ее совет он выслушал как приговор.

– Что, если она не захочет со мной общаться, что тогда? Тогда я лишусь даже дружбы, – произнес Денис, выдвигая довод, чтобы отклонить эту идею, но Маша и не подозревала о его страхах. Она была непреклонна.

– И что? Тогда ты поймешь, что она не твоя судьба. Что поделаешь? Или по тебе лучше упиваться собственной неразделенной любовью?

Маша будто читала его мысли. Наблюдая сомнение в лице Дениса, она продолжила:

– Возможно, признаться будет нелегко, – говорила она с понимающим взглядом, – но лучше уж так, чем жить и любить в неведении. Со временем эти вопросы лишают покоя, а если она не любит тебе, незачем забивать себе голову безответной любовью. Узнай это и реши, что для тебя лучше.

Она закончила монолог и продолжила колдовать над кастрюлей, перебирая пакеты со специями. Маша родила в нем бурю мыслей. Он понимал, что слова ее правдивы, понимал неизбежность признания.

Вдруг чувства его приобрели материализацию: форму, начало и конец, они должны были обрести определенное место в его душе. Доселе Лена была предметом восхищения: недосыгаемая, вечно непознанная и непонятная, а любовь подразумевает равенство половин. Теперь Лена предстала девушкой, которой он хотел предложить свою любовь, ни больше, ни меньше; девушкой, которую он хотел видеть рядом с собой. Равное общение с Леной приравнивалось для него зачислением в ряд избранных, таких, как Лена, а таких, как она, больше не было, она была единственная и неповторимая.

В том, что признание неизбежно, Денис был уверен, но вопросы – когда и как – стали преследовать его с этих минут.

Денис следил за Машей. За этим разговором она стала ему ближе, как сближаются люди посвященные в одну строжайшую тайну. Она всегда и во всем была права, говорила немногословно и всегда по делу, в отличие от Нади – безбашенной, задорной, неугомонной. Всегда была сдержанна, спокойна, будто равнодушна, но Денис знал, что она очень чувствительный человек. Она никогда не была душой компании, но всегда оставалась сердцем их небольшой семьи. Добрая, заботливая, понимающая. Иногда Денис задумывался, где же ее переживания, обиды, разочарования, страхи. Он никогда не слышал от нее упреков, недовольства; она была поглощена вечной заботой о них, куда же девались ее чувства. Она – вечный костер доброты,

заботы и ласки. Он бы не смог пойти на такую самоотдачу. Эта самоотдача восхищала его в ней.

До Дениса дошел ароматный запах борща. Все заправки и специи с маленького стола рядом с плитой, исчезли в нижнем кухонном шкафу. Допивая остывающий чай, Денис наблюдал, как Маша готовит. Выключив газ, она присела рядом с Денисом за стол:

– Ну? Что ты надумал?

Денис не знал ответа на этот вопрос. Внутри него образовалась целая палата с сотнями заседателей и все кричали «за» и «против», но никак не могли придти к одному решению.

– Не знаю, – уныло ответил он.

– Ты сильно ее любишь? – последовал вопрос.

– Да, – ответил Денис и покраснел, заметив тепло в голосе.

Маша одобрительно улыбнулась.

– Тогда отбрось все свои сомнения. Я уверена, все будет хорошо. И если она совсем не дурочка, ты ей понравишься, – она вздохнула и его кучерявые волосы и ласково добавила, – ты же у нас такой хорошенький.

Денис чуть улыбнулся. Ему стало лучше не от ее слов, а от ее доброты.

Утро ненавистного понедельника выдалось необычайно пасмурным. Небо было тяжелое, тучное. Казалось, деревья склонялись под его тяжестью.

Денис вышел на улицу, и в лицо ему ударил холодный влажный ветер. Он проник под одежду, и Денис почувствовал, как руки покрылись гусиной кожей. По спине прошелся холодок. Ветер будто проник в его тело и сквозил у него внутри. Обхватив поля куртки, он закутался в нее и скукожился.

По дороге Денис не встретил ни единой души, впрочем, как и всегда. Оказавшись среди бушующей непогоды, один он почувствовал единение с нею. Печальная скорбь неба была ему так близка все эти годы, он ею жил, наслаждался. Он был счастлив в своем одиночестве и печали, упиваясь красотой неба, солнца, всего окружающего, всего, что разделяло с ним его печаль. Двигаясь к школе по узкой грязной тропинке, наблюдая подавленную картину осени, он чувствовал, что душа разрывалась от благоговения, отчего дышать становилось труднее. Чувства искали выхода, и Денис сделал глубокий вдох и выдох, позволяя прохладному воздуху заполнять его легкие. Видела бы его техничка, вечно топтавшаяся у парадной лестницы школы, она бы увидела все того же чудакватого отрока, со странным взглядом, уныло идущего в школу, и ничего больше.

В школе все шло своей обыденной чередой: сменялись уроки, в коридорах проносились незнакомые лица, не утихал шум.

На последнем уроке Григорий Константинович объяснил новую тему, а Денис не слушал. Он упивался теми часами школьных уроков, когда мог наблюдать за Леной, удивляться ее красоте. Возможно, она была такой же, как все: те же руки, ноги, голова – обычный человек, но свет внутри ее глаз, что он видел, когда ему удавалось как бы нечаянно поймать ее взгляд, говорил ему: «Она особенная». Этот свет будто оживлял ее, наделял каждое ее движение особой силой, магией; свет был клеймом, свидетельствующим о ее душе, о наличии особой силы в этом хрупком теле. Лена была живым человеком среди толпы мертвецов в этом сонном царстве. Изо дня в день

Денис все больше уверялся в этом, являясь свидетелем ее неиссякаемой доброты и дружелюбия.

Любовь возносила его высоко над землей, он освобождался от заточения в собственном теле, до края заполненный мыслями о ней. Он много читал в своей, казавшейся ему короткой и бесцельно прожитой жизни, знал, что такое любовь, вместе с героями книг переживал это чувство снова и снова. Денис думал, что его оно обойдет стороной, потому что видел в нем выдумку автора. Теперь же он думал, что труды всех писателей мира недостаточны. В них не хватало чего-то самого главного, что неподвластно перу, не подлечит вечному упокоению на бумаге, в них не хватало жизни. Не знающий любви не найдет смысла в строках книжного текста, а влюбленный юноша по имени Денис, несмотря на все свое равнодушие и отрешенность от всего окружающего, свое состояние, свои чувства, бушующие в его сердце, свои полеты, мечты и грезы мог описать в единственном слове: «Любовь».

За окном появилось солнышко. Осень готовилась смениться зимой и бросала последние повестки, разгораясь в полную силу. Это был один из таких дней, когда погода меняется по десять раз на дню.

Холодный рассветный воздух прогрелся, и яркий свет, проникающий в кабинет через громадные окна, слепил глаза. Проходя сквозь кружевные занавески, он разбивался на десяток солнечных зайчиков, которые весело играли на партах и тетрадах, на полу и стенах. Присутствующие быстро оживились, поддавшись веселости погоды. Урок протекал свободно, учитель разговаривал с двумя учениками с первой парты на тему будущих экзаменов. Тема урока была забыта.

Денис смотрел в окно. Школьный двор сиял в лучах солнца. Тусклый осенний цвет опавших листьев превратился в золото, им был усыпан весь двор, весь город. И даже серые безмолвные многоэтажки, превращающие этот город в огромный муравейник, не могли испортить своей унылостью праздника природы.

Недалеко виднелись аллеи. С наступлением осени, когда с деревьев спадала листва, а дорожки превращались в грязное месиво, они стали заброшены и безлюдны. Сегодня же об их красоте позаботилась сама природа. С обеих сторон возвышались тополя-великаны. Они сбросили свое одеяние и тянули длинные голые ветви к небу. Аллея была усыпана тополиной листвой, настолько пестрой, яркой, что создавала эффект исчезающего горизонта. Денис подумал, что лучшего места для влюбленных не найти, – здесь сама природа шептала о любви, и представил идущими по золотому ковру аллеи себя и Лену. Сначала это представление обрадовало его, но затем вселило страх: он должен признаться. Маша права, это всего лишь следующий шаг. Надо его пройти, и медлить с этим нельзя.

Недавно прозвеневший звонок известил обитателей школьных стен об окончании занятий. Денис стоял в тупике у задней стены, где находился проем на пустошь, и со стороны внимательно следил за входной дверью. Он ожидал Лену. В голове перебирались темы, на которые с ней можно было бы поговорить. Он представлял, как подойдет и заговорит с ней. Сегодня он пойдет не по обычному для него маршруту, он пойдет по чистому, ведущему к его дому напрямик, протоптанному сотнями школьников пути. А самое

главное, он пойдет вместе с Леной. Так, с волнением и тревогой Денис ждал, когда на фоне парадной двери покажется силуэт Лены.

Лена никак не выходила. Собравшиеся у ворот начали расходиться, пока на месте толпы не остался один человек. Денис не смотрел в его сторону, внимательно охраняя вход, и потому не знал, что юношей у ворот был его одноклассник Андрей Соколов. И Андрей не видел Дениса, стоящего в небольшом тупике, чуть прислонившись спиной к стене.

Через несколько минут Лена вышла и с задором сбежала по парадной лестнице. На лице светилась неизменная добрая улыбка, взгляд же словно разыскивал кого-то. Денис, заметив это, с тревогой последовал за ее взглядом и... увидел Андрея, приветливо улыбавшегося Лене. От собственных сомнений Денису стало плохо. Попытавшись отогнать от себя плохие мысли, он все же не обнаружил себя, а остался на месте. Затаив дыхание, он провожал ее взглядом, представляя, предвкушая, не веря, надеясь, что страхи его не оправдаются, но будто читая его мысли, будто следуя его худшим опасениям, Лена направлялась к Андрею, а он не сводил с нее глаз.

«Значит, они договорились о встрече, значит то, что говорил Артем, правда – они встречаются».

Мир Дениса перевернулся, и он наблюдал, как он разваливается на куски. Его мечты блекли, превращались в пустой звук, легкомысленные умозаключения, нерешительные «а что если...».

Оказавшись у ворот, Лена весело приветствовала Андрея, и, взявшись за руки, они пошли, о чем-то мило беседуя.

Пустые глаза были устремлены в пространство у школьных ворот, они не провожали удаляющихся молодых влюбленных, а только застыли в душевном оцепенении. На ледяном лице не дрогнул ни один мускул, а в душе где-то у горла возникла буря гнева, волнения, мгновенно перекрывшая воздух. Денис переступил лаз между забором и стеной. Все его существо вверглось в неизмеримую тоску.

Все, чем он заменил свой мир сторонности и единения, пожертвовав, таким образом, своими убеждениями и принципами, – была Лена и его любовь к ней. С затуманенными глазами, подвергнутый чарам первой любви, он дал волю своей слабости, тому слепому чувству фанатов, поклоняющихся своему кумиру, словно языческому идолу; он убил в себе рассудительность, оказавшись во власти горячей головы, и вот чем поплатился. Лена была не виновата, во всем был виноват он, потому что полюбил.

Денис глубоко дышал, будто пытаясь растопить ком обиды и горя, сдвливающий горло. В душе этого юноши металась грома и молнии, а голова разрывалась от тяжелых мыслей, все это не отражало его лицо – спокойное, холодное, мертвое.

На хмуром небе резко сгустились тучи, и небо осветилось ударом молнии. Издалека раскатился гром. Денис поднял глаза к небу: «О дождь. Возьми мою печаль. Утешь меня. Я не могу так больше!».

Пошел ливень. И из глаз полились слезы, но никто не видел их, холодные капли дождя растворили их в себе. Денис остановился и распростер руки. Впервые он забыл обо всем, и на лице его мелькнула улыбка утешения и покоя...

Посреди дождя во владениях печального заброшенного пустыря стоял странный, немного чудаковатый юноша и вопреки всем невзгодам был счастлив.

Юрий ГЕТОКОВ

Благодарность болтуну

Благодарит болтун...
Слова скользят, как рыба.
Сто слов сказал,
Забыл сказать – спасибо.

Воробей

Воробью не нужны
Ни гнездо, ни семья.
Беззаботная жизнь –
Это суть воробья.
Он порхает везде...
Проводя свои дни,
Как нахлебник-«бедняк»
У богатой родни.
Так бездельник иной
Среди добрых людей
Сытно ест, сладко пьет...
Жалкий, как воробей.

Лжегость

На наставленья он,
Со ртом набитым, падох.
Он в гости ходит –
Наводит порядок.

Предостережение итенцам

Он с детства не познал, что он орел,
Он сущность потерял свою с пеленок.
В вороньей стае счастье он обрел.
Теперь он гадкий, глупый вороненок.

Об «умной» матери и глупом сыне

О глупом сыне говорила мать.
Что, мол, она его и научила,
Чтоб где-нибудь в пути не потерять,
В мешок заплечный надо спрятать шило.

Хамелеон

Умеет жить он. Тактика проста –
Всегда рядиться в нужные цвета.

Спорящим братьям

Бедлам в дому,
Коли согласия в братьях нет.
Зачах в дыму –
Родства и крови свет!

Предупреждение

С оружием всегда
Необходима осторожность:
На выстрел у него всегда
Есть повод и возможность.

Непримиримый спорщик

Он в споре никогда не соглашался,
Как в жаркой битве, все крушил плеча.
Он с юности упрямо опирался
На довод обнаженного меча!

Житейская мудрость

Скотина вырастет худая –
Какое-никакое мясо есть.
А человека вырастешь плохого –
Пожнешь бесславье, потеряешь честь!

Подхалим

Он вас и встретит,
И проводит по одежке...
Его язык сродни
Обкатанной дорожке.

Зависть гуся

Шипел от зависти,
Цыплят и уток бил,
Когда хозяин
Индюка в котле хвалил.

Шутник

Козу свою он привязал
К плетню соседа ночью,
А утром хмыкнул и сказал:
«Любуйтесь этой сволочью!»

Усы

Усы для моды в юности растил,
От лени брить до старости носил.
Он не ответит, как ни расспроси,
Зачем ему, безмозглому, усы.

Юла

Всю жизнь юле по воле рук чужих юлить,
Вовеки той юле юлою быть.

Самомнение

И нитка, вдетая в ушко иглы,
Придаст себе значение стрелы...

Ноль

«Он – ноль, он ничего не значит» –
Так кое-кто из цифр твердит о нем.
Но если счетовод его припрячет,
То сразу обнищает миллион!

Уловки самокритики

Он камни швыряет в чужой огород,
Его обличеньям внимает народ.
А маленький камешек бросит на свой
Пустой огород, весь поросший травой.

Хасин БРАТОВ

ЕГО ВЫСОКИЙ ВЗЫСКУЮЩИЙ ДУХ

(К 105-летию А. М. Гукемуха)

От нас все дальше отодвигается в глубь истории бурный, противоречивый XX век – во многом трагический и для нашей страны, и для мира в целом; век, сокрушивший нравственные, моральные и общественные устои, последствия которого особенно болезненно ощущают малые народы. Пока еще продолжают подводить основные итоги этого века, опираясь при этом на своих самых надежных летописцев, коими являются крупнейшие представители культуры, науки, искусства. Касательно адыгского народа, в числе немногих бесспорных авторитетов должен быть назван Абубекир Махмудович Гукемух (1905–1994), известный деятель национальной культуры, филолог, востоковед, педагог, один из зачинателей черкесской

лирической поэзии, чья незаурядная личность, деяния и жизнь в целом являются во многом символичными по отношению и к прошлому веку, и к истории культуры, всей интеллигенции Северного Кавказа.

То, что заслуги этого уникального человека недооценены формальными знаками внимания ни при жизни, ни после – не исключение: таких обделенных, попавших к тому же под колесо репрессий, немало. Но вот что обращает на себя внимание. Несмотря на солидное научное наследие, у него почти нет отдельных изданий своих трудов. Разве что «Краткое пособие по грамматике и стилистике кабардино-черкесского языка» (Баталпашинск, 1932) и перевод с арабского книги Расима Рушди «Это моя нация. Черкес рассказывает о своем народе» (Нальчик, 1993). В остальных изданиях он является соавтором. Совместно с М. Сакиевым издал «Русско-черкесский словарь» для широкого использования, с Зарамуком Кардангушевым – образцы адыгской народной афористики в двух томах (Нальчик, 1965, 1967). Абубекир Гукемух – один из основных авторов первого толкового кабардино-черкесского словаря (М.: Дигора, 1999), в котором ему принадлежит значительная часть словника и толкований. Существенный вклад он внес и в подготовку первых четырех томов академической серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (М.: Советский композитор, 1980–1986), первых двух томов капитального

издания «Адыгэ IуэрыIуатэхэр» (Фольклор адыгов. Нальчик, 1963, 1970). Конечно, перечисленным не исчерпывается его богатое научное наследие. Без некоторых биографических данных, думается, не будут поняты истоки этих уникальных для нашей науки трудов.

Абубекир Махмудович Гукемух родился в ауле Ботащей Хабезского р-на КЧР в многодетной патриархальной семье. До 16-ти лет он учился дома у своего отца, имевшего широкое религиозное образование, хорошо знавшего арабский язык. Затем – в медресе у разных эфенди, в том числе у известного на Северном Кавказе религиозного деятеля и эфенди Умара Карданова (1865–1926), глубоко постигая грамматику арабского языка, диалектику, логику, философию единобожия, историю ислама, толкование Корана. В 1926 году окончил краткосрочные учительские курсы при Черкесском облоно. С 1926 по 1932 г. преподавал в медресе аулов Ботащей и Зеюко, в Черкесском педтехникуме (1926–1932). Он – один из основателей и первый ученый-секретарь, заведующий отделом языка и литературы Черкесского НИИ с перерывом (1932–1941), аспирант НИИ национальностей при Наркомпросе РСФСР (1935–1938). Одновременно работает во Всесоюзном Центральном Комитете нового алфавита и театральном институте им. А. В. Луначарского, где преподает кабардино-черкесский язык, ассистирует на занятиях по технике речи и на этюдах по режиссуре, консультирует по этикету (адыгэ хабзэ) студентов-адыгов. Среди них находились М. Сонов, Зарамук Кардангушев, Б. Тхагазитов и др., впоследствии внесшие огромный вклад в развитие адыгской культуры.

На молодого талантливое, подающего большие надежды ученого-исследователя еще в 30-е годы обращали внимание и высоко о нем отзывались такие выдающиеся ученые того времени, как И. И. Мещанинов, И. Ф. Яковлев, Г. В. Рогава, А. Н. Генко. В эти годы А. Гукемух активно участвовал в разработке грамматики родного языка, при этом впервые ввел большинство терминов, ставших теперь привычными и обозначающих грамматические категории на кабардино-черкесском языке, в создании учебников и учебных пособий, сборе и публикации фольклорных материалов. Он был в близком знакомстве и сотрудничал с Нури Цаговым, Али Шогенцуковым, Хасаном Эльбердовым, Даутом Ашхамафом, Татлостаном Табуловым, Асхадом Алтадуковым и многими другими деятелями национальной культуры.

Владея несколькими иностранными языками (в т. ч. арабским, турецким, персидским) и свободно ориентируясь в диалектальной структуре адыгских языков, он оказывал редкостную компетентную услугу другим ученым в области этимологии, сравнительной грамматики, фольклористики. С 1939 по 1942 г. А. Гукемух – преподаватель кафедры русского языка и литературы Черкесского учительского института, где читал курсы: введение в языкознание, современный русский язык, историческая грамматика русского языка, старославянский язык. В 1937 г., когда он учился в аспирантуре в Москве и работал в Комитете нового алфавита и театральном институте, его арестовали, и с января 1938 по сентябрь 1939 г. А. Гукемух – заключенный с ярлыком «националиста». А с 1946 по 1955 г. – узник ГУЛАГа. На этот раз по более веской, на взгляд фемиды тоталитарного режима, причине, – обвиненный в сотрудничестве с

немецко-фашистскими захватчиками при оккупации области. Считавшее себя самым справедливым в мире, правосудие режима не удосужилось даже разобраться, в чем его конкретная вина. Когда Германия напала на СССР, А. М. Гукемух работал в научно-исследовательском и учительском институтах, его и многих сотрудников этих заведений не мобилизовали в армию по брони. Оккупанты принудили Абубекира Гукемуха к сотрудничеству – работать в качестве инспектора по образованию. Ему не оставили выбора: либо сотрудничество, либо репрессии в отношении его и его семьи. Посоветовавшись со старейшинами родного аула, А. Гукемух дал согласие работать при немцах инспектором по образованию. Он думал использовать это на благо детей, но этого не произошло.

«Я и толком-то ничего не успел сделать, даже какой-либо инструкции не составил, – говорил сам заключенный ГУЛАГа впоследствии. – Но осудили на 20 лет. После подачи кассационной жалобы срок сократили наполовину, остальное пришлось отбывать». И в 1956–1957 гг. Абубекир Гукемух – рабочий на сельхозпредприятиях Сибири и Средней Азии. По его возвращении в КЧР местная власть не захотела предоставить ему какую-либо должность, хотя А. Гукемух обращался с просьбой к первому секретарю обкома КПСС Антонову. При содействии Зарамука Кардангушева, по договору он работает в Кабардино-Балкарском НИИ, а в 60-е гг. преподает арабский язык в КБГУ, участвует совместно с З. П. Кардангушевым в собирании и издании адыгских пословиц и поговорок, в коллективе авторов работает над толковым словарем кабардино-черкесского языка, другими объемными трудами. Он много времени посвятил популяризации деятелей национальной культуры, сохранил для потомков образы поэтов и просветителей Шугиба Выкова, Умара Мекерова, Умара Карданова и их труды, статьи о которых публиковал в журнале «Ошхамахо».

В 1923–1988 гг. А. Гукемух пишет лирические стихотворения¹, многие из которых потеряны. Среди сохранившихся такие шедевры национальной поэзии, как «Си къэшэн» (Моя невеста), написанное в 1929 г. и ставшее истинно народной песней, «Тхьэрыкъуэ пщэху» (Голубка), «Инжыдж уанэ тыралъхьэ» (Как оседлали Инжич), «Маршынэ фЫщІэ» (Черная машина), «УльагъугъуафІэ щхэкІэ укъэщІэгъуейщ» (Обаяние твое пленит) и др., ставшие классическими в молодой профессиональ-

¹ Заур Налоев в обстоятельной статье (Ошхамахо, № 2, 2009), впервые глубоко анализируя лирику А. Гукемуха, пришел к интересному выводу (по сути являющемуся открытием в поэзии), что автор нашел в «Моей невесте» совершенно новый подход в построении образа любимой, отличный от традиционных приемов таких выдающихся мастеров поэзии, как Ш. Хафиз, Дж. Байрон, А. Мицкевич, А. Пушкин. Если классики создают образ любимой через ракурс собственных восприятий, через раскрытие своего сердца, то данное стихотворение (или песня) построено по другому принципу: автор не сразу раскрывает свои чувства, не показывает, какое место в его сердце занимает любимая, а делает это через ее отношение к явлениям природы (шторм на море утихает, пристыженный взглядом красавицы), восприятие ее пленительного лика сверстниками. И лишь в конце стихотворения автор раскрывает свое отношение к той, к которой неравнодушны все. И «вечерней порой», когда близлежащей улицей он, будто ненароком, проходит мимо ее дома, она влюбляется в него и «в нагрянувшей бессоннице ночь проводит у окна». В такой отраде, гордости за свою невесту завершается песня, лишь на миг ее автор (и он же ее суженый) позволяет заглянуть в свое сердце.

ной поэзии адыгов, оригинальный образный язык которых восхищает истинных ее ценителей.

У Абубекира Гукемуха есть переводы с арабского, турецкого и кабардино-черкесского на русский язык, и с русского на кабардино-черкесский, в том числе вышеупомянутый перевод с арабского на русский язык книги Расима Рушди «Это моя нация». Как заметил в ее послесловии Юрий Тхагазитов: и автор перевода, и издательство «Эль-Фа», вернув эту книгу, изданную в Каире в 1957 г., русскоязычному читателю, сделали серьезный вклад в важное дело возрождения черкесской культуры.

«Не владея арабским языком, невозможно познать тайны адыгского, – говорил Абубекир Гукемух, – потому что в нашем языке много слов, заимствованных из него. Не зная, как произошли эти слова, каковы их значения, невозможно их расчленить на составные части. Вот почему каждый филолог, исследователь нашего языка должен хорошо владеть арабским языком. Кроме этого, не помешало бы знать и турецкий, персидский и другие языки, откуда наш язык позаимствовал много слов». У самого же Гукемуха, большого знатока арабского языка, в архиве остался словарь арабизмов и персизмов в адыгском языке с охватом около 300 лингвистических единиц.

Следует отметить также, что он не только превосходно знал тонкости адыгского этикета, но и всю жизнь следовал им. Безусловно, он смог бы написать интересный содержательный труд по адыгскому этикету, но не успел. Осталась лишь одна опубликованная статья по нему – «Формы приветствий» («Салам ехыкIэхэр», // «Ленин гъуэгу», 19.05. 1973). Известный этнограф Барасби Бгажноков в предисловии к своей книге «Адыгский этикет» указывает, что в ходе работы его консультировал А. М. Гукемух.

О редкой доброжелательности, бескорыстной помощи многим ученым, щедрости, с которой он делился своими познаниями и поразительно меткими наблюдениями в области языкознания, истории, культуры, говорит и Заур Налоев – видный филолог, фольклорист и писатель. В то же время многие собственные труды А. Гукемуха остаются неопубликованными. Например, труды по грамматике кабардино-черкесского языка, в том числе по инкорпорациям (продуктивным способам образования слова) в адыгском языке, вышеупомянутый словарь арабизмов и персизмов в адыгском языке, фольклорные записи и др.

Абубекира Гукемуха отличал большой такт, глубокое, ровное уважительное отношение ко всем окружавшим его. И он считал себя счастливым человеком, несмотря на драматические перипетии судьбы, ибо прожил жизнь в согласии с совестью. Для тех, кто знал его, он останется примером истинно рыцарского отношения к жизни, несмотря на многие тяжкие испытания. Личная обида, несправедливость в отношении собственной судьбы для иного становится главным, и только с этой, личной колокольни он видит ход истории и судьбы всей страны. Подняться же над личным, тем более – над столь трагическими обстоятельствами, не ожесточившись, не затаив обиды – это духовный подвиг. Это возможно только тогда, когда у личности есть высокий взыскующий дух, свойственный истинному интеллигенту. Многие по-разному понимают его долг и

задачи. Как отмечал писатель Глеб Успенский: «Интеллигенцию надобно понимать вне званий и состояний, вне размеров благосостояния и общественного положения. Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда одну и ту же задачу. Она всегда – свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу». А. М. Гукемух своими научными трудами, своим творчеством и, наконец, своим жизненным примером как бы ставит перед потомками интеллигентную задачу сохранения и развития черкесского языка, культуры, а значит, и их носителя – народа. Укреплять, расширять фундамент национальной культуры, заложенный подвижническим трудом предшествующих поколений, и в первую очередь изучать, развивать его основу – родной язык. Без этого он, фундамент, разрушится – время не терпит статического состояния, остановка – смерть для любого не только материального, но и духовного субстрата. Так делаем ли мы это наше общее интеллигентное дело? Решим ли мы нашу интеллигентную историческую задачу? Наше непростое время отвечает на эти вопросы так: или в нас пробудится взыскующий дух, подобный духу таких личностей, как Абубекир Гукемух, или история с нас строго и жестоко взыщет.

Вот почему научное и творческое наследие этой личности неподвластно времени. Ведь открывая тома «Адыгских пословиц и поговорок», «Адыгский фольклор», «Словарь кабардино-черкесского языка» или другие фонды нашего духовного багажа, мы не только причащаемся к непреходящему национальному богатству, но и обращаемся к авторам – к А. Гукемуху и другим, давшим нам такую возможность, навечно сохранив его для грядущих поколений.

Абубекира Гукемуха не стало на 89-м году жизни 27 июля 1994 года. Нам пора подумать о способе официального увековечения его памяти. Это нужно нам, прежде всего – молодому поколению, кому он оставил свое духовное наследие. Мы, жившие рядом и работавшие с ним, знавшие его лично или через его труды, должны проявить элементарное чувство благодарности к этому незаурядному человеку – воздать должное памяти о нем. К примеру, назвать его именем улицу в его родном ауле Боташей, где он родился и вырос и куда потом часто приезжал; установить мемориальную доску на стене его дома в Нальчике, где он провел последние годы своей жизни. Право, он это заслужил. Среди нас живут его потомки, числом немногие, но выросшие в высоконравственной, духовной и моральной атмосфере его семьи, высококвалифицированные специалисты и ученые со степенями.

...Абубекир Гукемух будет жить не только в своих трудах и в памяти родных, но и в памяти тех, кто хотя бы один раз соприкасался с ним – говорил, слушал и осознал бесценность его духовного наследия для народа.

***Р.С.** Редакция присоединяется к предложениям автора об увековечении памяти Абубекира Махмудовича Гукемуха в его родном ауле и в городе Нальчике.*

*Эссе ДАЛИЕВА,
Ингушский ГУ, г. Магас*

Об особенностях поэтического творчества Х.-Б. Муталиева

Процесс литературного развития – это непрерывная цепь связей и контактов между множеством конкретных произведений, каждое из которых обладает известной степенью индивидуальности, содержит в себе вместе с тем нечто сближающее его с другими произведениями. Грань этого сближения создает специфику жанра, в котором тот или иной признак при переходе в другую систему жанровых отношений может утратить свое качество, сохраняя с прежней системой лишь чисто внешнюю связь. В литературном процессе, воспринимаемом «в его системности и взаимообусловленности составляющих его компонентов», «закономерное выделение понятия «жанра» как наиболее стабильной теоретико-литературной категории», которая функционирует при каждом литературном акте, объединяет в себе общетеоретические предпосылки и их конкретные значения.

Литературные жанры, даже в рамках творчества одного автора, не остаются неподвижными. Эволюция авторского поэтического мирозерцания, развитие его художественного сознания, историческая необходимость, новые содержание и мотивы, вызванные требованием времени, порождают новые внутрижанровые формы, которые становятся самостоятельной поэтической единицей. На наш взгляд, исследование специфических и типологических признаков жанра в рамках отдельной национальной литературы, в конечном счете, способствует определению рамок литературного процесса в целом.

Художественная зрелость поэтических традиций ингушского народа позволяет ставить вопрос о типологии жанра в контексте эстетических закономерностей взаимодействия. К примеру, на своем историческом пути во взаимодействии с другими жанрами лирические жанры проходят ряд этапов, в пределах которых происходит трансформация одних форм, формирование новых внутрижанровых разновидностей. В каждую эпоху в зависимости от эстетического идеала, уровня развития психологии общества происходит внутреннее обновление жанра. С другой стороны, формирование новых жанровых систем всегда связано с творческими поисками определенных поэтов и несет на себе печать их индивидуальности, особенности их таланта и художественной манеры.

Ингушская литература, как и литературы других народов Северного Кавказа, относится к так называемым «молодым» литературам, истоки которых идут из устного творчества народа, а письменные традиции зародились в 20-х годах XX столетия. Литература прошла в своем развитии огромный путь от фольклора к роману. Период начала XX века, на наш

взгляд, представляет наибольший интерес для определения генезиса литературных жанров, специфики их формирования, роли и места народных традиций в них, поэтики и проблематики.

Остановимся кратко на тех предпосылках, которые способствовали зарождению письменной ингушской литературы. Прежде всего, это создание алфавита, полиграфической базы, становление просвещения в республике, зарождение научно-исследовательской работы, формирование литературного общества, писательской организации – в целом формирование и становление национальной культуры. У истоков ингушской литературы стояли З. К. Мальсагов, А.-Г. Гойгов, Т. Беков, М. Аушев, А. Озиев, С. Озиев, Х.-Б. Муталиев, Х. Осмиев, И. Ахриев и другие. Ингушская литература прошла сложный путь развития. В первый период своего формирования она носила по преимуществу просветительский характер. Создавались новые школы для детей и взрослых, молодые писатели и поэты переводили произведения русской классики на родной язык.

В 1924 году организовалось Ингушское литературное общество, председателем которого стал З. Мальсагов. В него вошли Т. Беков, А.-Г. С. Гайгов, А.-В. Аушев, С. Озиев и многие другие. Члены литературного общества занимались сбором и изучением произведений устного народного творчества, они обсуждали произведения молодых представителей ингушской литературы, вопросы теории национальной литературы, планы изданий и т. д. Политические события периода 1920-х годов, новая действительность ставили перед литераторами сложные творческие задачи. Необходимо было воссоздавать события революции и гражданской войны, трудности коллективизации.

Приход в ингушскую литературу такого поэта, как Хаджи-Бекир Муталиев, сказался на ломке старых форм, на создании более разнообразных приемов художественного творчества. И именно здесь сыграло свою роль то, что молодые поэты пришли в литературу обогащенные опытом русской классики. Х.-Б. Муталиев принес в ингушскую поэзию лирико-юмористическую интонацию, мягкую, добродушную иронию:

Постепенно ингушские поэты овладевали все новыми и новыми приемами и жанрами, начиная от большой героической поэмы, заканчивая маленьким лирическим или ироническим стихотворением. Следует отметить, что появление каждого нового поколения поэтов вызывало не только творческое соперничество, но и сопровождалось появлением новых тем, приемов, интонаций стиха. Именно так вошел в ингушскую поэзию Дж. Яндиев со своей глубокой философской лирикой:

*Огромен мир
в движенье невозвратном,
Но в сердце человека весь войдет.
Пусть небо высоко и необъятно,
Людская мысль объемлет небосвод.*

Перевод А. Тарковского

Во второй половине 20-х и в начале 30-х годов особенно были заметны успехи в ингушской поэзии. А. Озиев, Х.-Б. Муталиев, С. Озиев – группа молодых поэтов, которые, плодотворно используя опыт поэтов старшего поколения, продолжили работу над дальнейшим совершенствованием национального художественного слова. Своеобразным талантом и особым чувством современности среди них отличался Хаджи-Бекир Шовхалович Муталиев. Он родился в 1910 году в крестьянской семье. После окончания Назрановской сельской школы в 1924 году поступил в педагогический техникум, а в 1928 году в областной газете «Сердало» (Свет) появились его первые стихи на ингушском языке. В 1930 году он становится членом Ингушского литературного общества. В 1957 году поступает на Высшие литературные курсы (Москва), в декабре 1958 года участвует в качестве делегата в работе первого съезда Союза писателей РСФСР.

Тематика поэтического творчества Х.-Б. Муталиева весьма разнообразна: социальная лирика, патриотическая, философская, пейзажная, любовная, сатирическая. Он пишет стихи, соответствующие времени: об известных деятелях 1917 года, гражданской войны, активно выступает против «пережитков прошлого», видит и художественно повествует о новой жизни и новом герое. Характерная особенность творчества Х.-Б. Муталиева – жизнеутверждение, оптимизм, символ его поэзии – горящее сердце:

*А если с меня ты потребуешь мало,
Такую не возьму, не приму.
Когда б не боролось, когда б не пылало,
Мне было бы сердце мое ни к чему!*

«Родина», перевод А. Тарковского

Тема Родины, любви к ней, труда во имя Родины – одна из основных в творчестве Х.-Б. Муталиева. В период с 1931 по 1958 годы Х.-Б. Муталиев был автором, участником или составителем двенадцати сборников стихотворений. Высокая творческая активность выдвинула его в число ведущих поэтов Ингушетии. В переводах на русский язык его стихи регулярно печатались в периодических изданиях Северного Кавказа, Москвы, в журналах «Дон», «Дружба народов», в газетах «Грозненский рабочий», «Комсомольское племя» и других. На родном языке стихи Муталиева печатались в газете «Сердало», в альманахах, учебниках и хрестоматиях. В литературах Северного Кавказа есть поэты, чье творчество послужило своеобразным мостиком, соединяющим устное народное творчество и письменную литературу. Поэзия Т. Бекова и Х.-Б. Муталиева послужила промежуточным, переходным этапом от старой народной формы «илли» к новой форме современного стиха, над созданием которого в дальнейшем плодотворно работали А. Озиев, С. Озиев, Дж. Яндиев и другие.

Несколько слов о новой системе стихосложения, которое появилось в ингушской поэзии с приходом в литературу названных поэтов. Основа этого стихосложения базируется на особенностях ингушского языка, име-

ющего постоянное ударение на первом слоге. Именно эти особенности способствовали возникновению силлабо-тонической системы, свойственной и русской поэзии. Наличие сходства в размерах облегчило ингушским поэтам возможность творческого восприятия большого опыта русского поэтического искусства. Стих Х.-Б. Муталиева отличается большим разнообразием, и именно в его творчестве видна данная преемственность. Наиболее часто встречающейся строфой его стихотворений является четверостишие с четырехстопным хореем.

Тематика произведений Х.-Б. Муталиева, как мы подчеркивали, весьма разнообразна. В период 30-х годов одной из основных тем поэзии и прозы, как известно, была тема коллективизации. Поэт посвящает этой теме такие стихи, как «Колхоз», «Два соседа» и другие. Основной художественный принцип, который использует Муталиев – принцип художественной антитезы. При этом повествование ведется незатейливо, просто и буднично: в стихотворении «Колхоз» рассказывается о сельских бедняках, нашедших благополучие и счастье в общем труде; в «Двух соседях» – рассказ о прошлой – бедной, забытой, угнетенной жизни Ахмета и нынешней – счастливой, радостной и благополучной. В стихотворении «Экажево» поэт ведет взволнованную речь о родном селе, когда-то сожженном деникинцами, о героизме и мужестве своих земляков:

*...Пока мы дышим молодости жаром, –
О сверстники мои, – путем борцов
Пойдем, не будем годы тратить даром,
Украшенные мужеством отцов!*

Перевод С. Липкина

Характеризуя поэтическое творчество Х.-Б. Муталиева, исследователь ингушской литературы И. А. Дахкильгов справедливо отмечает: «Поэзия Муталиева является ярким образцом служения своей эпохе, отклика на все значимые события. Главное внимание поэт нацеливает на идейное звучание своих стихов, но не всегда на должном уровне предстает их образное звучание. В этом плане поэт продолжал осваивать высоты поэтического творчества».

Начало XX века для ингушской поэзии, как и для литератур народов бывшего СССР, является эпохой потрясений и изменений, произошедших на всех уровнях художественного слова. Революционные преобразования общества и дальнейшее утверждение основ социалистического строя вызывают ускоренное развитие литератур. В новых создавшихся условиях ингушской литературе предстояла интеграция с социалистической действительностью, непосредственное участие в формировании новой поэтической культуры.

Родился 23 февраля 1923 года в селе Урожайном Терского района в крестьянской семье. Трудовую деятельность начал в октябре 1942 г. после окончания Нальчикского педучилища и первого курса Кабардино-Балкарского государственного педагогического института – в родном селе, учителем семилетней школы. В том же году был призван на военную службу и сразу направлен на фронт. Мухамед Хагуцирович боевое крещение принял в составе курсантского батальона Урюпинского военно-пехотного училища. В первом бою он получил тяжелое ранение и полтора года находился на излечении в госпиталях Гори и Владикавказа, потом был демобилизован. В 1944 году Шекихачева избирают первым секретарем Урожайненского райкома ВЛКСМ. Так началась его общественно-политическая деятельность, продолжавшаяся беспрерывно более 43 лет.

В 1946 году после окончания Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ Мухамед Хагуцирович работал секретарем, затем вторым секретарем обкома ВЛКСМ КБАССР. Главной задачей областной комсомольской организации являлось восстановление народного хозяйства. Мухамед Хагуцирович отдавал все свои силы мобилизации комсомольцев и несоюзной молодежи на восстановление промышленных предприятий, электростанций, особенно Баксанской ГЭС, хозяйств колхозов и совхозов. Кабардинская АССР, как и вся страна, залечивала раны после войны, входили в строй заводы и фабрики, электростанции, школы и больницы.

Обком комсомола перестраивал свою работу, обновлял руководящих работников. В марте 1947 года в отчете на XVI областной конференции ВЛКСМ было отмечено, что «из 236 делегатов 111 – участники Великой Отечественной войны, 144 имеют правительственные награды. Парни и девушки, прошедшие через горнило войны, возглавляют горкомы и райкомы комсомола, из 32 первых и вторых секретарей 25 – участники боев с гитлеровскими захватчиками».

XVI областная комсомольская конференция поставила конкретные задачи по осуществлению программы восстановления и дальнейшего развития экономики и культуры республики. Первым секретарем обкома ВЛКСМ был избран Биляр Кабалоев, вторым Мухамед Шекихачев.

В сентябре 1949 года Мухамед Хагуцирович был выдвинут на должность первого секретаря Нальчикского райкома партии. В 1950 году был избран депутатом Верховного Совета СССР третьего созыва. После окончания в 1956 году высшей партийной школы при ЦК КПСС, М. Х. Шекихачев в течение семи лет работал заведующим отделом пропаганды и агитации об-

кома КПСС. В эти годы обком партии проводил большую работу по дальнейшему совершенствованию аппарата партийных, советских и хозяйственных органов, улучшению идеологической работы. Более широкий размах приняла пропаганда экономических знаний, больше внимания стали уделять подбору и воспитанию пропагандистов, агитаторов.

В ноябре 1963 года на XXVIII областной партийной конференции Мухамед Хагуцирович был избран секретарем обкома и членом бюро обкома. На пленуме он был утвержден заведующим идеологическим отделом.

В 1965 году обком партии проводил значительную работу по ликвидации ошибочного решения о перестройке партийных органов по производственному принципу. Состоявшиеся в начале этого же года партийные конференции восстановили райкомы КПСС как полноправные органы партийно-политического и организационного руководства, оправдавшие себя многолетней практикой. Воссоздание райкомов и улучшение структуры горкомов КПСС на основе производственно-территориального принципа имело большое практическое значение. Это позволило поднять роль партийных организаций и их выборных руководящих органов в осуществлении стоящих задач. Проводилась большая работа по воспитанию трудящихся в духе дружбы и братства народов. С каждым годом крепили производственные, культурные связи с братскими республиками. Регулярно организовывали обменные радио- и телевизионные передачи, публикации обменных газетных полос.

Будучи хорошо подготовленным, преданным политике партии и советского государства, М. Х. Шекихачев завоевал доверие и уважение среди первых лиц руководящего состава республики. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета КБАССР, многие годы (1964–1985) был его председателем. Мухамед Хагуцирович был одним из тех, кто создавал Кабардино-Балкарское отделение советского комитета, а затем общества по связям с соотечественниками, проживающими за рубежом, активно налаживал, расширял и укреплял эти связи. Будучи уже на пенсии, он ряд лет успешно возглавлял это общество.

Ратные и трудовые заслуги М. Х. Шекихачева отмечены орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многими медалями.

Известный общественный деятель, ветеран войны и труда, внесший значительный вклад в развитие экономики и культуры Кабардино-Балкарии, Мухамед Хагуцирович Шекихачев скончался 1 сентября 1996 года.

По данным Центра новейшей истории

Мусса ДОКШОКОВ

Второй человек в республике

В конце 1960 года я был избран первым секретарем Зольского райкома партии. В результате мы с Шекихачевым оказались как бы в одной упряжке.

В то время обком партии, поручив руководство Зольским районом группе молодых работников, видимо, стал испытывать определенное беспокойство, и мы сами не могли не ощущать это. В начале 1961 года Т. К. Мальбахов закрепил за нашим районом М. Х. Шекихачева – самого опытного работника из всех заведующих отделами обкома партии. Перед ним была поставлена задача – взять на контроль нашу работу и оказывать району всю необходимую помощь. Так началось шефство Шекихачева над Зольским районом.

В течение месяца он бывал в районе два-три раза. И мы с ним не заживались в райкоме, ездили по селам, посещали колхозы, совхозы, производственные участки, встречались с руководителями и специалистами. Помощь и поддержка, которую оказывал Мухамед Хагуцирович району и лично мне, молодому неопытному первому секретарю, на которого в 28 лет была возложена ответственность за один из самых сложных в то время районов республики. Такая помощь в сочетании с повседневным вниманием Т. К. Мальбахова помогла тогда мне и моим коллегам обрести уверенность в своих силах, позволила в короткий срок добиться положительных сдвигов.

В 1969 году, когда я был назначен первым заместителем председателя Совета министров КБАССР, Шекихачев работал секретарем обкома КПСС по идеологии, а в Совете министров ему было поручено курировать сельское хозяйство. Казалось, задачи сугубо разные. Но я часто обращался к нему за советом, как к старшему и умудренному опытным партийному руководителю. Наши отношения до конца его жизни оставались теплыми и уважительными.

Борис ЗУМАКУЛОВ

Дела и поступки

Мухамед Хагуцирович Шекихачев был представителем яркой плеяды партийных, советских, хозяйственных руководителей, которые, вернувшись с полей сражений Великой Отечественной войны, самоотверженно, с полной

отдачей сил и энергии включилась в созидательную работу по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, созданию политической и социально-культурной инфраструктуры. Сделали они неопределимо много. А потому он имеет особые заслуги перед Кабардино-Балкарией.

Я познакомился с ним в период моей деятельности в комсомоле республики. Мухамед Хагуцирович тогда работал заведующим организационным отделом Кабардино-Балкарского обкома партии, был как бы куратором молодых, и как старший, опытный работник оказывал внимание и поддержку в наших делах и начинаниях. Несмотря на уже некомсомольский возраст, он был душой и мотором многих молодежных мероприятий. При его активной поддержке и личном участии был построен мемориальный комплекс комсомольцам и молодежи Кабардино-Балкарии, павшим в боях за Родину.

И когда мне пришлось работать в Москве в аппарате ЦК ВЛКСМ и в должности первого заместителя председателя Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, все годы не прерывались добрые отношения с бывшим шефом комсомола Шекихачевым. Будучи в Москве, он непременно звонил, и мы встречались как добрые друзья и земляки.

Не думал и не гадал, что судьба распорядится таким образом, что я вновь вернусь в республику, уже на партийную работу, где непосредственным моим руководителем окажется Мухамед Хагуцирович. Несмотря на то, что я тоже уже был не юноша, имел за плечами определенный опыт работы, прямо скажем, нелегко было адаптироваться в новой роли заведующего идеологическим отделом обкома.

Николай ШИНКАРЕВ

Вникающий в суть

...Где-то в сентябре 1967 года, когда вся страна готовилась отметить пятидесятилетие Великого Октября, в городской комитет партии зашел бывший первый секретарь Прохладненского горкома Николай Иванович Цыбин. Он сказал, что с ним разговаривал Т. К. Мальбахов и порекомендовал к юбилею переименовать станицу Екатериноградскую в станицу Кировскую. И для этого бюро горкома должно принять соответствующее решение.

Цыбину я ответил, что, прежде всего, надо посоветоваться с партийным активом Екатериноградской.

Практически сразу после этого разговора позвонил Мухамед Хагуцирович Шекихачев, предложил встретиться, желательно в станице Екатериноградской.

На следующий день у Триумфальной арки, возведенной в станице, мы и встретились.

Здесь я услышал от него такие слова: «Все люди любят свою историю. Это присуще всякому человеку, и грамотному, и необразованному. И большое горе тем нашим законодателям и правителям, многочисленным чиновникам, которые, следуя современной моде, пытаются извратить историю...».

Заехав в Екатериноградский совет депутатов трудящихся, где уже собралась вся станичная общественность, Мухамед Хагуцирович окончательно убедился в правоте своего мнения. Расставались на мосту через полноводную Малку. «Если потребуется помощь, – сказал он, прощаясь, – позвоню».

Я никогда не спрашивал Мухамеда Хагуцировича, как ему удалось переубедить Мальбахова и других членов бюро обкома партии, оставить все как есть, но знаю одно – это было весьма непросто.

Константин ЭФЕНДИЕВ

Гордое достоинство

Мы познакомились с Мухамедом Шекихачевым в далеком 1936 году, когда по воле одного высокопоставленного деятеля Кабардино-Балкарии оба были отчислены с педагогического рабфака за «малолетство» и в горьких слезах отправлены домой. Через год и он, и я поступили в педагогическое училище, где завязалась наша крепкая дружба, прерванная начавшейся войной против фашистских захватчиков и продолжившаяся после победы, до самой смерти.

В 1944 году М. Х. Шекихачев был ранен в одном из ожесточенных боев и после лечения в госпитале уволен из Красной армии. Вскоре после возвращения домой его, молодого коммуниста, избрали первым секретарем Урожайненского райкома комсомола. Здесь он показал себя умелым организатором патриотического воспитания молодежи и перспективным работником с большим потенциалом. С учетом этого обком ВЛКСМ, во главе которого стоял в тот период Билар Емазаевич Кабалоев, направил его на учебу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

Через год в Москву, в ту же школу, обком комсомола направил и меня. Мы с Мухамедом неразлучно провели там целый год, совмещая учебу с частым посещением московских театров, музеев и других достопримечательностей столицы. В этой школе мой друг полюбил симпатичную девушку Юлию Николаевну Чиркову из Марийской АССР и женился на ней. Мы справили там их свадьбу без особого размаха, и по окончании школы они отбыли в Нальчик неразлучной супружеской парой.

Весной 1949 года в жизни нашей республики произошло знаменательное событие: по рекомендации ЦК первым секретарем Кабардинского обкома партии был избран Василий Иванович Бабич, подлинный интернационалист, общительный и доступный человек, который в годы войны служил на фронте начальником политического отдела армии, а до направления в нашу республику работал секретарем ЦК Компартии Киргизии. Он был сторонником смелого выдвижения молодых работников на руководящую партийную и советскую работу, и, обратив свой взор на Мухамеда Шекихачева, рекомендовал его на пост первого секретаря Нальчикского райкома ВКП(б). Вскоре он был избран руководителем этого райкома, а несколько позже – депутатом Верховного Совета СССР. Отмечу, кстати, что Шекихачев

на тот период являлся самым молодым первым секретарем райкома партии и самым молодым депутатом высшего органа государственной власти страны во всем Советском Союзе.

Юрий ШУРДУМОВ

Не жалевший себя

В конце 1975 года Т. К. Мальбахов пригласил меня к себе и предложил перейти с должности второго секретаря Октябрьского райкома партии на работу в аппарат обкома партии, в промышленно-транспортный отдел. Через год мне предложили должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации, где я в течение четырех лет непосредственно работал с М. Х. Шекихачевым. Затем я возглавлял этот отдел и позже – идеологический.

А познакомился с М. Х. Шекихачевым еще в 60-х годах, когда работал на Нальчикском гидрометаллургическом заводе. Дело в том, что я учился в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте, а затем работал на этом предприятии в течение пяти лет с его племянником Зауром Макоевым, который, кстати, трудится на этом заводе и в настоящее время. И вот на его свадьбе я с Мухамедом Хагуцировичем и познакомился. Помню, как Шекихачев заинтересованно и живо расспрашивал о делах на заводе, как решаются социальные и молодежные проблемы. А завод в то время был одним из самых передовых в республике и отрасли.

М. Х. Шекихачева неофициально называли главным идеологом республики, он непосредственно руководил тремя отделами обкома: пропаганды и агитации, науки и учебных заведений и культуры. Впоследствии эти три отдела были объединены в один – идеологический. Он курировал работу газет, радио и телевидения, министерств культуры, образования, Госкомиздата КБР, вузов и других учебных заведений.

У него огромные заслуги в налаживании связей с соотечественниками, проживающими за рубежом (в Иордании, Сирии, Турции, других странах). В то время заниматься этими вопросами было нелегко. Но, используя каналы по линии общества «Родина», ежегодно мы направляли в эти страны и принимали оттуда официальные делегации, готовили для них специальные учебники, регулярно посылали книги, газеты, журналы на кабардинском языке, организовывали для них специальные радио- и телевизионные передачи. Ежегодно принимали на отдых детей. Наши специалисты в области культуры и образования находились в этих странах и оказывали помощь в изучении языка, сохранении традиций. В те годы начали возвращаться на историческую Родину наши соотечественники.

М. Х. Шекихачев много времени, сил, энергии уделял вопросам создания, открытия новых вузов и других учебных заведений, учреждений культуры и искусства, подготовке национальных кадров для всех отраслей народного хозяйства, особенно для сферы культуры и образования. Все эти вопросы он решал с Т. К. Мальбаховым через ЦК КПСС, министерства и ведомства

страны. Он непосредственно руководил организацией массовых мероприятий, проводимых в честь знаменательных событий в жизни республики. Регулярно проводились Дни культуры, искусства и литературы Кабардино-Балкарии в Москве, Украине, Латвии и других регионах, а также Дни культуры этих регионов в Кабардино-Балкарии. Поддерживались дружеские связи и проводились соревнования с Винницкой областью Украины, Липецкой областью, с нашими ближайшими соседями. Все эти мероприятия способствовали укреплению дружбы между народами нашей страны, интернациональному и патриотическому воспитанию нашей молодежи.

Зинаида НАКОВА

Добрая память

Как много связано с именем этого человека – мужественного, трудолюбивого, талантливого и по-горски гостеприимного. Мы, идеологи, всегда находили ответы на трудные вопросы у него.

Под руководством М. Х. Шекихачева созданы новые школьные здания, клубы, музыкальные школы, бытовые предприятия. В селах, в Тереке проходили выступления самодеятельных коллективов, в которых были объединены любители пения, танцев, драматического искусства. Традиционно проводились музыкальные фестивали и встречи с коллективами соседних районов: Кировского – Северной Осетии, Малгобекского – Ингушетии, Мартыновского – Ростовской области, районов Ставропольского края.

Терек... Река Терек знакома многим. На берегу Терека, недалеко от поселка Джулат, Мухамед Хагуцирович решил познакомить нас с членами делегации Турции, а их – с достопримечательностями района. Гостей мы решили угостить дарами нашей природы и земли: виноградом, грушами, арбузами...

Я и еще две-три женщины мыли фрукты, овощи, расставляли посуду на столах, а Мухамед Хагуцирович рассказывал членам турецкой делегации о нас:

– Это Зинаида – секретарь райкома, другая, Ирина, – овощевод, Тина – начальник узла связи...

Но у турецких женщин никакой реакции, стоят, разговаривают, курят. Мухамед Хагуцирович продолжает свой рассказ:

– Зинаида – гуащэ района, у Ирины 150 гектаров земли, на которых выращивают овощи, и т. д.

Турчанки сразу подошли поближе и говорят нам:

– Давайте мы будем мыть овощи и фрукты, а вы садитесь, отдохните.

Так Мухамед Хагуцирович познакомил нас с турчанками. Годы работы с ним незабываемы...

Анатолий ХАЖУЕВ

Нерастрченная энергия

Мое знакомство с Мухамедом Хагуцировичем Шекихачевым состоялось в пятидесятых годах прошлого столетия в селении Урожайном, когда он вернулся в отцовский дом повидать родителей и родственников. Я находился в гостях у Шекихачевых – Хамиши и моего друга, младшего его брата, Хашаа, а Мухамед зашел к ним проведать Тру, своего дядю. Мне тогда он показался слишком тихим человеком для занимаемой им должности в республике. Думалось, что такой высокий пост предполагает другое поведение, более строгое, замкнутость, что ли. А перед нами был улыбчивый, совсем простой, склонный к юмору человек.

Следующая наша встреча состоялась уже в шестидесятых годах, когда начались хрущевские эксперименты и были образованы колхозно-совхозные управления. Меня пригласили на собеседование к Тимборе Кубатиевичу Мальбахову, первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС, по поводу назначения комсоргом обкома ВЛКСМ, а представлял меня Мухамед Хагуцирович.

В том, что на комсомольском попроче я стремительно пошел вверх, заслуга Шекихачева. Вскоре меня избрали членом обкома комсомола, членом бюро обкома ВЛКСМ, председателем совета молодых кукурузоводов Кабардино-Балкарской АССР. Когда закончился мой комсомольский возраст, Мухамед Хагуцирович рекомендовал меня на должность заведующего орготделом Терского райкома партии, непосредственно работающего под его руководством. Я часто обращался к нему по служебным вопросам.

Помню, как он возглавлял делегацию Кабардино-Балкарской АССР на совещании партработников Северного Кавказа и Поволжья, проводимом ЦК КПСС по политинформации в Краснодаре. Заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС Разумов, который вел совещание, несколько раз обращался по имени-отчеству к Шекихачеву, ссылаясь на его выступление. Эпизоды пребывания на этом крупном совещании я запомнил навсегда.

М. Х. Шекихачев рано ушел из жизни. Но память о нем, обо всем осуществленном этим мудрым, светлым человеком, сохранится в сердцах всех, кто его знал, и останется в истории Кабардино-Балкарии.

Мухамед ХАФИЦЭ

Произносим с трепетом

На первом курсе КБГУ я начал переписываться с турецкими адыгами, позже – с соотечественниками из Иордании, Сирии, Израиля, США. Мухамед Хагуцирович всячески поощрял мои подвижки. При его содействии в марте 1969 года я побывал в Сирии и Ливане. М. Х. Шекихачев несколько раз встречался с туристической группой, отправлявшейся впервые в истории Кабардино-Балкарии к братьям и сестрам на Ближний Восток. Его мудрые

наставления и советы помогли нам ближе узнать черкесов, проживающих в Дамаске, Хомсе, Алеппо и Бейруте.

Хотелось бы вспомнить еще про одну поездку на Ближний Восток. Ее организовал обком комсомола. Как всегда, группу курировал и наставлял М. Х. Шекихачев. Поездка была ответственная – в канун 60-летия комсомола. Поэтому Мухамед Хагуцирович поручил мне нелегкое дело – формирование делегации.

Телеграфное агентство Советского Союза несколько раз сообщало в новостях об успехе молодежной делегации из Кабардино-Балкарии на концертах в советских культурных центрах в Дамаске и Аммане, выступлении в посольстве СССР в Иорданском Хашимитском Королевстве.

По возвращении Мухамед Хагуцирович встречал нас, как героев, слушал наши рассказы о Ближнем Востоке, деятельности черкесских благотворительных организаций в Сирии и Иордании, интересовался активистами тамошних Хасэ, которые своим ежедневным трудом укрепляют культурные связи с Адыгеей, Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкесией.

Мухамед Хагуцирович стоял у истоков сближения с потомками тех, кто невольно потерял родину после окончания Русско-кавказской войны. Его имя с благоговением произносят представители старшего поколения черкесского зарубежья и десятки репатриантов, которым он помог вернуться на родину.

М. Х. Шекихачев, уйдя на заслуженный отдых, несколько лет возглавлял Кабардино-Балкарское общество «Родина». Ежедневно я видел, сколько сил и энергии Мухамед Хагуцирович тратил на решение больших и малых проблем наших соотечественников за рубежом и репатриантов, обретших, наконец, отчий дом.

Мы (я и многие мои друзья) с трепетом произносим имя незабвенного М. Х. Шекихачева – человека высокообразованного, волевого, культурного и глубоко порядочного, чувствовавшего чужую боль острее собственной.

Алексей КУШХАУНОВ

Скромность и интеллект

В Советском Союзе идеологическая работа была самой ответственной, самой тонкой и самой уязвимой сферой деятельности партии. Кадры здесь, естественно, подбирались с особой тщательностью и скрупулезностью. И вполне закономерно, что в областном комитете КПСС на протяжении десятилетий эту сферу возглавлял Мухамед Хагуцирович Шекихачев – сначала в должности заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем секретаря по идеологии.

Партийная работа, работа с людьми, забота о них стали содержанием жизни Мухамеда Хагуцировича Шекихачева. Менялись должности и, естественно, росла ответственность за принимаемые решения. Он не боялся неизбежных в те годы трудностей, руководствовался выстраданным с юных лет правилом: не обходить эти трудности, а разрешать их. И главным объектом его повседневных забот всегда оставался человек, будь тот руководителем большого коллектива или рядовым тружеником.

За советом и помощью к нему приходили руководители и члены творческих союзов республики. Приходили писатели и художники, актеры и режиссеры, журналисты и архитекторы. Со всеми, без исключения, у него складывались ровные, уважительные отношения. Он умел прислушиваться к чужому мнению, оценить предложение, но в принципиальных вопросах бывал неуступчив, а иногда и непреклонен. Он искренне переживал по поводу низкой заработной платы работников культуры, литературы и искусства. Но это было проблемой в масштабах всей страны, и в условиях республики, изолированно, ее невозможно было решить – ставки устанавливались в Москве. Единственный выход состоял в том, чтобы наиболее талантливым мастерам присваивать почетные звания, которые давали право на определенные доплаты и льготы.

Хачим КАУФОВ

Поддерживавший факел

Я не принадлежал к кругу людей, близких к Мухамеду Хагуцировичу Шекихачеву. Друзьями-коллегами мы тоже не были: в силу разницы в возрасте, общественном положении и по ряду других причин. Не относился я и к числу так называемых молодых кадров, которым он покровительствовал. Но я всегда испытывал большое уважение к нему, как к личности, к его умению организовать свою работу и работу других, всегда искренне говорил о многих достойных подражания качествах его характера. Хотя, будем откровенны, иногда и доставалось от него – не всегда, как мне казалось, заслуженно. Что ж делать, высокое начальство есть высокое начальство. Куда важнее другое. По моему глубокому убеждению, наши воспоминания о таких деятелях должны служить делу сбережения правды истории и правды жизни. А это будет возможно лишь тогда, когда мы, высвободившись из плена субъективных представлений, научимся трезво и объективно оценивать людей и события.

Все это я к тому, что слишком много уже пролито чернил с целью опочить советский период нашей истории и его людей – прежде всего, тех, которые стояли у руля власти. Часто по причине личного недовольства, стремления свести счеты с тем или иным лицом. Нередко бывших «головных журавлей» ругают по незнанию – и людей, и обстоятельства, в которых протекала их деятельность.

И каждый из них тоже нес вперед свою правду, каждый думал, что это и есть та самая-самая, которая больше всего и требуется народу здесь и сейчас. Ошибался? Случалось и такое. Вожди ведь тоже люди. Со своими слабостями и недостатками. Если ошибки совершали не по злему умыслу, а по заблуждению, можно и простить.

К этому следует добавить, что разорванность образа непрерывного времени, фрагментарность исторического сознания могут представлять наибольшую опасность для будущего малочисленных народов.

Мадина БУРАНОВА,
зав. сектором научно-технической
информации библиотеки КБГУ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ БОРИСА УТИЖЕВА

ІзфЫпсщ дунейр, ар минрэ нэщІу щытми.
Іутыж Борис

29 октября в актовом зале КБГУ Научная библиотека организовала вечер памяти Бориса Кунеевича Утижева – талантливого ученого, драматурга, журналиста, педагога, художника-скульптора, человека на редкость необычайной души. Трудно смириться с мыслью о том, что его больше нет с нами. Безусловно, эту невосполнимую утрату разделяют тысячи наших соотечественников, для которых Борис Кунеевич является олицетворением своего народа, чьи мысли и жизненные правила служили для всех кодексом чести и веры в будущее. Борис Утижев – человек, чье имя вызывает глубочайшее уважение, чей авторитет непререкаем. Сегодня мы вспоминаем о нем и гордимся за истинного сына своей земли, казалось бы, сделавшего так много, но не успевшего донести до всех многогранность своих мыслей и творческих устремлений. «Как передать свой духовный опыт иначе, чем рассказать о себе и о своем народе?» – этот вопрос всегда волновал пытливого ум человека, чья вера в свой народ была столь неистовой, непоколебимой.

В силу отпущенного им Богом таланта, он смог донести до людей красоту своих мыслей, глубокое понимание окружающего мира через слово и уникальные творения его художества. Работы «Горянка», «Задумавшийся» и «Подхалим», работы, посвященные нартской тематике, адыгской героике: «Прикованный Нарсен», «Сатаней», «Черкес на воле» и другие исполнены с безупречным мастерством художника. Занятия резьбой по дереву были непривычны для студента историко-филологического факультета. Эта сторона таланта обратила внимание известного журналиста О. Данилюка. В одной из своих статей он отмечает: «Что же дальше, чем еще порадует людей удивительный человек? Хотя, в общем, он такой же, как и все мы. Только вот (помните!) это он остановился тогда у сваленного на землю дерева... Он погладил чуткой рукой шершавую кору и увидел сквозь нее то, что мы не смогли разглядеть».

Творческий человек интересен и притягателен – в его творчестве всегда присутствует духовность, эмоциональность и широта мысли. Именно в этих истинах заключена оригинальность таланта Бориса Утижева.

Имя Бориса Утижева навсегда останется среди имен лучших выпускников нашего университета. Еще будучи студентом он обратил на себя внимание своей увлеченностью литературой и изобразительным искусством. Принимал активное участие в литературном кружке университета, вместе с другими студентами выпускал литературную газету «Хасэ». Бо-

рис Утижев был одним из создателей мужского хора, в исполнении которого звучали старинные кабардинские песни. О нем часто писали в студенческой газете «Университетская жизнь». Еще раньше о нем писали как о молодом поэте-сатирике и мастере карикатуры. На памятном вечере Адам Гутов поделился своими воспоминаниями, подмечая тонкими и ироничными ремарками случаи, связанные с утижевскими шаржами. Лица людей – была частая тема его рисунков. Без доли сарказма в них отображался неповторимый юмор художника.

Книга «Адыгэ хабзэ», явилась прощальной исповедью писателя. Буквально за несколько дней до смерти, в предчувствии неотвратимых перемен, он обратился к Феликсу Хараеву с просьбой помочь опубликовать завершённый им труд.

Автор писал о ценностях своего народа, надеясь, что его творчество будет способствовать более объективному пониманию истории адыгов, их менталитета, добрых и мудрых устремлений его народа в будущее, которые нашли отражение в уникальной сокровищнице «Адыгэ хабзэ». Мозаичная структура текста сценария, его кажущаяся эклектичность при внимательном прочтении оказывается хорошо сбалансированным целым, где исповедальная тональность автора подчинена одной идее – суметь передать духовную автобиографию своего народа, нравственный и этический урок, который он вынес из законов Вечности.

Увы, книга не увидела свет при жизни автора. Сегодня она издается как духовное завещание потомкам, как богатейшее наследие художественного дара Бориса Утижева, обращенное к молодому поколению читателей. Сколько значимости, чувств вложено в каждое слово Бориса Утижева – Человека, несшего особую миссию на Земле – хранителя культуры, родного языка и литературного наследия родного народа.

Своими впечатлениями о вечере делится директор библиотеки КБГУ, заслуженный работник культуры КБР Роза Уначева: «Хочу поблагодарить присутствующих в зале людей за этот удивительный вечер, всех кто принимал активное участие в вечере памяти Бориса Утижева. Сегодня здесь собрались люди, глубоко почитавшие творчество народного писателя, разделяющие его убеждения и взгляды на жизнь. Можно сказать, зал собрал целую семью, и в этой взаимосвязи единства видишь, насколько невозможной для всех представляется утрата такой личности, как Борис Утижев. Но сколь ни сильна боль этой утраты, надо суметь ее преодолеть. Преодолеть это чувство помогает вера самого писателя в свой народ, его неутомимая энергия творца, открывавшего людям истоки мироощущения и счастья. На протяжении всей своей жизни он шел уверенно, шаг за шагом, не сворачивая с пути, не изменяя своим убеждениям.

Пишкан ТАОВ,
академик РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ

ПОСЛЕДНИЙ ТЯЖЕЛОВЕС КАБАРДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Человеческая судьба – очень тонкая материя. Ее никогда полностью не предугадать и не просчитать. И никому не дано знать наперед, что таится там, за очередным жизненным поворотом: светлое будущее или вечная память. Этот материал рвется всегда неожиданно и очень болезненно.

Борис Утижев ушел из жизни полным творческих замыслов, когда, обогащенный огромным опытом, был готов служить своему делу безраздельно.

Драматург, писатель, публицист, ученый-языковед, художник и знаток истории своего народа – Утижев полностью, пожалуй, не вмещается ни в одну из этих ипостасей.

Ценность его многогранного творчества состоит в том, что в нем отразилась история и весь ход развития самобытной культуры кабардинского народа. Он сумел постичь всю глубину национальной духовности.

Оказавшись в одном ряду с самыми видными и талантливыми представителями современной научной и художественной интеллигенции, он никогда не отрывался от своих корней.

Сын лесника из селения Зарагиж – Борис Утижев стал поистине народным писателем, и это не просто звание, это самая полная и точная его характеристика. Он – неотъемлемая часть своей родины, питавшей его удивительное творчество. Его литературный псевдоним говорит сам за себя – А. Зарагиж. Утижев представляет реальность не только через призму личного восприятия, но и как мировидение того военного и послевоенного поколения, на долю которого выпало столько невзгод и лишений, и к которому он сам принадлежал.

Говорить о каком-то особом влиянии, способствующем зарождению его таланта, не приходится. Великолепная окружающая природа, детские игры с волчками и кнутами, народные представления с ажигафой-скоморохом... Все это было у каждого из нас, его сверстников. Но далеко не у всех возникло неумное желание изобразить запечатлевшееся в памяти художественными средствами. Факты биографии и впечатления детства во многом предопределили систему его ценностей в художественном мире. О своих героях он знает не понаслышке, а изнутри. И в центр повествования выдвигает их духовные утраты и обретения. Но с годами в его творчестве все яснее проявлялась потребность поглубже заглянуть в историю этноса, его культуру, понять, разобраться в особенностях развития и современного состояния словесного творчества. В его творениях (будь то литературные или художественные), ощущается стремление к воспроизведению своего подлинно национального мировидения, желание припасть к родным истокам, раскрыть глубинные тайны бытия. Прежде всего, Борис Кунеевич всегда ставил перед собой задачу увязать создаваемые художественные образы с образом времени и родной земли, что делает его глубоко современным и глубоко национальным художником.

* * *

Для всех нас, кто знал Бориса близко, он останется воплощением истинного горца, с молоком матери впитавшего все многообразные оттенки Адыгэ Хабзе – уникального свода правил и норм поведения, – чью основу народ сохранил изустно. Внутренне он очень гордился прошлым своего народа, стремился всеми имеющимися средствами приумножить унаследованное от предков культурное достояние. «Этим-то он и заслуживает быть наследником духа предков. И, желая материализовать этот зов предков, воспринять и выразить его, не знает ни лености, ни безразличия. Это наследие превратилось в творениях мастера в великолепную гармонию высокого художественного мироощущения, оно стало действенным в руках того, кто делает усилия быть его достойным». Это мнение критики вполне справедливо. И еще такой штрих к портрету Утижева. Как самую большую ценность Борис хранил старый отцовский башлык, который, вместе с другими собираемыми им старинными предметами одежды и быта, намеревался со временем передать старшему из своих пятерых детей. К сожалению, это время наступило слишком рано. Не выдержало сердце, чутко реагировавшее на малейшую несправедливость. Очень скромный в обыденной жизни, он умел быть принципиальным, и даже жестким в отстаивании справедливости, независимо и непринужденно держаться с высоким начальством и доброжелательно, добросердечно – с коллегами и учениками.

Приветливый и гостеприимный, без показной доброты, он не выносил фальши в отношениях, не делал пустых заверений, а всегда старался помочь – если это было кому-то нужно – конкретным действием. Вот только отвечать тем же ему не всегда торопились...

* * *

Творчество Утижева – уже давно составляет неотъемлемую часть кабардинской национальной культуры. С годами мастер острее видел и чувствовал свою цель, свои задачи, у него определились четкие взгляды на мир и искусство в нем. Постигая жизнь, утверждаясь в ней, ищущий художник серьезно размышлял о своем призвании, обо всем, что является основой искусства. Но работа над языком, процесс овладения литературным мастерством играл для него ключевую роль. Он заявил себе как независимый глубокий исследователь уже с первых работ по лингвистике, как бы разделив своим многогранным творчеством кабардинскую литературу на две эпохи: до и после появления его произведений. Утижев отыскал неиссякаемый источник красоты и силы родного языка. Обогатил и расцветил яркими красками литературный кабардинский язык, просто и изящно решив актуальные вопросы адыгского языкознания, в частности грамматики и лексикологии. И теперь это уже данность, отрицать которую вряд ли кто станет.

Борис никогда специально не ставил себе завышенных планок ни в искусстве, ни в жизни, не стремился любой ценой достичь почестей и престижных должностей. Он просто искал возможность самовыражения, порой долго и мучительно. И имел страстное стремление к определенному профессиональному статусу и уровню.

Казалось, что он существует в другом измерении, в некоем многомерном пространстве и для него вполне естественно совмещать множество вещей. Свободно мог бы стать художником, либо скульптором, чеканщиком или поэтом – ведь все это давалось ему легко и всегда влекло необыкновенно. Но главным делом своей жизни он все же сделал живое общение со словом –

литературу, драматургию. А мы обрели удивительный мир неповторимого утижевского языка.

Отличившийся не сословной, а внутренней интеллигентностью, прекрасно владевший русским языком, Борис всегда начинал разговор по телефону с приветствия на родном наречии. Это было его визитной карточкой. Так он тактично представлялся невидимому собеседнику.

Как личность, он вобрал в себя и переплавил недюжинным интеллектом огромное наследие человеческой культуры, начиная с древнейших времен. Первым из кабардинских литераторов обратился к античному сюжету. Трагедия «Эдип», написанная по мотивам древнегреческой легенды, поистине стала откровением для местного зрителя. Ему удалось через этот античный сюжет «представить суть волновавших его проблем в окружающей действительности». Недаром критика назвала его «Эдипа» истинно кабардинской пьесой. К тому же Утижев предстал здесь еще и как режиссер-постановщик. И сразу успех. На региональном фестивале «Сцена без границ» во Владикавказе в 2002 году спектакль, как лучший, был отмечен дипломом и специальным призом.

Но до этого Утижев уже прошел значительный творческий путь, который вовсе не был усыпан розами, впрочем, как и любого творца-новатора. Его первая книга увидела свет лишь когда автору было уже за сорок и он считался довольно известным драматургом. К тому времени его пьесы с успехом шли на сценах различных театров. И каждая становилась событием. «На Утижева» ходили, о постановках спорили, к ним всегда был повышенный интерес у людей самого разного возраста и социального положения. Динамичность сюжета, острота конфликта – это то, что, несомненно, делают пьесы сценическими и злободневными во все времена.

Собственно, зачем мы ходим в театр? Полагаю – за правдой. Даже стремясь развлечься, посмеяться, зрители бессознательно ищут в этом храме искусства ответ на вопрос, который, возможно, сами не могут сформулировать. А Утижев, начав пьесу с самого обычного повествования, приводит нас к глубокому философским обобщениям, умело открывает истинные краски мира. Стремится к правдивости сценического слова, к художественному воссозданию исторических фактов биографии своего народа. И, выйдя из театра, люди смотрят вокруг уже совершенно другими глазами. К тому же Борис был одним из самых стойких и смелых авторов советского времени, писал только то, что считал нужным, и к чему лежала душа. Конечно, это не могло не вызывать неудовольствия властей предрежжащих, умудрившихся даже запрещать постановку некоторых его пьес на исторические темы. Впрочем, все произведения Бориса Утижева позволяют считать его автором кабардинской поэтической драмы. Не случайно Борис Кунеевич выбирал для своих произведений сюжеты из наиболее драматических периодов жизни адыгов. Историческая направленность отчетливо просматривается в пьесах «Лъгыгъэ жэщ» – «Ночь кровопролития», «Адыгэ хьыбарыжь. Мазагъу» – «Старинное адыгское предание, или Мазаго». О крестьянских волнениях в Кабарде под предводительством Дамалея Мамсырыка был поставлен спектакль «Дамэлей», демонстрировавшийся в Турции. Да и его первая пьеса, драма-сказка «Нартхэя дыгъэ» была написана по мотивам нартского эпоса еще в 1970 году.

Создай он лишь одну только пьесу «Тыргатао», и тогда бы обессмертил свое имя. Она навсегда останется классикой адыгской драматургии. Спектакль, повествующий о событиях, имевших место в древнем адыгском государстве Синдика, и судьбе меотской царицы, демонстрировался в Москве, Черкесске,

Элисте. Переведен и на арабский язык. Его с восторгом встретили в странах Ближнего Востока. Своим творчеством Борис Утижев донес до соотечественников голос Родины, которой они лишились более века назад.

Об отношении Утижева к этой животрепещущей теме – разговор особый. Чужбина может приютить, но дать жизненную силу способна только Родина. Волею судьбы заброшенные на чужбину махаджеры, никогда не думали, что не смогут когда-нибудь вернуться назад на историческую родину. Самые горькие строки он посвятил тем, кто погиб на пути в изгнание, умер от голода, эпидемий, оскорбления национального достоинства. И искренне радовался тому, что, пройдя через невзгоды и лишения, его соплеменники сохранили свою самобытность, язык и этикет. За вклад в становление и развитие культурных связей с соотечественниками Б. Утижев стал Лауреатом международной премии М. Кандура.

* * *

Великой силой обладает слово, сказанное в нужное время. Подтверждением тому служат многочисленные статьи, очерки и новеллы мастера, сыгравшие значительную роль в том, чтобы малые эпические формы приобрели свое национальное лицо и традиции. Публикации Утижева имеют важное значение для изучения духовного наследия народа, поскольку в них освещены многие вопросы истории и культуры адыгов. Он пытается осмыслить и большой пласт культурологического и эмпирического материала, затрагивающего проблемы различных цивилизаций далекого прошлого. Стремится выстраивать в единое целое многовековую историю мировой культуры, рассматривать ее как сложное явление, которое развивается во времени и по своим законам. Он как настоящий ученый исследует душу человека, его природу, находится в бесконечных поисках космической сущности. Умный, внимательный собеседник, Борис Кунеевич утверждал, что отношение к родному языку свидетельствует об отношении к своей Родине, своей земле, своим корням. Его можно было зачарованно слушать и бесконечно удивляться.

Утижев виртуозно владеет словом. Ему подвластны все жанры без исключения. Его проза многослойна, насыщена образами и смыслами, создающими приметы его особого художественного мышления. Наделенный от природы тонким поэтическим даром восприятия жизни, Утижев, развил его, добился редкой цельности и ясности языка. Его поэтические сборники всегда становились дорогим подарком для истинных ценителей родного языка и почитателей его самобытного дара, к которым я отношу и себя. Одна из последних его книг – «Гушцагыц|Эльхэр» – «Сокровенность», в которой нашла отражение облеченная в слове субстанция духа поэта. Обращением к сонетам – этой непростой стихотворной форме – он продемонстрировал органичность ее звучания на кабардинском языке, свое умение философского обобщения.

У меня на столе лежит и его сборник эпиграмм и дружеских шаржей на известных литераторов, артистов, его коллег по творческому цеху. Называется он «Юмористическая смесь» – «Гушы|Эшры|», и являет еще одну грань дарования моего друга – как художника-карикатуриста, – обладающего добрым юмором, редкой наблюдательностью и отточенным мастерством рисовальщика.

Но, конечно же, всенародную любовь принес ему комедийный жанр. До чего же разнообразна жанровая палитра его комедий! Тут и водевиль «Бунт невесток», и фарс «Красавица Хацаца», и комедии «С добрым смехом», «Жамуга в Африке». В небольшом зале театра им. А. Шогенцукова

на его спектаклях негде было яблоку упасть. Аншлаг был всегда. Драматург специально заостряет внимание на негативных явлениях действительности. Образы героев гиперболизированы до крайности. Причем он максимально полно использует лексические резервы. Вот когда заискрился, заиграл всеми красками кабардинский язык!

Больше всего его сместила человеческая фальшь, пронизывающая поведение многих людей. И он спасался от нее, уходя в творчество, в тот созданный им мир, который чище и возвышеннее действительности.

Творчество Бориса Утижева – это прорыв в глубины народного духа. Яркое свидетельство тому и его драма-повесть «Кхъужьейбэ» – «Грушевая роща», написанная в жанре философской притчи. В ней он обращается к молодому поколению соплеменников с вопросом: «Возможно ли дальше жить в ладу с собой, игнорируя ценности отцов?». Думается, что именно в этом произведении зашифровано его жизненное кредо – «стремясь в будущее – дорожить прошлым».

Признанный мастер слова, он занимался не только воплощением собственных замыслов, но и изданием произведений своих коллег.

О своем профессиональном выборе Борис Утижев никогда не пожалел, ибо литература была для него и любимой работой, и смыслом жизни. Она являлась панацеей, помогавшей пережить все трудности нашего времени. Поэт всегда идет в авангарде, выражает чаяния и думы народа. И во многом благодаря его усилиям высокохудожественный литературный и общественно-политический журнал на кабардинском языке «Ошхамахо», главным редактором которого он являлся долгое время, выходит сегодня радуя своих читателей. Целая плеяда молодых авторов стала здесь «на крыло», получила бесценные уроки работы со словом, научилась ценить родной язык. В первую очередь их вдохновлял пример наставника.

Романтик и фантазер, воспитанный своим временем на определенных духовных ценностях, Утижев просто не мог изменить своим убеждениям. Он один из немногих в нашей стране деятелей искусства, кто ясно понимал, что сохранить культуру малочисленных народов можно не ее обособлением, а интеграцией в постоянно развивающуюся мировую цивилизацию.

И сегодня уже не столько надо скорбеть о том, что ушел, пожалуй, последний из самых мощных тяжеловесов кабардинской культуры, поднявший духовное достояние родного народа на заслуженную высоту, сколько гордиться тем, что он жил и творил, был нашим современником.

На фоне основных вех его жизненного и творческого пути стоит определить то новаторское, что он внес в культуру кабардинского народа. Закономерности становления и развития его творчества следует рассматривать как индивидуально неповторимые, и в то же время как выражение общего процесса, свойственного и российской, и мировой культуре.

Полагаю, что решение об увековечении памяти Бориса Утижева будет принято на правительственном уровне. За вклад в развитие культуры, укрепление научного и кадрового потенциала стоило бы назвать его именем одну из улиц города Нальчика, посвящать его памяти ежегодную международную научно-практическую конференцию по актуальным гуманитарным проблемам современности, учредить стипендию его имени.

Могучие импульсы его творчества всегда будут нести свет доброты и надежды, подобно тому как свет погасшей в просторах мироздания далекой звезды и через века освещает людям путь к высокому искусству, согревает человеческие души...

Сафарби БЕЙТУГАНОВ

ПУШКИН, КАЗЫ-ГИРЕЙ И ДРУГИЕ

Послесловие к «Долине Ажитугай»

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения.*

Издатель

Пушкин А. С. Соб. соч. в X томах. Т. VI. М.: Правда, 1981.

* * *

Существует выражение: у каждого свой Пушкин. Оно характеризует отношение читателя к художнику слова. Каждый читатель по-своему воспринимает автора, и, как говорится, один другому не указ. И это объективно, поскольку – по справедливому замечанию Канта – «прекрасное субъективно и его оценка не может быть доказана».

Иное дело литературоведение. Здесь, помимо субъективного восприятия текста, требуется его объективный анализ, который, увы, далеко не всегда удается даже самым известным исследователям. Обратимся к одному примеру.

Ю. М. Лотман пишет: «В 1836 г., публикуя в «Современнике» довольно слабый рассказ Казы-Гирея «Долина Ажитугай», Пушкин сопроводил его заметкой, в которой писал: «...любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения.*»

Кабардинские литературоведы (Андрей Хакушев, Раиса Хашхожева) приводят только первую половину отзыва Пушкина, процитированного Ю. М. Лотманом. Поэт сообщал: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке».

Как видно, у исследователей свой Пушкин. Разнеся по клочьям мнение поэта, они исказили целостную его картину, обеднив тем самым и Султана Казы-Гирея.

Касааясь Ю. М. Лотмана, невозможно пройти мимо его оценки: «До-

вольно слабый рассказ Казы-Гирея «Долина Ажитугай». Этот взгляд прямо противоречит восклицательной интонации первого поэта России, который дорожил каждым своим словом. А он охарактеризовал «Долину Ажитугай» как явление в русской художественной литературе. Более того, в качестве редактора Пушкин не решился переменить в нем «ни одного слова».

При желании можно допустить, что Пушкин перехвалил Казы-Гирея. Можно было, если бы не одно *но*. Его литературный враг и тонкий ценитель слова Ф. В. Булгарин, который не упустил бы случая лишний раз съязвить, так же положительно отозвался о «Долине Ажитугай», сказав, что «прочие статьи *пришиты для балласта* к статье «Долина Ажитугай», что она одна составляет литературное достоинство первой книги «Современника».

Приведя эту выдержку из газеты «Северная пчела», редактировавшей Ф. В. Булгариным, А. Х. Хакушешев пишет, что он «хотя заслуженно, но сверх меры восхваляет очерк адыгского писателя». Можно ли согласиться с такой оценкой? Об указанном номере «Современника» Ф. В. Булгарин отмечал: «Для ума нет ничего нового, для сердца есть одна статья: «Долина Ажитугай»». Само собой разумеется, что слова «для ума нет ничего нового» в полной мере относятся и к статье Казы-Гирея. Понятно, что в приведенном отзыве А. Х. Хакушешева есть противоречие: в принципе невозможно восхвалять кого бы то ни было «заслуженно, но сверх меры». Если хвала заслуженна, она в пределах нормы.

Относительно упомянутых кабардинских литературоведов следует заметить, что и им не удалось (или не хотелось) уйти от односторонности – обошли вниманием как раз ту часть отзыва Пушкина, которая заинтересовала Ю. М. Лотмана. При этом для А. Х. Хакушешева и Р. Х. Хашхожевой можно сделать некоторую скидку – как ни говори, их публикации приходятся на самый пик застойного времени (1978 и 1980 годы соответственно): крест, как хоругвь просвещения, был несовместим с коммунистической идеологией. И такую вольность цензура не пропустила бы. Что касается Ю. М. Лотмана, его работа «Русская литература после петровской эпохи и христианская традиция», из которой сделана выписка, написана в 1991 году, т.е. тогда, когда цензурных ограничений уже не было.

Однако, не акцентируя, но, по сути, критикуя одно положение Пушкина, Ю. М. Лотман указал, пожалуй, незаметно для самого себя, на самую существенную сторону Султана Казы-Гирея. В «Долине Ажитугай» есть эпизод, когда автор, столкнувшись со «старым знакомым» – гранитным великаном – обнаружил, что «его мрачное чело было осенено грубо иссеченным крестом, этой хоругвью Европы и просвещения». В своей рецензии Пушкин обратил особое внимание на понимание Султаном Казы-Гиреем сути креста и набрал курсивом слова: «эту хоругвь Европы и просвещения».

В данной связи Ю. М. Лотман указывает: «Курсивом Пушкин выделил цитату из «Долины Ажитугай». Еще недавно просвещение с руссоистских позиций бралось под сомнение («Где благо, там уже на страже / Иль про-

свещение, или тиран»). Теперь оно ассоциируется с крестом – «хоругвью Европы». Ю. М. Лотман удерживает себя от более ясных определений по этому поводу. Пришлось бы прийти к заключению о том, что «сын полудикого Кавказа», а по мнению Булгарина, «какой-то» горец оказал на гения России хотя бы косвенное влияние по столь серьезному вопросу мировоззренческого характера. А этого он позволить себе не мог.

Строки Пушкина, цитируемые Ю. М. Лотманом, взяты им из стихотворения «К морю», написанного поэтом в 1824 году. Уже поэтому неверно утверждать, как это делает критик, что Пушкиным «еще недавно просвещение с руссоистских позиций бралось под сомнение». В непродолжительной творческой жизни Пушкина 12 лет, прошедших с момента публикации стихотворения, никак не укладываются в понятие *недавно*.

Можно сказать, Пушкина в «Долине Ажигугай» особенно привлекло понимание Казы-Гиреем креста, как хоругви просвещения, к которому он испытывал еще недавно определенное сомнение, точнее говоря – неприятие, как к возможному источнику революционных потрясений основ самодержавия.

Глубокая дума Казы-Гирея, с которой он смотрел на крест, и то, как его «таинственный этот гранит ... увлек слишком далеко», запали в душу впечатлительного Пушкина и, на наш взгляд, оказали воздействие на его примирение с просвещением в руссоистском смысле. Не погрешив против естественного движения духа, отрицать подобное влияние невозможно. Объективности ради заметим также, что и Ю. М. Лотман, правда, особо не подчеркивая и даже как-то нехотя, но, как отмечено выше, все же указывает на подобную связь.

Краткий отзыв Пушкина о Казы-Гирее и мысли последнего позволяют сделать и некоторые другие выводы. Как русский офицер, Казы-Гирей в своих заметках прославил русский штык и его «победоносную славу», напомнил слова его великого вождя – Суворова: «пуля дура, а штык молодец». Беды родной земли, принесенные этим самым «молодцом», Казы-Гирея особо не волнуют: «Пусть другие беседуют с бурными волнами морей». Казы-Гирею приходили в голову «теории образования народов, о которых тоже много толкуют и толковали», однако у него нет планов переустройства *мятежной жизни*: «что будет, то будет»; «дело это не наше» и т.п.

Примечательно, что обрусевший этнический черкес резче отзывается о своем родном крае, чем Пушкин. У последнего Казы-Гирей – «сын полудикого Кавказа», а у Казы-Гирея родная земля – «дикая родина». Там, где он в детстве был примером «нападения на русских», теперь, спустя десять лет, сам стоит «на нем русским офицером», т.е. настроен против своих же соотечественников, которых он называет не по родовому имени, а закубанцами, туземцами, горцами, а в лучшем случае – «хищными черкесами». Поведает о своих сородичах столичным читателям и как «о дикой воинственной жизни здешних обитателей», вольно или невольно настраивая их против исторической родины.

После всего этого неслучайно, что только природа, как пишет Казы-Гирей, радостно улыбалась его возврату. Образ мыслей и образ жизни

Казы-Гирея были созвучны с теми, что исповедовал Пушкин, и потому не в последнюю очередь он опубликовал «Долину Ажитугай» в своем «Современнике».

Какаясь взглядов Казы-Гирея, Пушкин отмечал, что он, «магометанин с глубокой душою смотрит на крест» и вместе с тем «остался верен привычкам и преданиям наследственным». Такие свойства природы резко контрастны и вряд ли совместимы. В своих путевых заметках Казы-Гирей не называет себя магометанином. Он принадлежал этой вере только по рождению и в отрочестве, когда еще не мог проникнуться могучим духом Ислама. Магометанина (мусульманина), как правило, крест не мог бы увлечь «слишком далеко».

Мировосприятие Казы-Гирея, изложенное им в художественном произведении и проанализированное с той или иной точки зрения, часто не подкрепляемой сколько-нибудь серьезной аргументацией, не позволяет, как это принято в литературе, причислить его к просветителям.

Господствующим содержанием просветительства – *Просвещения* вообще – является стремление посредством призывного слова к коренным социально-экономическим преобразованиям в переходную от изжившей себя феодальной эпохи к буржуазным реформам. Русский офицер Казы-Гирей, подобно Пушкину, был настроен консервативно, он был скрытым от устремлений декабристов, от подобия бунтарских мыслей. Его кредо: «что будет, то будет»; «дело это не наше»...

Можно утверждать и другое: Казы-Гирей был первым художественно одаренным, но не в полной мере раскрывшим свой потенциал в силу рода занятий русским офицером черкесского происхождения. Он, как следует из его же сведений, содержащихся в рассматриваемом произведении, покинул родину отцов (Кавказ) «десять лет тому назад». Исходя из того что путевые заметки писались в 1834 году, это событие имело место в 1824 году, т. е. когда юноше исполнялось приблизительно 16 лет. Картина, нарисованная автором, оторванным от родной земли и сформировавшимся вблизи столичной образованности, в целом красочна, пафосна и потому нереалистична. Она никак не согласуется с действительным положением края, охваченного многолетним пламенем освободительной борьбы соотечественников, о которой у Казы-Гирея ничто не напоминает по существу.

Одно чело гранитного великана – «безобразного старика», которое осенено «грубо иссеченным крестом», перевешивает в сознании лирического героя – Казы-Гирея – впечатления от всей остальной природы, только это чело заводит его «слишком далеко», а впоследствии его же чело осеняется тем же крестом, на свидание с которым, он, кажется, и примчался в родной край.

В контексте изложенного представляется справедливым мнение одного из немногих профессионально ориентированных литературоведов России Ю. М. Лотмана, согласно которому «Долина Ажитугай» – «довольно слабый рассказ». Эта оценка ближе к художественной истине и содержательной стороне, чем похвальный отзыв Пушкина, в котором он, как редактор, был заинтересован.

Людия АЛЬБОРОВА

Воспитание через устное народное творчество

Сказки, мифы, притчи, рассказы и песни о героях, о подвигах, простые повествования из жизни были важны для социализации молодого человека в адыгском обществе. Много таких повествований и напевов исполнялось в гостиных, кунацких.

Об этом повествует Т. Керашев в романе «Одинокый всадник»: «К вечеру в гостинной, где остановился Ерстам, стали собираться люди. Ерстам, наблюдая за ними, замечает в каждом: владеют сердцем и головой, мужественны; следят за своим поведением и словами, никакой фальши и наигранных шуток. И поведение, и человечность, и осторожность – врожденные качества».¹

Адыги не упускали возможности посетить гостиную в доме, где остановились знатные люди, прославленные в народе. Гость и пришедшие к нему для общения и знакомства обменивались знаниями о том, как живут другие народы, казаки, русские. Адыгские дети были любознательны, расторопны, сообразительны, а про непонятливых и несообразительных адыги с иронией говорили: «И адэр къальхури и къуэм зигъэпсэхужащ» (Родился отец, и сын отдыхает). Любые эпизоды нарушения этикета – промахи и нерадивость, позор на скачках – не оставались незамеченными.

Говоря о воспитании детей на произведениях устного народного творчества, нельзя не вспомнить роль народных певцов – джэгуаклуэ, вся жизнь которых была цепью непрерывных шуток и острых слов. Джэгуаклуэ воспевали не только геройство, мужество и храбрость. Попасть на острие их шуток из-за своей неуклюжести в быту, в труде или в бою было крайне неприятно. «При них каждый старался держать себя чинно, как бы боясь попасть им на язык».

Адыги учили детей добропорядочности («Сделаешь добро, добром вернется»), бережливости («Не положишь, не возьмешь»), трудолюбию и ответственности («Узэгугур къоуггуж»), сплоченности («Зэхъээхуэр мэунэри, зэижитЫр мэунэху»), осмотрительности («Чэнджащэ шыуэркъым») – Кто советуется, тот не ошибается).

Взвешивать свои поступки считалось необходимым: «Гупсыси псалгэ, зыкльыхы тЫс» (Подумаю, говори, посмотрев вокруг себя, садись). В этой поговорке четко отражается характер адыгов и требования их этики. Черкес слов на ветер не бросает и просто так не болтает, никогда не садится в присутствии старших.

Адыги трезво смотрели на жизнь, и непременным условием благополучия считалось трудолюбие: «Улажьэм, лыжь пшхынщ», «Лажьэр Ыхъэншэу къанэркъым» (Кто работает, тот ест мясо. Кто работает, не остается без доли), «Луэху мублэ, блэ хэсщ» (В неначатом деле змеи водятся).

Пословицы отражают решительность, волю к действию без боязни и суеты: «УкьымыкIуэтыу пэрыувэ Iуэхуми кьохьулIэнщ» (Будешь неустанно добиваться своей цели, твой план осуществится).

«Лпы пхар якуIкьым» (Связанного мужчину не бьют). Черкесы были смелы и мужественны, но хранили достоинство настоящего воина, они не стреляли в спину, как трусы, а всегда наступали на врага достойно, по-рыцарски. Обессиленного и связанного никогда не били. В книге Т. Керашева «Одинокий всадник» есть такой эпизод. На Ерстама, главного героя романа, нападает в лесу всадник, которого он легко одолевает и связывает. Победенный воин молча лежит лицом вниз, готовясь гордо встретить смерть. Но Ерстам не таков, чтобы убить лежачего. Он оставляет его в лесу живым.²

Адыгские песнопения играли также воспитательную роль. Адыгские певцы (гегуако) собирались на празднествах, чтобы по обыкновению петь про богатырей адыгского народа. Песни черкесов делятся на героические, исторические, обрядовые, любовно-лирические, песни пахоты, косьбы, свадебные и др.

История черкесов (адыгов) хранит множество героических имен. Черкесы восхищали мир своей отвагой и умом, благородством и чистой душой, горячей любовью к свободе и физическим совершенством. Духом рыцарства были проникнуты быт и нравы. «Быть или не быть порядочным наездником, то есть героем, было для всякого свободного адыга почти равнозначно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адыгское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов, и слава героя была для них заманчивее всех мирских благ. Оно не довольствовалось репутацией воина бесстрашного, смелого, предприимчивого, испытанного всякого рода лишениями и невзгодами, но метило гораздо дальше, добивалось вместе с тем славы благородного, великодушного рыцаря».³

Мудрость народной педагогики адыгов – в самой сути и призвании человека на земле, в продлении жизни и обеспечении ее наилучшими нравственными законами. Встречая восторженно и радостно эту жизнь, адыги растят здоровые корни на здоровой почве; человек, произрастая на ней, получает уроки того, что хорошо и приемлемо для этики его народа, и что плохо. Народное мнение, контролируя допустимое и недопустимое, растит угодное этой почве здоровое поколение, способное хранить этику народа с ее нравственными запросами, учтивостью, человечностью существования и преданной патриотичной искренней любовью к своим истокам, к родной земле. Напевы, идущие из глубин народной жизни, остаются в сердце навсегда.

Примечания

¹ Керашев Т. Одинокий всадник. Майкоп, 1984. С. 30.

² Там же. С. 30.

³ Кешев А. Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 124.

Людмила АБАЗОВА

К вопросу о преподавании русской литературы студентам-иностранцам

Лингвострановедение играет большую роль в облегчении и ускорении аккультурации личности в условиях новой для нее культуры. В современных условиях острой конкуренции иностранных языков со всей настоятельностью звучит требование привлекательности и эффективности языкового учебного процесса. С учетом разнообразия конкретных условий обучения поставленная задача может иметь множество решений.

Для русского языка этот вопрос нередко решается за счет привлечения текстового материала, имеющего непреходящую общечеловеческую ценность, а именно: произведений художественной литературы. Их использование вызывает интерес к языку, стимулирует желание изучать его глубже и шире.

А если такая работа обогащена материалами местного краеведения, содержательного страноведческого характера, она вызывает живой отклик среди иностранцев, изучающих русский язык.

А. С. Пушкин – великий русский национальный писатель и поэт, основоположник современного русского языка, широко известен зарубежному читателю. Давно и успешно используются вошедшие в хрестоматии для иностранцев стихотворения А. С. Пушкина.

Но студентам-иностранцам, обучающимся в Кабардино-Балкарии, многие из которых – наши соотечественники, особенно интересно будет узнать, что А. С. Пушкин – первооткрыватель Кавказа в русской литературе. Он впервые в русской поэзии воплотил тему Кавказа не по чужим рассказам, как его предшественники, а опираясь на собственные впечатления.

Ведь он побывал на Кавказе дважды: в 1820 и 1829 годах.

Не прошло даром и то, что многие его друзья были революционерами и входили в тайную организацию, выступавшую против царя. Он не был членом этой организации, но разделял многие взгляды декабристов. Так же как и они, он ненавидел крепостное право и самодержавие, писал свободолобивые стихи, но не мог их напечатать, из-за того что не было разрешения цензуры.

Многие его стихи («Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня») распространились в рукописях, и молодежь знала их наизусть.

Когда царь Александр I узнал об этих стихах, он сослал Пушкина на юг. В южной ссылке поэт провел четыре года: на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и на Украине.

Таким образом, в 1820 году Пушкин в первый раз оказался на Кавказе и провел два летних месяца в городе Пятигорске и на Кавказских Минеральных Водах. Но этого оказалось достаточно, чтобы он смог открыть Кавказ для русского общества. Результатом этой поездки были поэмы «Кавказский пленник» и «Мцыри».

Современники Александра Сергеевича встретили поэму «Кавказский пленник» (1822) с восторгом, она и поныне остается одним из самых любимых произведений почитателей таланта Пушкина.

«...и надо сказать, эта маленькая поэма вполне достойна была того при-

ема, которым ее встретили, – писал в своей рецензии критик В. Г. Белинский. – Какое же действие на русскую публику должны были произвести эти дивные, яркие, великолепно роскошные картины Кавказа при первом появлении в свет поэмы! Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был произведен русской поэзией, и только в поэме Пушкина русское общество впервые познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию».

Использование материалов, имеющих познавательную и эстетическую ценность, возможно не только в группах филологов, но и в группах нефилологов, не только на начальном, но и на продвинутом этапе обучения, когда самостоятельной целью становится знакомство с художественными произведениями. Хотя методика работы с таким материалом для разных категорий студентов, естественно, все же несколько различна.

Для студентов-филологов важнее всего почувствовать речевое своеобразие текста, понять смысл творчества поэта. Все эти задачи не столько страноведческие, сколько связанные с изучением филологии как специальности.

Поэтому главное в изучении творчества поэта – работа над текстом, обучение навыкам стилистического комментирования художественного текста. Звучащая и письменная речь учащихся-филологов должна быть максимально насыщена воспроизведением отрывков этих произведений.

Их устные доклады и сообщения должны, помимо тренировки языковых навыков, способствовать выработке навыков литературного анализа.

Иное дело – нефилологическая аудитория. Для студентов-нефилологов самое важное, пожалуй, ощутить и прочувствовать «феномен» этого поэта, своеобразие его личности, щедрость и универсальность его одаренности. Им важно понять, в чем истоки этого своеобразия.

Основное внимание уделяется рассмотрению проблем презентации актуального культурно-страноведческого материала.

Поэтому первое занятие, подготавливающее специалистов-нефилологов к восприятию и пониманию конкретных произведений – занятие общестрановедческого плана с показом слайдов, картин, репродукций, с рассказами о Кавказе, о своеобразии кавказских традиций.

Цель предтекстовой работы состоит в том, чтобы создать у учащихся заинтересованность в чтении предлагаемых произведений, а также дать необходимые фоновые знания.

Работа над чтением непосредственно произведения предваряется беседой или лекцией (на продвинутом этапе), содержащей информацию о личности автора, о культурно-исторических и социальных истоках его творчества.

Желательно донести до сведения учащихся, что многие друзья поэта после выступления декабристов оказались в кавказской армии, наступавшей в то время на турецкую крепость Арзрум. В армии были старший брат поэта Лев Сергеевич Пушкин, его друг Н. Н. Раевский, разжалованные и сосланные декабристы М. И. Пущин, И. Г. Бурцов и другие.

Желая видеть их и еще лучше познакомиться с краем, который, по признанию самого поэта, был «для него любопытным во всех отношениях», Пушкин на этот раз, не спросив разрешения у царя, уехал в действующую армию.

Вторая поездка Пушкина на Кавказ не опрометчива, не вдруг возникшее решение, не бурная реакция на события дня. К ней он давно и тщательно готовился. Причины этой поездки более глубокие и значительные, чем простая

горячность и простое веление чувств. Самовольный отъезд на юг был дерзким протестом против притеснений, которые оказывал на него Николай I.

Пушкин одним из первых оделся в черкесский костюм, вооружился шашкой, кинжалом и пистолетом: в пути затевал скачки, увлекая за собой других.

После такой беседы студенты с особым вниманием вникают в смысл поэтических строк.

Одного-двух произведений вне программы будет достаточно, чтобы студенты-иностранцы лучше прониклись поэзией Пушкина и поняли этот важный период в жизни поэта.

Основной этап работы – это притекстовая работа: здесь необходима максимальная активность учащихся. Преподавателю следует стремиться ограничивать частое использование двуязычного словаря, тренировать языковую догадку.

Работа над поэтическими текстами Пушкина должна в основном вестись в аудитории, так как их языковая сложность для иностранных учащихся требует от преподавателя не только культурно-страноведческого, но и лингвострановедческого комментария.

В филологической аудитории, работая со студентами над поэзией Пушкина, необходимо постоянно прибегать к стилистическому комментированию, вводить элементы анализа поэтического текста.

При чтении поэтических строк преподаватель останавливается на словах, требующих особого толкования. Даже строфа, не содержащая незнакомой или трудной лексики и простая по поэтической форме, при первом прочтении может оказаться непонятной студентам-иностранцам.

Например, преподаватель читает пушкинские строки:

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над стенами у края стремнины...*

Студентами не сразу улавливается размер, мелодика стиха; затрудняют понимание необычный порядок слов, употребление знакомых слов в непривычном контексте («...люди гнездятся в горах», «...лижет утесы голодной волной»). У них могут возникнуть свои, неверные ассоциации.

При непосредственной работе над текстом используется метод медленного чтения и последовательного анализа законченных смысловых отрезков. При первом чтении каждого отрывка с опорой на контекст вводятся незнакомые, опорные и стилистически окрашенные слова (при этом используется контекстная догадка, словообразовательные аналогии, подбор родственных слов, синонимов, антонимов и т. п.).

Только после многократного прослушивания, толкования некоторых словосочетаний строфа становится ясной. После этого производится анализ содержания отрывка, делаются страноведческие обобщения.

Такой же тщательной работы может потребовать и толкование поэтического образа, близкого нам и далекого иностранцу.

*Меж горных стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет –
И вдруг утих и смирен стал.*

Преподаватель обращает внимание иностранцев на разнообразные художественные средства, с помощью которых автору удается передать крутой нрав горной реки, выделяет глаголы движения, встречающиеся в этом стихотворении, звукоподражательные глаголы, используемые Пушкиным. Студентам предлагается прочувствовать ритм первой строфы, вызывающий в воображении шум бурного потока горной реки, а во второй строфе – спокойное, едва заметное течение. Учащиеся могут сопоставить образ Терека, представленный Пушкиным, со своими впечатлениями от горной реки, увиденной во время поездки в Приэльбрусье.

Преподаватель напоминает студентам, что о таком Кавказе с шумным Терекон, Дарьяльским ущельем, ледяными горами Казбека и Эльбруса русское общество узнало из произведений, написанных Пушкиным после второй поездки.

Иностранным студентам – нашим соотечественникам, безусловно, будет интересно узнать о предании, согласно которому Пушкин в Пятигорске встречался с известным кабардинским просветителем того времени, поэтом, фольклористом – Шорой Ногмовым.

Учащиеся имели возможность созерцать картину А. Балицкого, сюжет которой навеян этим преданием, выставленную в главном корпусе КБГУ.

Влечение Пушкина к устному поэтическому творчеству горцев проявилось в использовании им черкесских песен в своих произведениях.

Пушкин интересовался не только фольклором народов Кавказа, но и литературой, лично знал некоторых из кавказских писателей, помогал печатать их произведения на страницах журнала «Современник».

Например, в I номере «Современника» рядом со своим «Путешествием в Арзрум» и произведением Н. В. Гоголя «Коляска», он помещает повесть-очерк за подписью Султана Казы-Гирея. Послесловие к нему представляет для студентов особый интерес. Пушкин тогда писал: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно, живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей, видевший вблизи роскошную образованность, остался верен своим привычкам и преданиям наследственности...»

Еще ближе и понятнее станет поэт иностранным учащимся, если преподаватель расскажет им о том, что в кабинете Пушкина в доме по адресу: Мойка, 12 в Санкт-Петербурге, где провел последние четыре месяца великий поэт и где умирал, смертельно раненый на дуэли, им были собраны особо дорогие вещи. Палка, потому что он страстно любил ходить пешком и во время прогулок всегда брал ее с собой, книги – первые его друзья, без них он не мог жить и, умирая, сказал, как живым: «Прощайте, друзья!» Небольшой письменный стол, свидетельствующий об огромной личной скромности и нетребовательности величайшего русского поэта, старинный ларец, перешедший к Пушкину от прадеда. В нем поэт хранил личный архив и документы. Ничего лишнего. И среди этой продуманной обстановки: сабля, подаренная ему во время поездки на Кавказ, прикрепленная к стене над ларцом, и картина «Дарьяльское ущелье» художника Чернецова, специально написанная для него по приезду в Петербург. Кавказская сабля и единственная в доме А. С. Пушкина картина с великолепным видом Кавказа – своеобразный кавказский уголок в кабинете поэта как бы открывает для людей кавказский уголок в душе великого русского поэта.

Светлана КУДАЕВА,
зам. директора по воспитательной работе
МОУ «СОШ № 3» Урванского района

Воспитательная работа в школе

Воспитание человека всегда было сложной задачей. Даже если общество развивается стабильно, то и тогда возникают проблемы в воспитании подрастающего поколения.

Проблема сегодняшнего дня в нашей стране (безработица, преступность, разводы, доступность и использование незаконных или вредных лекарственных средств, вплоть до наркотиков, неопределенность личных и профессиональных целей, смещение ценностей) делает процесс воспитания еще более трудным.

Неблагоприятная аура, приправленная образом жизни, не свойственным нашему менталитету, досталась нашим молодым людям. И, конечно, нужно время, чтобы, воспитывая молодежь, переубедить их, обращая внимание на мудрые обычаи и традиции народа.

Ведь не зря говорят: лучше научить, чем переучивать.

Что же происходит? Что же делать?

Как внушить молодым людям, что использовать ненормативную лексику – неприлично, оскорблять – недостойно, красть, убивать – непозволительно, употреблять наркотики – убивать себя.

Мне кажется, что есть один способ победить это зло – разработать и внедрить, и причем всем вместе, такие воспитательные технологии, которые дадут положительный результат.

Во все времена передовые члены общества брали все самое лучшее из опыта предшествующих поколений и использовали для воспитания нового поколения.

Почему же и нам не оглянуться назад, чтобы идти вперед?

А. С. Макаренко говорил, что главное в жизни та гармония, которая получается, когда знания хорошо уложены в душе, та философия, которая определяет человека, его мировоззрение. Поэтому нам, в первую очередь, предстоит осуществить задачу нравственного воспитания молодежи через знания, раскрыть ее духовные качества, привить навыки борьбы со злом, умение сделать правильный выбор.

Фактически учебно-воспитательная работа – дело огромной государственной важности, и мы обязаны подготовить такого специалиста, который необходим обществу.

Всем известно, что приобретение основательных знаний определяет путь человека в жизни, но это необходимо также для здорового и правильного формирования характера, что определяет и судьбу человека, и судьбу страны.

Важным в работе является содействие созданию благоприятных условий для индивидуального развития и нравственного формирования

личности, развитие таких качеств, как инициативность и ответственность за порученное дело, предоставление возможностей для раскрытия творческого потенциала.

Здесь считаю нужным остановиться на работе школьного ученического самоуправления.

Целью созданного в школе ученического самоуправления в форме «Школьной республики» является наиболее полная и эффективная реализация прав и интересов школьников. А также обеспечение их самостоятельности, инициативы и творчества в решении вопросов школьной жизни.

Ребята, которые представляют министерства «Школьной республики», чувствуют большую ответственность за порученное дело. Представители министерств очень требовательны к себе, к сверстникам, не допускают нарушения правил внутреннего распорядка в школе, на улице. Очень уважительно относятся к старшим и любят защищать малышей.

С большим энтузиазмом старшеклассники готовятся ко Дню самоуправления.

И после праздника неугомонно рассказывают о трудной профессии учителя, о том, какое значение имеют знания в жизни человека, а если богатый знаниями человек еще и воспитанный, то это обеспеченный человек до конца своей жизни.

Считаю необходимым научить учащихся мыслить, выявить и развить индивидуальные творческие задатки и способности, выработать жизненные ценности, понимание добра и зла, смысла жизни, навыки культуры общения, научить любить людей и жизнь, приобщая к духовным, национальным и общечеловеческим ценностям.

Всю эту работу выполняет ученическое самоуправление школы, которое действует в МОУ «СОШ № 3» с. Псыгансу на протяжении ряда лет. «Школьная республика» со своими министерствами в допустимой норме и со своим Уставом имеет право на участие в управлении образовательным учреждением и ориентировано на привитие учащимся социально необходимых знаний и навыков, активной гражданской позиции.

В их компетенции научить сверстников понимать реалии нового времени, работать с информационными технологиями. Это позволит им принимать решения, которые положительно повлияют на жизнь села, района, республики.

Нельзя получить достойного представителя цивилизованного общества, не прививая молодому поколению чувства любви к Родине, родным местам, уважительного отношения к обычаям и традициям своего народа, народов, живущих рядом. Именно эти аспекты легли в основу воспитательных мероприятий, проведенных в истекшем учебном году в МОУ «СОШ № 3» с. Псыгансу.

Только за истекший учебный год в школе проведено 47 открытых мероприятий (в том числе и КТД, ставшие традиционными).

Все эти мероприятия готовят министерства культуры, печати и информации, чистоты и порядка, учебы и труда, физкультуры и спорта. Контролируется вся проводимая воспитательная работа через классные ученические самоуправления. Затем делается анализ проведенных мероприятий, подводятся итоги, выносятся выводы и рекомендации.

Учащиеся нашей школы принимают активное участие и в мероприятиях, которые проводятся в районе и в республике.

Результаты участия учащихся в различных конкурсах таковы:

Бариев Аслан (4 кл.) – занял 3 место в районной олимпиаде по математике и стал лауреатом в номинации «Лучший портфолио» в конкурсе «Ученик года» среди учащихся начальных классов.

Шереушев Астемир (5 кл.) – занял I место в районном конкурсе юных художников «Выборы глазами детей».

Бецукова Алина (4 кл.) – заняла III место в районной олимпиаде по кабардинскому языку среди учащихся начальных классов.

Кушева Карина (8 кл.) – заняла I место в конкурсе вокалистов «Я люблю тебя, Россия».

Бецукова Агнеса (9 «б») – заняла III место в районной олимпиаде по кабардинскому языку, I место в республиканском конкурсе молодых литераторов в секции «Литературоведение» в номинации «Эссе».

Бозиева Илона (10 кл.) – стала призером конкурса «Шогенцуковские чтения».

Шереушев Мадин (9 «а») – занял III место в районной олимпиаде по экологии, стал победителем Всероссийской олимпиады в Москве – в МГТУ им. Баумана, Лауреат II степени конкурса научно-технического творчества учащихся союзного государства «Таланты XXI века», состоявшегося в Белоруссии. Три раза Мадин становился стипендиатом им. А. С. Шереужева.

Нырова Асият (11 «б») – неоднократный призер научно-практической конференции «Сигма» в секции «Литературное творчество» – III место в 2008 году, I место и диплом I степени в XII Республиканской научной конференции школьников «Чтения памяти В.И. Вернадского» на секции «Медицина», лауреат II степени Российского заочного конкурса «Юность, Наука, Культура» в номинации «Медицина» за работу по теме: «Медико-психологические особенности распространения опухолевых заболеваний молочных желез у девушек-подростков».

В той же секции по той же теме она получила диплом III степени и удостоилась звания лауреата XXIV Всероссийской открытой конференции учащихся «Юность. Наука, Культура» в г. Обнинске.

Ася получила рекомендательное письмо для поступления в ВУЗ по специальности «Лечебное дело», а ее родители – благодарственное письмо от оргкомитета и экспертного совета научной конференции «Юность, Наука, Культура».

Нырова Ася с 9 класса является президентом «Школьной республики». Участвовала во Всероссийском конкурсе лидеров ученического самоуправления (районный этап – I место, республиканский этап – II место). Ася два раза становилась стипендиатом им. А. С. Шереужева.

Спортивных достижений у учащихся школы очень много. У нас оформлен стенд «Спортивные достижения школы», где находятся все грамоты, медали и переходящие кубки учащихся.

Но школа особенно гордится достижениями Бецукова Ибрагима, который стал призером чемпионата мира по кик-боксингу среди юнио-

ров, получил звание «Лучший кик-боксер России 2005–2008», а в апреле 2009 года стал чемпионом России по кик-боксингу. В этом году он первый раз получил стипендию им. А. С. Шереужева в размере 1 тыс. руб.

Могу отметить, что I полугодие нового учебного года (2009–2010) принесло много успехов:

1. В районном мероприятии «Шогенцуковские чтения» учащиеся нашей школы заняли два вторых и одно третье место (учитель Дзугурова Т. М.)

2. В районном и республиканском литературных чтениях, посвященных 155-летию со дня рождения Пачева, наша ученица заняла I место в районе, III место в республике (учитель Тарчокова Л. Ш.)

3. В районном конкурсе сочинений по теме «Религия и толерантность» – I место (Кудаева С. Х.)

4. В районной спартакиаде допризывной молодежи школьная команда заняла II место, I и II места в личном первенстве (учитель ОБЖ Бекалдиев М. К.).

5. В районном конкурсе «Алло, мы ищем таланты!» – в номинации «Вокал» – I место (учитель Мизова Л. Х.).

6. В районных олимпиадах по предметам экономика (Бозиева М. М.), технология (Бекалдиев М. К.), кабардинский язык и литература (Шереужева Ж. Б.), учащиеся школы заняли призовые места.

Большой радостью для педагогического коллектива школы явилось получение письма МОП РФ о том, что наша школа вошла в число «Лучших школ России – 2009».

Участие во всех школьных, районных, республиканских мероприятиях не проходит бесследно. Итоги оставляют отпечаток радости в детских душах. Они заставляют и взрослых по-другому смотреть на качество проводимого в школе воспитательного процесса.

Учащиеся и родители стали понимать, что образованное и воспитанное поколение – залог процветания села, республики, российского государства, а значит, залог благосостояния каждого. Многие стали понимать, что образование без следования нормам поведения – ничто. Что все-таки встречаются по одежде, а провожают по уму. Педагогический коллектив продолжает работать над совершенствованием учебно-воспитательного процесса. Учащиеся поняли, что нужно хорошо учиться, чтобы достигнуть каких-то успехов в профессии. Мы стараемся им внушить, что от этого зависит благополучие семьи. А если семья будет крепка и обеспечена, значит, и страна будет развиваться.

Перед учительством всегда стояла и стоит нелегкая задача – обучать воспитывая. Другого не дано. Да, порой это очень трудно! А кто сказал, что выращивать хлеб – легко, создавать произведения искусства – просто, выводить корабль из шторма – безопасно?

А мы с вами, дорогие учителя, возвращаем будущих тружеников нашей страны: врачей, учителей, артистов, строителей, космонавтов, менеджеров, инженеров и многих других профессионалов, так необходимых Родине. И если мы воспитаем их коммуникабельными, адаптированными, информационно грамотными – значит, мы выполняем миссию на Земле!

Майя БЕТУГАНОВА,
учитель русского языка и литературы
МОУ «СОШ» с. Аруан

Новое время – новые технологии обучения

Язык, слово – это почти все в человеческой жизни.

Язык окружает человека в жизни, сопровождает его во всех делах, присутствует во всех его мыслях, участвует в его планах.

Человеческая речь существует в виде отдельных языков. А в каком виде существует каждый язык?

В каждом из них отражена жизнь и деятельность, общественная практика каждого народа.

На сегодняшний день накоплен немалый труд ученых-языковедов, в которых прослеживается развитие кабардинского языка.

Еще до Октябрьской революции были составлены «Кабардино-черкесский словарь» Ш. Б. Ногма и «Русско-кабардинский словарь» Л. Г. Лопатинского, в первые годы после революции вышел небольшой по объему «Русско-кабардинский словарь» М. Т. Конукоева (Нальчик, 1940), – все эти издания на первых этапах культурного развития сыграли определенную роль в изучении языка.

В послевоенные годы в республике широко развернулась лексикографическая работа, в результате чего в 50-60-е годы Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт подготовил к изданию ряд двуязычных словарей: «Русско-кабардино-черкесский словарь» А. Т. Бичоева и Б. М. Карданова (Москва, 1955), «Кабардино-русский словарь» (Москва, 1957), составленный коллективом авторов, «Кабардино-русский фразеологический словарь» Б. М. Карданова (Нальчик, 1968), которые по своему объему и качеству значительно превосходили ранее вышедшие словари. И первый толковый словарь «Словарь Кабардино-черкесского языка» (М.: Дигора, 1999), составленный коллективом авторов...

Нелегкое, но очень нужное для будущего народа дело, связанное с изучением языковых явлений, с созданием методики изучения языка, соответствующего духу и потребностям времени, продолжает НИИСМПЯ КБГУ, созданный в 1994 году М. Ш. Шекихачевой. Сотрудниками института подготовлены к изданию «Модели и схемы кабардино-черкесского языка», макет учебника «Адыгэ псалъэ» для 5-го класса, по которому проведено экспериментальное обучение, давшее положительные результаты, и «Азбука» для дошкольного возраста.

В настоящее время лаборатория кабардинского языка разрабатывает проект учебно-методического комплекта по кабардинскому языку для

2–4 классов и 5–7 классов на основе структурной методики преподавания языков.

В доказательство того, что преподавание кабардинского языка по новой методике обновит, изменит содержание обучения родному языку, создаст мотивацию к углублению знаний по кабардинской грамматике, обогащению словарного запаса и развитию речи, можно привести следующие примеры.

Значимым фактом является то, что при обучении языку по структурной методике реально повышаются орфографические компетенции обучающихся. И происходит это осознанно.

Процесс построения производного слова проходит через четыре контрольных пункта:

I – от чего?

II – при помощи чего?

III – что образуем?

IV – с каким значением?

	Ia	II	III	IV
1.	гуашцIэ	– гуашцIа	+ фIэ = гуашцIафIэ	– «зи кьару иль»
2.	шэ	– ша	+ фIэ = шафIэ	– «шэ иту зэрахъэ щыкъу»
3.	бжьэ	– бжьа	+ хьуэ = бжьахьуэ	– «бжьэ гьэхьуныр зи IэщIагъэ»

Чередование – одно из морфонологических явлений – обозначается как числитель. При прибавлении суффикса к производящему слову, которое оканчивается на -э, в производном слове ударение меняет -э на -а – (шэ – шальэ).

А если слово оканчивается на согласный, то корень и суффикс соединяются при помощи интерфикса **-ы-**.

	I	II	III	IV
1.	джэд	– джэд	+ ы + хьуэ = джэдыхьуэ	– «джэд гьэхьуныр зи лэжьыгъэ»
2.	мэл	– мэл	+ ы + хьуэ = мэлыхьуэ	– «мэл гьэхьуныр зи лэжьыгъэ»
3.	къаз	– къаз	+ ы + хьуэ = къазыхьуэ	– «къаз гьэхьуныр зи лэжьыгъэ»

Обучение по комплексно-процессуальному методу – это и возможность для расширения словарного запаса ребенка.

Например, сколько значений имеет префикс **зэ-** и какое количество слов можно образовать, используя его?

	I	II	III	IV
1.	бгьэдээн	– зэ + бгьэдэдээн	= зэбгьэдэдээн	– «дзауэ зэбгьэдэгьэхуэн»
2.	бгьэдэлуэтэн	– зэ + бгьэдэклуэтэн	= зэбгьэдэклуэтэн	– «зыр зым бгьэдэклуэтэн»

- ПкълI. • глагол лъэIэсым е лъэмыIэсым
и • префикс -зэ пьдгъэувэкIэрэ
щIыкIэр • глагол лъэIэс е лъэмыIэс кыдогъэхъу
• «кызытекI псалъэм жыхуиIэ лэжыгъэр блэжъурэ
зыгуэр зэгъунэгъущ щIын е зэгъунэгъу хъун» мыхъэнэ иIэу

I II III IV
1. бгъэдэдзын – зэ + бгъэдэдзын = зэбгъэдэдзын – «зыр зым пэIэщIэ щIын»

I II III IV
2. бгъэдэкуэтын – зэ + бгъэдэкуэтын = зэбгъэдэкуэтын – «зыр зым бгъэдэкуэтын»

- ПкълI. • глагол лъэIэсым е лъэмыIэсым
и • префикс зэ- пьдгъэувэкIэрэ
щIыкIэр • глагол лъэIэс е лъэмыIэс кыдогъэхъу
• «кызытекI псалъэм жыхуиIэ лэжыгъэр блэжъурэ
зыгуэр зэпэIэщIэ щIын е зэпэIэщIэ хъун» мыхъэнэ иIэу

Это не предел. Множество значений есть еще у префикса зэ-, и все модели и схемы с этим префиксом продуктивны.

Моделируя, выполняя четыре операции СТ, учащиеся действуют логически, а грамотность закладывается естественным образом. Четвертая операция – прекрасный материал для создания предложений разных конструкций. А затем и текстов разных стилей и типов. Именно это и является основной задачей учителя, и – научить детей создавать свой текст, правильно строить свое высказывание, свободно общаться.

Как показывают примеры, метод экономичен, охватывает большие круги однообразных явлений. Он дает ученику свободу мыслей и требует именно таких действий, которые отвечают задачам обучения. Когда ученик сам подбирает ключи к открытию тайн изучаемого, когда сам открывает новые явления, – появляется интерес, познавательная потребность, цель.

Итак, очевидно, что «Инвариант СТ» работает и служит научно-теоретической базой для разделов «Фонетика», «Графика», «Орфография», «Словообразование», «Морфология», «Лексика», т. е. разделов, где речь идет о СЛОВЕ в самом широком его понимании.

Эдуард БИТИРОВ

КАРАЛЬБИ МАЛЬБАХОВ: У НАС НЕМАЛО ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ

Его имя в нашей республике широко известно. Историк и переводчик серии «Мир Черкесии» продолжает радовать читателя. Сейчас Нальчикский полиграфкомбинат готовит к выходу книгу Флориана Жилья «Письма с Кавказа и Крыма», которая переведена с французского Каральби Мальбаховым.

«Бедствуя в Швейцарии, Флориан Антуан Жилья приехал в Россию, где сделал блестящую карьеру, – рассказывает переводчик. – Он был представлен при царском дворе и долгое время преподавал иностранные языки и географию наследнику – будущему Александру II. Жилья близко дружил с Жуковским, был одним из первых директоров Эрмитажа. Человек образованный и просвещенный, он стал автором очень интересного проекта. Написал и издал сочинение «Древности Босфора Киммерийского», которое включает в себя богатый исторический и археологический материал. Эта книга обошлась казне в 30 000 рублей серебром. Ее тираж был всего 200 экземпляров, и практически сразу она стала библиографической редкостью. Кстати, это издание сыграло в жизни автора роковую роль. Он подарил один из экземпляров королю Сардинии. Это очень не понравилось царю и послужило причиной отставки Жилья. Он уехал в Швейцарию. Очень тосковал по России и в результате покончил с собой.

– *Каким образом он попал на Кавказ?*

– Об этом Жилья рассказывает в своем предисловии. В результате травмы, полученной при падении с саней, врачи посоветовали ему съездить на термальные воды. Он выбрал Кавказ, поскольку мечтал о нем с детства, и в 1858 году состоялась его поездка на Юг России. В пути он вел дневник, который иллюстрировал сам. По словам Жилья, рисунки позволяли ему более точно отразить всевозможные детали путешествия. В 1859 году книга «Письма с Кавказа и Крыма» была издана в Париже.

– *Как я понимаю, на русский язык она переведена впервые.*

– Совершенно верно. Лет 10 назад я впервые столкнулся с отрывками из этого сочинения, и они меня заинтересовали. Язык книги просто потрясающий. В ней собран богатый исторический и этнографический материал.

– *Насколько мне известно, автор предисловия – директор Эрмитажа Михаил Пиотровский. Как Вы на него вышли?*

– Он сам вышел на нас, узнав, что в Кабардино-Балкарии выходит книга его великого предшественника. Михаил Борисович предложил написать предисловие.

– *Как Вы находите материалы для перевода?*

– Сегодня, благодаря Интернету, с этим не возникает проблем. Материала у меня лет на десять, если переводить по 5-6 книг в год. Например,

совсем недавно нашел два тома Кантемира 1840 года издания и сразу наткнулся на удивительную интерпретацию известных исторических событий. Известно, что Прутский поход был для Петра I неудачным, и он оказался в турецком плену. Карл XII уговаривал султана заточить русского царя. Над Петром сгущались тучи, и он обратился за помощью к

Екатерине, которая, буквально, сняв с себя все драгоценности, переслала их в качестве взятки великому визирю. В результате Петра освободили. Мне было непонятно, почему визирь позарился на эти деньги, для чего он рисковал своим высоким положением. Как выяснилось, тут не обошлось без женщины. У матери султана – вали-де, была хранительница драгоценностей Серой – юная черкешенка редкой красоты. Однажды ее увидел младший брат султана и безумно влюбился. Всевозможными хитростями он стал добиваться благосклонности девушки. Однако вали-де была категорически против. Она сделала сыну строгий выговор, но влюбленный остался глух ко всем доводам матери. Тогда султанша решила подарить красавицу-черкешенку главному лекарю, с тем, чтобы он отдал ее замуж за своего сына. Узнав об этом, принц пришел в ярость и написал отцу жениха письмо примерно следующего содержания: «Если твой сын посмеет прикоснуться к этой девушке, став султаном, я уничтожу всю вашу семью». Одним словом, брак состоялся чисто формально. Вскоре принц действительно стал султаном. Он забрал Серой у мужа и даже собирался сделать ее любимой женой. Но тут снова вмешалась вали-де, напомнив, что не пристало правителю вступать в брак с женщиной, которая побывала замужем. Прислушавшись к совету матери, султан женил Серой на верном человеке, который со временем и стал тем самым великим визирем. Однако монарху он мешал и, опасаясь за свою жизнь, был вынужден принять взятку и бежать за границу.

– Как мне известно, Вы больше не преподаете в КБГУ. Чем занимаетесь сейчас?

– Работаю в КБИГИ. Директор института Барасби Бгажноков создал мне прекрасные условия. Занимаюсь поиском литературы о Черкесии и, надо сказать, последние несколько месяцев просто тону в потоке информации. Сейчас всерьез стоит вопрос о создании центра, который будет этим заниматься. Интересного материала очень много, и мы сможем обеспечить молодых ученых работой буквально на всю жизнь. К счастью, талантливой молодежи у нас немало.

– Работа над переводами, Вы погружаетесь в разные эпохи. Если допустить существование машины времени, когда бы вам хотелось жить?

– Наверное, на рубеже 19 и 20 веков. На мой взгляд, это очень гармоничная эпоха.

СЕРДЦЕМ ПРИРОС К ЗЕМЛЕ

Среди тех, чье детство пришлось на послевоенные годы, немало ученых, которыми гордится Кабардино-Балкария. Они внесли и вносят весомую лепту в развитие науки и экономики родной республики. Данная публикация посвящена одному из таких ученых – доктору технических наук, профессору КБГСХА, академику АМАН Мусабию Хабасовичу Каскулову.

В молодые годы он ничем особенным не выделялся среди своих сверстников. Разве что учился более прилежно. Увлекался футболом, волейболом, легкой атлетикой. Но у него была одна страсть: техника. Часами мог наблюдать за работой тракторов, комбайнов, сеялок, которые постепенно вытесняли с колхозного поля волов и лошадей.

Семья, в которой он вырос, была большая – девять братьев и сестер. Его отец, участник войны, и мать рано приучили детей к труду. В школьные годы, во время каникул, в выходные, Мусабию приходилось в поте лица трудиться на поле. Но не унывал, ибо верил, что рано или поздно и ему, и семье станет легче. Именно в те юношеские годы он решил связать свою судьбу с техникой, с землей, к которой прирос сердцем.

После окончания школы в родном селении Исламей Баксанского района, Мусабий поступил в Терский сельскохозяйственный техникум. Проучившись 4 года, вернулся в родное село. Молодому специалисту предложили должность инженера-механика колхоза «Красная Кабарда». Через год поступил в КБГУ, где получил более углубленные знания о работе сельхозмашин, о методах внедрения малозатратных, энергосберегающих и иных технологий.

Окончив КБГУ и проработав незначительное время в проектно-институте «Каббалхозстрой», Каскулов стал аспирантом Краснодарского НИИ с/х им. П. Лукьяненко. Старания молодого ученого, который выделялся среди сокурсников стремлением к новому, неизведанному в области сельхозтехники, не могло остаться незамеченным. После аспирантуры его оставили в институте на должности старшего инженера отдела механизации. Затем он стал старшим научным работником в том же учебном учреждении.

Мусабий Хабасович, вероятно, смог бы сделать неплохую карьеру в Краснодаре, но молодого ученого, ставшего кандидатом технических наук, тянуло в отчий край, к своим родным, и в 1976 году он вернулся в Кабардино-Балкарию. Вскоре ему предложили место на опытной станции садоводства. В 1978 году его пригласили в КБГУ. А после открытия агрометеорологического института он стал преподавателем кафедры «Эксплуатация машинно-тракторного парка», через год – доцентом кафедры теоретической и прикладной математики. В течение 12 лет, с 1994 по 2006 годы, возглавлял кафедру «Сельскохозяйствен-

ные мелиоративные машины». Нынешняя должность – профессор кафедры «Механизация сельского хозяйства».

Годы работы Каскулова как в Краснодаре, так и в КБР были плодотворными. Его научные работы и патенты на изобретения использованы при разработке серийно выпускаемых машин заводами «Целиноградмаш» и «Красная звезда» в г. Кировограде. Участвовал в разработке космической программы «Буран». Его установка по нанесению теплоизоляционных, пенополиуретановых покрытий заводом «Прогресс» (Самара) внедрена в производство. Им опубликовано более 200 научных статей, имеет 26 авторских свидетельств и патентов на изобретения.

В 1994 году Мусабий Хабасович защитил диссертацию и стал доктором технических наук. С той поры принимает непосредственное участие в выполнении научно-исследовательских работ с Минсельхозпродом КБР. Его научные разработки по защите почв от эрозии на склоновых землях, по усовершенствованию посевных машин, почвообрабатывающих агрегатов одобрены и реализовываются на полях республики. Некоторые изобретения ученого успешно внедряются на прохладненском ремонтно-механическом заводе.

Крупный ученый в области совершенствования сельхозмашин, Каскулов часто выезжает на поля, чтобы воочию наблюдать за работой усовершенствованных им агрегатов. В таких поездках, как правило, его сопровождают ученики, которым он привил интерес к научным разработкам, конечная цель которых – улучшение посевных, почвообрабатывающих, энергосберегающих машин. Следует сказать, что многие воспитанники ученого преуспели на этом поприще. Под руководством Мусабия Хабасовича двое стали докторами, восемь – кандидатами технических наук. Конечно, опытный преподаватель, профессор не может не гордиться ими. Тем более, что большинство из них сумели проявить себя как талантливые молодые ученые.

Работоспособности Каскулова можно только удивляться. Кроме того что преподает, пестует молодые кадры, ежедневно и еженощно занимается различными разработками, умудряется участвовать в заседаниях научно-технических советов, возглавляет научно-исследовательскую лабораторию, является председателем секции НТС...

За свою деятельность М. Каскулов неоднократно поощрялся различными дипломами, грамотами, медалями «Лауреат ВВЦ». Но самая дорогая награда для него – это уважение сослуживцев и студентов академии и тот факт, что его работы имеют прикладной характер.

У Мусабия Хабасовича прекрасная семья. С супругой, Людмилой, они воспитали троих детей. Старший, Мурат, ныне работает в Германии. Специалист по ядерной физике. Открыл там научную школу. Его исследования, научные разработки в области природных явлений внедряются в США и Канаде. Дочь, Залина, окончив аспирантуру, работает в одной из клиник г. Москвы. Младший, Аслан, пошел по стопам отца, решил посвятить себя сельскому хозяйству, учится в аспирантуре. Спортсмен, мастер спорта.

Конечно, у Каскулова остается минимум времени, чтобы уделить внимание любимым увлечениям. Спорту, например. Но он всегда в курсе политических, культурных событий республики. Выписывает местные газеты, журнал «Литературная Кабардино-Балкария». Любит литературу, с удовольствием перечитывает классику: Чехова, Толстого, Есенина.

В марте нынешнего года ему исполняется 70 лет. Говорят, что это тот рубеж, когда человек становится мудрее. Скромный от природы, неутомимый ученый Мусабий Хабасович полон сил, энергии, у него много интересных задумок, которые, верится, будут воплощены в жизнь.

Лена ТХАЗАПЛИЖЕВА,
и.о. директора ГОУ ДОД РДЭБЦ МОИ КБР,
к.б.н., профессор РАЕ,
заслуженный работник науки и образования

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию Шхагапсоева С. Х., Карачаевой Е. В.
«Флора города Нальчика и его окрестностей»

Предлагаемая вашему вниманию монография – результат многолетнего целенаправленного изучения и анализа флоры г. Нальчика и его окрестностей. Актуальность данной работы, которая сводит воедино наиболее значимую информацию об урбанофлоре «одного из самых красивых городов Юга России», несомненна. Работы, посвященные исследованию урбанофлоры, имеют на сегодня огромное значение, что связано со стремительным изменением современного мира. Антропогенное влияние на природу сводится к лавинообразному разрушению окружающей среды, опустошению растительного и животного мира, локальным или глобальным изменениям атмосферы и климата. Огромное значение имеет тот факт, что масштабный мониторинг, проводимый с помощью флористических исследований, способен помочь человечеству спрогнозировать и, если возможно, изменить к лучшему свое будущее.

Город Нальчик, столица Кабардино-Балкарской Республики, – один из крупных промышленных и культурных центров Северного Кавказа. Развитие автомобильной и железнодорожной транспортных сетей, наличие промышленных предприятий и сельского хозяйства, интенсивного строительства и территориального расширения города, как санаторно-курортного и туристического центра, приводит к трансформации естественной растительности, сокращению микрорефугиумов, появлению антропогенных местообитаний, являющихся прибежищем для антропофитов.

Действительно, Нальчик имеет широкую известность как один из важных центров туризма и альпинизма на Северном Кавказе. Отсюда к вершинам и перевалам Кавказа проложены десятки туристических, альпинистских и экскурсионных маршрутов.

Нальчик, расположенный в центре Кабардино-Балкарии, представляет собой экономический остов всей территории республики. Основные черты производственного и социального положения города заключаются в том, что город является многофункциональным индустриальным комплексом, представляет собой главный центр различных отраслей (железная дорога, трубопроводы и другие инженерные коммуникации), социальной (торговля, кафе, рестораны, детские учреждения и общеобразовательные школы, медицинские, жилищно-коммунальные и другие учреждения сферы обслуживания) и институциональной (административные органы, учреждения науки и искусства, высшие и средние учебные заведения и т. д.), инфраструктуры. Он сосредоточил «несовместимые» отрасли производственной и непромышленной сферы. Так, здесь более 50% крупных промышленных предприятий КБР и в тоже время это основной город формирования полифункциональной территориально-рекреационной системы.

Вместе с тем, флористическое разнообразие г. Нальчика и его окрестностей, обусловленное природно-климатическими условиями, представляет большой научный интерес.

Авторами грамотно проведен анализ литературных данных ботанической изученности городов Южного федерального округа России (первая глава). Рассматривается флора Астрахани, Ростовской городской агломерации, Черкесска, Волгограда, Владикавказа, Краснодара, Туапсе, Махачкалы, Кавказских Минеральных вод, Прохладного.

Во второй главе раскрыта история развития города и его природные условия (климат, почвенный покров, геология, гидрографическая сеть), что важно для понимания уникальности флоры всей республики и города в частности, а также особенностей и закономерностей ее формирования.

Собственно, сам анализ флоры (третья глава) исследователями проведен по классическим ботаническим направлениям: изучена систематическая, биоэкологическая, хорологическая (Юрцев, Камелин. 1995), эколого-ценотическая структура, проведен анализ адвентивного элемента флоры (по D. Fijalkowski. 1978).

Огромное значение рецензируемая работа имеет в том аспекте, что является точкой отсчета в решении задач ботанического ресурсосведения. Флора города, по мнению авторов, богата видами растений, находящими широкое применение в народном хозяйстве. Полезные группы растений включают древесные и целлюлозные (2,6% от всей флоры), лекарственные и витаминные (40,7%), декоративные (24,6%), пищевые (13,69%) и медоносные (24,5%), красильные (9,1%) и дубильные (4,3%), кормовые (20,3%) и ядовитые (9,0%) (классификация хозяйственно-ценных групп растений осуществлена по А. А. Гроссгейму. 1948, 1952).

Отдельного внимания заслуживает фитосозологический анализ флоры, в ходе которого исследователями выявлены редитетные виды, нуждающиеся в федеральной и региональной охране, и установлено, что редкость преобладающего большинства видов обусловлена антропогенным фактором. Ими предложены возможные меры по сохранению территории.

Все содержание монографии логически взаимосвязано и подтверждено цитатами из авторитетных источников, отражающих современную точку зрения на исследуемую проблему.

Флористический список, входящий в состав монографии, составлен по системе А. Тахтаджяна, наименования таксономических единиц приведены в соответствии с правилами «Международного кодекса ботанической номенклатуры» (1980) и сводок С. Черепанова.

Подводя итог, можно утверждать, что монография представляет собой самостоятельное завершённое научное исследование, которое содержит решение задачи, имеющее существенное значение для региональной ботанической науки. Положения и выводы, содержащиеся в работе, являются обоснованными и доказанными, могут и должны быть использованы как в дальнейших теоретических исследованиях в данной области, так и в практике реформирования современной столицы Кабардино-Балкарии.

Раиса ОСИКИНА,
д. с.-х. н., проф., акад. МАНЭБ,
Аслан ЗАКУРАЕВ,
д. т. н., проф., акад. МАНЭБ,
Хасан ТХАЗЕПЛОВ,
акад. АМАН

ДЕНДРОИНДИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛЕСОПАРКОВОЙ ЗОНЫ НАЛЬЧИКА

Проведены рекогносцировочные исследования на территории лесопарковой зоны г. Нальчика с использованием метода дендроиндикации (изучения морфологических признаков древесных растений и их реакции на изменения окружающей среды) и даны рекомендации по оздоровлению ее фитосанитарного состояния.

В последние годы в оценке экосистемы, в том числе и городской, развивается новое научное направление – биоиндикация, одной из составляющих которой является фитоиндикация, и в частности дендроиндикация, т. е. оценка состояния окружающей среды по морфологическим признакам древесных растений и их реакции на изменения окружающей обстановки.

Особенностью такого подхода является то, что он представляет интегральную функцию реакции растения на экологическую обстановку в районе мониторинга. Его отличает высокая чувствительность, относительная простота и дешевизна, что представляется немаловажным условием для широкого внедрения в практику (Захаров, Чубинишвили. 2001).

Для выполнения зелеными насаждениями их функций и достижения максимального эффекта от их применения, необходимо правильное ведение всего цикла работ, начиная с их проектирования и подготовки посадочного материала, заканчивая созданием и содержанием объектов озеленения.

В городских условиях на экологическую ситуацию влияет много факторов, поэтому древесные растения в условиях города характеризуют неспецифическую дендроиндикацию. Экологическая характеристика достаточно больших территорий лучше оценивается древесными растениями (Кряжева, Чистякова. 2001).

Различные виды древесных растений по-разному реагируют на загрязнение среды местообитания. Следовательно, для условий города задача сводится к нахождению чувствительных древесных пород, которые реагируют значительным отклонением жизненных проявлений от нормы. Учеными (Кравцов, Наташкин, Попов. 2004; Рыхлова. 2005) доказано, что древесные породы: береза повислая, тополь пирамидальный, акация белая и клен остролистный являются наиболее эффективными по пог-

лощению вредных веществ, пылеулавливанию, депонированию CO₂ и выделению O₂.

Следовательно, для оценки состояния здоровья городской среды целесообразно использовать древесные растения, при этом выделяя различные зоны загрязнения. Однако достоверная оценка состояния городской экосистемы обеспечится использованием нескольких представителей древесной растительности.

Деревья обладают целым рядом полезных свойств, которые издавна используются человеком. В первую очередь, деревья являются мощным биологическим фильтром, очищающим атмосферный воздух от вредных примесей газов, пыли, дыма и копоти. Они способствуют поддержанию постоянной концентрации кислорода в воздухе, испаряя в знойные дни влагу, увлажняют и ионизируют воздух, при этом повышается в атмосфере содержание озона и перекиси водорода, обладающих высокими окислительными и дезинфицирующими свойствами. Выделяемые деревьями летучие органические соединения – фитонциды, проявляя антибактериальную активность, способствуют самоочищению воздуха, уменьшая загрязненность микробами на 19,5–44,2%.

Также деревья оказывают мощное эмоциональное воздействие на людей. Этот эффект возникает за счет размеров и формы кроны деревьев, композиционного построения зелени, ее увязки с формами рельефа, характера самой зелени, ее внешнего облика, интенсивности окраски хвои и листьев, их яркости, аромата и даже шелеста.

В Болгарии и Румынии весь ассортимент деревьев поделен на группы в зависимости от их эмоционального воздействия. В ландшафтной архитектуре Румынии развилось особое творческое направление «витамизирующий пейзажизм» (вита – жизнь), цель которого – выявлять целебные факторы ландшафтов, изучать их воздействие на физиологическую и психологическую стороны деятельности человеческого организма, активно использовать их для восстановления и сохранения сил людей, способствовать повышению трудоспособности и долголетия.

Лечебно-оздоровительные свойства деревьев издавна были известны нашим предкам. Деревьями-донорами, заряжающими человека энергией, слыли дуб, береза, сосна, кедр, клен, ясень, бук, липа и др. Деревьями-«вампирами», т. е. отнимающими энергию у человека, считают тополь, осину, ель, черемуху, рябину, ольху, сирень.

Энергоактивные свойства разных пород деревьев можно использовать при проектировании лечебно-оздоровительных и рекреационных парков, садов, скверов.

Исследования по фитосанитарному состоянию парковых насаждений по просьбе общественности г. Нальчика были проведены на территории Нальчикского парка, который раньше назывался Атажукиным садом. Датой его основания является середина XIX века: «... в 1847 году начальник Центра Кавказской линии получил от наместника Кавказа указание об организации при Нальчикском укреплении казенного фруктового сада», призванного стать местом «отдыха для командного состава крепости» (Кулихов А. Х. и др. 1979).

В 1865 году сад и прилегающие к нему земли площадью более 30 гектаров были переданы во владение кабардинскому князю Атажукину, получив название «Атажукин сад».

Основные работы по планировке территории парка, разбивке аллей и клумб закончились к 1923 году. В этот год было посажено 40 тысяч саженцев сосен, елей, кленов, березы и других пород деревьев. Тогда же была благоустроена и фасадная часть парка – здесь высадили саженцы туи, сосны, клена. (*Кушихов А. Х., Ругузов И. А.* Нальчикский парк. Деревья и кустарники. 1979). Впоследствии парк слился с территорией лесопарка, далее с Долинском (курортной частью города). Парк постоянно обновляется и реконструируется. Главные аллеи парка – Центральная (Главная), Комсомольская и Липовая.

Фитосанитарное состояние древесной флоры на Центральной и Комсомольской аллеях является относительно благополучным, особенно в хорошем состоянии находятся молодые посадки. В хорошем фитосанитарном состоянии находится также гордость нальчан – аллея серебристо-голубых елей, несмотря на то что некоторым из них уже более 70 лет, особенно тем, что высажены по левую сторону гостиницы «Нарт».

Беспокойство у общественности возникло по поводу экологического состояния Липовой аллеи. Она берет свое начало в пятидесяти метрах от Главной и очерчивает парк с левой верхней стороны. Многим из составляющих ее деревьев более полутора сотен лет, так как посажены они были когда проходила закладка сада-парка, т.е. предположительно в 1851 году (*Мария и Виктор Котляровы, Жанна Шогенова.* 2005).

В результате проведенных нами исследований установлено, что больше половины из них имеют различные отклонения в своем развитии: из них 25% – уродливые формы (морфозы), 17% – раковые наросты и наплывы, 13% – дихотомии, 20% – дуплистость, связанные с геоактивными зонами или зонами биологического дискомфорта. Почти все деревья имеют разрывы и загнивание коры. Большинство старых деревьев поражены бактериями, миксобактериями, актиномицетами, грибами, среди них особую опасность представляет черная и серая плесень, споры которой, в процессе выветривания, попадают в воздух, нанося огромный ущерб здоровью человека – вызывают аллергические реакции и воспаления слизистых оболочек верхних дыхательных путей, глаз, кожи; желудочно-кишечные заболевания; провоцируют приступы астмы и т. д.

Среди микроорганизмов, разрушающих целлюлозу (клетчатку) и вызывающих процесс загнивания древесины, были также идентифицированы различные плесневые грибы.

Заключение

В результате анализа данных рекогносцировочного обследования парков, садов, скверов г. Нальчика можно сделать вывод об их неблагополучном фитосанитарном состоянии и необходимости принятия неотложных мер по их оздоровлению.

Рекомендации

С целью оздоровления экологической обстановки и улучшения фитосанитарного состояния парков и скверов, устранения патогенов и аллергенов, ликвидации очагов стволовых вредителей и болезней необходимо провести детальное обследование зон рекреации населения (парков, скверов, садов, территорий озеленения баз отдыха и туристических баз) и по их результатам провести выборочные санитарные рубки с заменой на здоровый посадочный материал.

Поскольку в зонах рекреации и в местах массового отдыха людей запрещено применение химических средств защиты, рекомендуем использовать биологические и карантинные приемы уничтожения вредителей и возбудителей болезней парковых насаждений. Из биологических препаратов в условиях юга России предпочтительней битоксибациллин (БТБ) и Вирин-ЭКС против гусениц младших возрастов. Гусениц старших возрастов лучше отлавливать на клеевые кольца, а против зимующих фаз (личинок, куколок, имаго) использовать ловчие пояса.

Для экологически чистой эффективной борьбы с важнейшими чешуекрылыми вредителями (американская белая бабочка, шелкопряды, плодожорки, пяденицы и другие) рекомендуем использовать феромонные ловушки. С целью повышения эффективности феромонных ловушек их следует размещать в точные сроки появления вредителей, поскольку синтетический феромон в условиях юга России из-за высоких температур и частых дождей испаряется в течение 14–18 дней.

В парках, садах и скверах необходимо сформировать биоценоз, направленный на многолетнее профилактическое, ограничивающее действие на численность вредных насекомых и вредителей. Для этого необходимо привлекать полезных насекомых и птиц, устраивать гнездовья, кормушки, дуплянки, скворечники. Места расположения летних кинотеатров, детских и спортивных площадок, установок скамеек для отдыха и т. д. необходимо обследовать на наличие так называемых ГПЗ (геопатогенных зон) с целью выявления мест биологического комфорта.

Любовь может сотворить чудо. Сердце влюбленного человека то сжимается, то ему тесно в груди, оно бьется сильнее, и сладостные слезы струятся из глаз. Каждый человек кузнец своего счастья и любви. Миллионы людей влюбляются, и без любви этот мир будет пустым. В жизни бывает все: и счастливая любовь, и несчастная, и безответная.

Нет некрасивых женщин

Дорогие женщины, вы обязаны знать, что мужчины любят глазами. Но, в целом, обвинить их в измене невозможно, и вам не стоит сильно переживать. Мужчины всегда будут замечать других женщин, и нет такой силы, которая бы их остановила. Вы, конечно, будете воспринимать это как личную обиду, даже неуважение к себе. И абсолютно напрасно.

Не забудьте – слишком серьезные женщины напоминают им школьных учительниц, матерей. Это может заставить их почувствовать себя слабыми, и они могут переложить на вас решение трудных проблем. Я думаю, что иногда полезно стать маленькой девочкой и посмеяться вместе с мужем. Это и вам настроение поднимет, и ему поможет. Ведь ничто лучше смеха не возвращает человека на землю.

В современной жизни встретить человека, который бы мог тебя понять, хотел бы, наверное, каждый. Для того чтобы такая встреча стала возможной, вы должны внутренне быть готовой к ней. Надо научиться не только видеть занятых своими проблемами людей, но и замечать их боль, нужды и стремления. Вы должны не только замечать это, но и понимать и разделять чужие переживания. Для того чтобы быть услышанным, надо самому уметь выслушивать другого. Иногда бывает достаточно просто внимательно выслушать собеседника.

Брак по расчету не обещает легкой жизни. Такой брак означает, что вам вдвойне нужно быть терпеливой, дальновидной, готовой переносить тяготы непростых отношений с мужем. Деньги, власть, измена. Вот что будет преследовать вас. Такого мужа вернуть на грешную землю будет нелегко. Свойства девушки – красота, обаяние, искусство любить, непреходящи во все времена. А все же главные качества, за что любят женщин – преданность и верность. Женщина на то и женщина, чтобы поймать настроение и психологию момента, где-то уступить мужчине, чтобы потом одержать маленькую победу над ним.

А вы знаете, как Бог сотворил женщину?

Однажды к Богу явился мужчина и попросил сотворить женщину. Бог взял немного лучей солнца, задумчивую грусть луны, ласковый взгляд сирены, трепетность лани, нежность пуха, легкость воздуха, свежесть воды,

непостоянство ветра, болтливость сороки, слезоточивость облака и все ужасы грома и молнии. Все смешал. Из этой смеси получилась прекрасная женщина. Бог вдохнул в нее жизнь, отдал мужчине и сказал: «Живи и мучайся!»

Я хочу поздравить всех прекрасных женщин земли Чегемской с Международным женским днем. Желаю всем титанической любви. Любовь может обезоружить ревнивца, выпрямить маменькиного сыночка, облагородить жадину, «плейбоя» превратить в образцового супруга. Все женщины красивы и прекрасны. Мужчины, будьте бдительны и внимательны.

* * *

Дорогой читатель! Обращаюсь к вам как мать четверых детей! Как всем известно, огромный поток информации ставит человека сегодня в непростое положение. Я невольно вспоминаю сказанное академиком П. Л. Чебышевым: «Пишите, господа, пишите, но не забывайте, что в наше время скорее можно найти три книжки, чем одного читателя».

Если вы, читатель, открыв этот журнал, прочли его до конца, я сочту, что вы восприняли нечто новое, что до сих пор не встречали.

Как люди выбирают профессию? Это я говорю как журналист и писатель, а что лежит в основе этого выбора: призвание или случайность? Несомненно, влияют требования времени, интересы общества. Но мне кажется, что в основе влечения человека к какому-то делу лежат зачастую впечатления детства. И я уверена, что если человек с юности выберет себе профессию по душе и на всю жизнь останется ей верен, – он может считать себя счастливым. Он будет трижды счастлив, если профессия эта нова, необычна, если она вторгается в новые для человека области. Избранная мною профессия – журналистика, писательская стезя, думаю, что это отвечает всем этим требованиям.

Позади годы работы. Раздумывая о пережитом, я вижу, как много было заблуждений, ошибок. Было бы их меньше, если бы я выбрала другую профессию?

Тут же задаю себе вопрос: если бы случилось чудо, и я могла бы начать сначала, то каким был бы мой выбор? Чем бы я хотела заниматься? Страна велика. В ней много привлекательных мест. Природа, как ласковая мать, убережет от палящего зноя, укроет от стужи. И делом своей жизни я могла бы избрать что-нибудь другое, спокойное, хотя бы разведение цветов...

Нет, отвечаю я сама себе. Не жалею ни о чем. Если снова начинать жить, то конечно же на родной земле, по выбранной профессии!

Труд мой – это слова, человеческие мысли, чувства. Я хочу, чтобы эти слова принесли вам радость, заставили бы сильнее биться ваши сердца, вдохновили бы на труд, утешили бы в горе.

Перечитывая свою рукопись я поняла – как много я еще не сказала! О скольких хороших людях я еще не успела написать. Пусть они простят мне это. Я обязательно дойду до многих сердец.

А тебя, дорогой читатель, хочу уверить, что жизнь это воистину страна сказок, город мечты!

Спасибо тебе, судьба, за то, что ты дала мне возможность прожить эту, а не иную жизнь.

Спасибо тебе редакция, что ты выносишь к читателям мои литературные работы и статьи, где я размышляю о жизни по своему, по-женски.

«...Высокие, стройные, гибкие, – они точно светлый след оставляли за собою. Их маленькие руки и ноги вдохновляли турецкого поэта, и до сих пор в городах Малой Азии, когда встречаются такие у мужчин и женщин, анатолийцы говорят: у них в роду черкешенка. Капля ее крови очищала целое поколение. Их карие глаза полны выражения.

...во взгляде черкешенки ярко отражалась ее душа, ее чувство, все, что совершалось в ней, как бы порывисто, быстро, изменчиво это ни было. Ничем грубым не оскорбляла вас красота женщин в племени адыге».

Вас. Немирович-Данченко

Эмма ШАРДАНОВА

Светлый образ черкешенки

Кто отказывается изучать историю своего народа, тот обрекает себя на пожизненное детство.

Цицерон

Отправной точкой для создания этой большой выставки послужила славная дата – 450-летие вхождения Кабарды в Российское государство.

Наш отдел абонементов очень серьезно подошел к созданию такой масштабной развернутой книжной экспозиции. Мне как руководителю отдела пришлось провести большую изыскательскую работу по подбору систематизации, поиску всей имеющейся в библиотеке литературы, художественных публикаций, архивных документов и многих других материалов для создания «Светлого образа черкешенки».

Так повелось, что черкесы более всего известны миру как непревзойденные наездники, воины, правители ряда государств. Но ведь достойное место занимали и черкешенки в мировой цивилизации. На протяжении многих столетий они играли заметную роль в общественно-политических делах, военном искусстве, культуре многих народов.

С давних времен образ черкешенки ассоциируется с их чарующей красотой, прекрасным воспитанием, гордостью, «созданной повелевать, а не повиноваться». Династические браки сделали черкешенок «властительницами дум» важных и влиятельных царствующих особ различных империй и государств.

*Хвалят женщин черкесских,
Одну бы рядом иметь...*

Грузинская народная песня

С народами Кавказа русских связывали не только брачные союзы русских князей, так как родиной жен некоторых из

них был Кавказ. Так, сын Владимира Мономаха Ярополк, посланный в 1116 году отцом на Половецкую землю, привел с собой «ясы и жену полони себе ясыню» – Елену – девицу чрезвычайной красоты, дочь яского, или стенского, князя Сварна. Всеволод Георгиевич, брат Андрея Боголюбского, имел жену ясыню Марию, сестра которой была с 1182 года замужем за Мстиславом, сыном Святослава – великого князя Киевского, а Изяслав Мстиславович в 1154 году женился на царской дочери «из Обезь».

Царь Иван Грозный был женат на кабардинской княжне Гуашчэной (Марии) Темрюковне Идаровой. Старшая дочь Темрюка Идарова – Алтынчач стала женой астраханского царевича Бекбулата, средняя дочь Темрюка Малхуруб – вышла за Тинехмата, сына хана Большой Ногайской Орды.

Калмыцкий Аюка-хан был женат на кабардинке Абайхан, родной сестре кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского.

Ямгурчей – астраханский царевич в 1551 году женился на черкешенке.

Чополау – тарковский шамхал (титул феодальных владетелей Дагестана) был женат на кабардинке из рода Анзоровых.

Имеретинский царь Георгий в 70-х годах XVI в., мегрельский и гурийский владетели были женаты на 3-х сестрах – кабардинских княжнах.

Леван II Даддани – мегрельский владетель в 30-х годах XVII в. женил своего сына на дочери кабардинского правителя Алегуко Шогенокова.

Картлийский царь Вахтанг VI был женат на дочери малокабардинского князя Гилахстана Татарханова. В Грузии ее называли «Солнцеподобно сияющей царицей Русудан (Данизат)».

А Теймураз II, царь Кахетии, был женат на Тамаре, дочери вышеназванной грузинской царицы Русудан.

Многие халифы женились на черкешенках, Зуль Фукар – ее величество королева Фариды, была черкешенкой.

Каждая вторая невеста в Персии, как известно из литературы, – черкешенка; персидское выражение «нист андаре – джихани» означает – «нет подобной красавицы в мире», и это высказывалось в адрес черкешенок.

Хан Казы, основатель Малой Ногайской Орды, был женат на дочери князя Пшеапшоко Кайтукина, невесткой же Казыя, т. е. женой его сына, стала сестра князя Алегуко Шогенукова.

Известная во всей России красавица, чье фото было растиражировано на почтовых открытках, продававшихся всюду до самой революции, – была кабардинка Тяжгова.

Эльмезхан Хагундокова (графиня дю Люар) – кавалер ордена Почетного Легиона, кавалер национального ордена «За боевые заслуги», «Военного Креста», медали «За отвагу» и многих других, – кабардинка.

Гюнсалы Озка – турецкая черкешенка, дважды была участницей международного конкурса красоты. В 1932 году в возрасте 18 лет она была выбрана первой красавицей Турции. Затем стала победительницей международного конкурса красоты в Лондоне.

Мелтем Хакарар – турецкая черкешенка, в 1988 году завоевала звание «Мисс Турция». В 19-летнем возрасте на международном конкурсе «Мисс Очарование – 89», проходившем в Москве, она заняла первое место. Бабушка Хакарар (Хьэкьарэ) – черкешенка, и, как считают все родственники, красотой она выдалась в нее. Не отсюда ли гордая стать, строгое поведение на сцене и вне ее?

Мариам Фахреддин – египетская киноактриса.

Хусни Суад – известная на Востоке в 30-е годы талантливая артистка (Турция).

Кериман аль-Шаркасия – первая красавица мира (1932 год, Турция).

Марианна Черкасская – американская балерина начала XX века.

Офицер ордена Почетного легиона (Officier de la Legion d'Honneur) – Моник Чемерзин (Шамырзэ), более известная «в миру» как Людмила Черина, дочь адыгского аристократа-эмигранта Авенира Чемерзина (Шамырзэ), прима-балерина, звезда послевоенного кинематографа (снялась в тридцати одном фильме – «Красные туфли», «Сказки Гофмана», «Спартак» и др.), писатель, художник и скульптор (автор скульптуры, символизирующей единство Европы, у входа в Европарламент в Страсбурге).

Тамара Кокова – известная талантливая киноактриса из Кабардино-Балкарии.

Соня Шериева – легендарная танцовщица, солистка ансамбля «Кабардинка».

Людмила Джамбулатовна Ашхотова за время работы в Центральном управлении полетами космических кораблей «Энергия» стала автором 50 изобретений, среди которых так называемое космическое ведро, отмеченное серебряной медалью ВДНХ. Это изделие, как и космический душ, используют до сегодняшнего дня и наши космонавты, и американские астронавты. Но наиболее значимым изобретением Ашхотовой называют аспиратор, применяемый при пневмотораксах.

Галина Эдуардовна Хашхожева, внучка известного литературоведа Раисы Хашхожевой, преподает в Гарвардском университете, владеет 10 языками, ей 30 лет, доктор филологии.

Целью нашей книжной экспозиции было показать молодежи достойных дочерей адыгского народа, чтобы укрепить чувство гордости и уважение к его ярким представительницам.

Выставка экспонируется регулярно, проводятся беседы, обзоры книг. Действенность этой работы нашла свое отражение в специальном альбоме «Ваше мнение», в котором читатели выражают свое отношение как к выставке, так и представленному на ней материалу.

Литература

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX. Сост. Гарданова В. К. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 210.

АЙССЕ – Черкесская нимфа. Сборник произведений. Сост. М. Хафица. Нальчик: Эль-Фа, 1997.

Антоновская А. А. Великий Моурави. Роман-эпопея в 6 кн. Тбилиси, 1978.

Бэлагъы Л. Гуащэнэ (Марие Темрыкъуэ и пхьумрэ Иуан Бзаджащцэмрэ я тхьдэ 1561–1568): Роман-поэмэ. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. 160 с.

Знаменитые адыги (черкесы) в истории России и Кабарды. Общественная организация «Адыгэ-Хасэ» КБР. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России. Фотоальбом. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 25.

Клуэжлуэ Тамарэ: «Кино жыхуалэр сигу къэкълъжыххэртэкъым». // Псынэ. 2009. № 1. С. 6. «Крупный план». Соңя Шериева – памятник красоте. // Территория гор. 2008. № 5. С. 22.

Лонгворд Дж. Год среди черкесов. Пер. Аталикова Ф. Н. Нальчик: Эль-Фа, 2002.

Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 39.

Опрышко О. Меня заинтересовала Мария Темрюковна // КБП. 2006. 26 июля.

Опрышко О. По тропам истории. Нальчик: Эльбрус, 2007.

Прево А. История одной гречанки. М., 1975.

«Свет далекой звезды» Людмила Черина. // Территория гор. 2008. № 1. С. 84.

Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х. Черкешенка. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вст. Статья Гарданова В. К. и Мамбетова Г. Х. Нальчик: Эльбрус, 1978.

ХьэбытIэжъ Ф. Шэрджэс хэхэсхэр дегъэщыху. // Архивы и общество. 2008. № 5. С. 75.

Эльберд М. Ищи, где не прятал. Роман. Нальчик: Эльбрус, 1990.

Отдел абонементов нашей библиотеки проводит с 2007 года книжно-иллюстративные выставки на темы:

«Нарты: героический эпос народа»;

«Древняя история Кабарды и Балкарии»;

«Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.»;

«Дружба, пронесенная через века»;

«Славные имена кабардинских родов в истории России»;

«От рядовых воинов до прославленных генералов»;

«Нам есть за что благодарить судьбу»;

«Верность роду храня»;

«Немеркнувший светильник просвещения»;

«Наш край нам возвращен навеки»;

«Изгнанники Кавказа»;

«Адыги: борьба и изгнание».

Игорь ТЕРЕХОВ

Игорь Терехов – журналист и писатель. Автор шести книг прозы, многих публикаций в центральной и региональной прессе. Работает собкором информационного агентства «Интерфакс». Живет в Нальчике.

МУЖЧИНА С ВЕСЛОМ

Новые заметки на полях жизни

*Прохожий, несший на плече весло,
прошествовал в глубь суши, где никто
весла не видел отродясь.*

Т. Венцлова

«Сынок, у тебя же ничего нет!» – воскликнула как-то мама, когда мы с ней вдвоем отмечали 100-ю годовщину со дня рождения бабушки Маруси. Мама имела в виду, что у меня нет машины, дачи, солидного счета в банке, учеников и последователей, всего того, что положено иметь человеку к моим годам.

Я подумал, что эта фраза могла бы стать началом хорошего романа. А вслух сказал что-то насчет того, что все-таки выходят книги, публикуются рассказы и заметки, есть Флора и две очаровательные собаки. Так что не все так печально, как на первый взгляд кажется. И выпиваю я всегда на свои деньги, успокоил маму.

Пару лет назад ты возмущался тем, что по ящику показывали «раскрашенную» «Касабланку» – один из самых стильных фильмов в истории кинематографа. А теперь уже из вечера в вечер гоняют по экранам расписного Штирлица и компанию.

Это уже какая-то мировая тенденция – все опощлить. Если уж нельзя пере снять фильм и сделать его зрелищем для дебилов, то давайте хотя бы размалюем его, чтобы привлечь внимание тех, кто только яркие краски и различает в кино.

На человеке лежит огромная ответственность за животный мир, которую он даже не осознает. Не только за сохранность той или иной популяции, того или иного вида, этого одиночного милого или злого зверька, – это понятно, это экология, зоология, экономика, производственная и профессиональная деятельность человека.

Но огромная нравственная ответственность лежит на нем при контактах с отдельными представителями животного мира. Человек, стоящий на ступеньку ближе к Богу в силу своей способности говорить и подвергать все анализу, в мире животных выполняет ту же функцию, что в нашей жизни играют ангелы, то есть – является посредником между животным и Господом.

И если данный конкретный человек ведет себя по отношению к некому животному, не как ангел, а как злой демон, то он нарушает установленный миропорядок, и сам того зачастую не осознавая, переходит на сторону сил зла.

Мы живем в очень неопределенном мире: обманывают люди, на которых ты полагаешься, прогорают банки, в которых хранил деньги, иногда приходится менять работу, и даже воскресная поездка за город может обернуться чрезвычайным происшествием.

За сутки все может кардинально измениться в твоей жизни. Может измениться все, за исключением текстов, что ты написал. Какими ты написал их на бумаге или на экране компьютера, такими они и останутся.

В своих произведениях писатель обретает подлинное постоянство бытия, о котором мечтает каждый человек. Так же, как художник – в своих холстах, композитор – в мелодиях, а инженер – в механизмах.

Директор издательства рассматривал все человечество в качестве субъектов книгоиздательской деятельности. По его представлению, люди могли быть либо авторами, либо редакторами, либо читателями – планктоном, обеспечивающим печатный круговорот.

Авторы досаждают директору и редакторам, осложняют их жизнь, готовы на всяческие каверзы. Редакторы же направляют хаотические процессы жизни в нормативное русло, выстраивают некую гармонию на земле. Читатель вкушает плоды печатной гармонии, самосовершенствуется и растет вместе с книжными сериями.

При этом подразумевалось, что, несмотря на всю их непредсказуемость и нелогичность, авторы все же должны существовать в достаточном количестве, чтобы обеспечивать нормальное функционирование издательства.

Ты застал еще Нальчик городом цветов, поэзии, любви. По улицам ходил Кайсын Кулиев с шумной компанией, на площадях проходили дни поэзии, а на главном проспекте цвели алые розы.

Сейчас это город коммерческих киосков, косметических салонов, парикмахерских и маленьких филиалов больших банков. И еще – огромных рекламных щитов, заслоняющих от глаз горожан виды окрестных предгорий.

Теперь в Нальчике правит бал капитал, азиатский гламур и запредельная любовь к начальству. Символическая зелень победила прежнюю городскую зелень, чистую и свежую.

России предстоит очень долгий путь к подлинно цивилизованному общественному устройству.

У нас слишком много разнокалиберных и разноплановых народов, социальных групп, жизненных укладов, чтобы привести их к единому знаменателю – создать российскую нацию, – потребуются многие сотни лет.

Германским народам, куда более однородным, развитым и поддающимся управлению, потребовалось более сотни лет, чтобы создать единое сильное государство. А у нас все социальные процессы идут куда как медленнее. Не надо забывать, что хотя в 1861 г. и было отменено крепостное право, только в 60-годах XX века крестьяне получили паспорта и право свободного передвижения по стране.

Данный пример, как мне кажется, очень ярко характеризует скорость социальных процессов в России, где от принятия решения до его полной реализации иногда проходит целый век.

Поскольку человеческая жизнь меньше века, все мы – живущие в России, – зачастую просто не успеваем проследить за развитием и завершением многих социальных и политических процессов, происходящих в разлюбленном нашем Отечестве. И потому, кстати, большинству из россиян кажется, что ничего в России не меняется!

Почему-то вспомнилось, что Ельцин родился в деревне Будка. Это, кремлевские, чтобы придать тень благородства своему боссу, произносили с ударением на последнем слоге – Будка́.

Но кто, по-вашему, может родиться в будке? Правильно: Шариков и его потомки.

Это потом, когда он уже стал исполнителем песен под балалайку в свердловской чайной, а потом первым лоджарем сперва в Москве, а потом – в РосФедии, перенесли ударение в названии его родного населенного пункта на последний слог – для политесу! Так Голохвостов из украинского фарса «За двумя зайцами» требовал, чтобы его называли Голохвастов, «бо ен один такой шикарный сын».

Это у них – босяков и шавок – в крови: менять названия, вытравливать печати в паспорте, подчищать лезвием записи в документе, делать все, чтобы привстать на цыпочках в глазах окружающих.

Когда в апреле 2007 г. пришло известие о смерти Ельцина, сразу подумалось о том, что этот человек имел возможность остаться в истории России в одном ряду с Петром Первым, Екатериной Великой или хотя бы с младшим Ульяновым – Лениным. А останется в памяти народной, в лучшем случае, как дирижер германского военного оркестра, теннисист-любитель и автор нескольких афоризмов про «загогулину» и «рокировку».

Вот беда всех политиков современной России: они совершенно не задумываются о том, что останется после них. А, как проголодавшиеся зверьки, стараются проглотить как можно больше денег, власти и внимания масс-медиа.

Ужасно наблюдать, как с годами знакомые тебе люди опускаются все ниже и ниже.

Сперва они просто не совершают плохих поступков, потому что не совершают ничего, точнее, уклоняются от совершения любых поступков. Потом делают маленькие низости, оправдывая себя недопониманием ситуации, забывчивостью или стечением обстоятельств. Потом совершаемые ими гадости становятся все крупнее и крупнее.

А затем наступает момент, когда они уже не оправдываются. Совершают мерзости и витийствуют с видом болотной пифии: «А что поделаешь, времена теперь такие», или «Все так поступают».

В результате вокруг тебя образуется совсем уж маленькая группа людей, не замеченных в совершении низких или некрасивых поступков.

Хочется уехать на другой конец света и найти там нормальных людей, способных радоваться успехам другого (а не примазываться к чужому успеху), совершать добрые поступки (и не трубить о них в газетах), оценивать дни своей жизни в килокалориях добра и улыбок, а не суммой полученных денег.

По ТВ «Культура» в одну неделю показали два французских двухсерийных фильма – «Великий Шарль» о де Голле и «Сартр» – естественно, о философе Жан-Поле Сартре.

И эта связка судеб двух великих людей Франции нашего времени на телевизионном канале России напомнила, что только одновременные усилия, как сверху, со стороны властей, так и снизу, со стороны народных масс, общественности, интеллигенции, могут привести к благотворным преобразованиям в обществе, способствовать общественному благоденствию и процветанию, сделать страну по-настоящему демократической.

У нас же в России в роли преобразователей постоянно выступает только одна сторона общества – либо верхи, как Горбачев в 1985 г., либо народ, как участники протестных выступлений в Москве 1993 г. И в результате получается нечто либо не жизнеспособное, либо просто чудовищное.

И еще одна мысль приходит на ум после просмотра французских фильмов: и де Голль, и Сартр уважали в людях Человека. Каждый по-своему, но оба с уважением относились к личности, правам и свободам человека. А у нас же и власть, и толпа одинаково ненавидят личность.

В «Литературной России» ингерманландец Роберт Винонен – бывший советский поэт, а ныне гражданин Финляндии, – повествует о различных достопамятных историях, случавшихся с ним в прежней жизни.

Одна из баек посвящена первым постсоветским годам, когда автор был еще преподавателем московского Литинститута, а туда заглядывали прорабы демократии.

Р. Винонен пишет, что был на трех встречах со студентами – Зюганова, Явлинского и Лебедева. Разные по взглядам, они дружно обличали «ельцинизм» и сетовали, что православие в new России используется для освящения темных делишек. И каждый непременно рассказывал, что свечу в руке новые правители страны держат как стакан.

Автор пишет, что на третьей встрече – с Лебедевым, – студенты уже на этом эпизоде помирали со смеху, а бравый генерал относил их смех на счет своего артистического таланта.

Жаль, что Р. Винонен не идет дальше, и не делает вывод, что все трое – равно, как и многие другие политические деятели конца 80-х – начала 90-х годов, – при всех своих внешних отличиях были вытесаны в одном стиле, словно закончили один и тот же курс Академии общественных наук при ЦК демократической (либо республиканской, без разницы) партии США.

А когда на шахматной доске российской политики появлялись по-настоящему сильные самостоятельные фигуры – вроде генерала Льва Рохлина, – их просто убирали с доски. Или выключали в миттельшпиле часы. Или принимали федеральный закон, что в политике теперь играют не в шахматы, а в подкидного дурачка.

Возле магазина «Магнит» стоял удивительно поджарый пес. Он всматривался в лица выходящих из магазина людей и благожелательно махал им хвостом.

Из магазина вышла молодая мамаша и стала освобождать от обертки что-то удивительно вкусное, купленное для своего малолетнего ребенка.

Пес подошел к ним, размахивая, как метрономом, хвостом, – он словно хотел сказать, что может быть им верным другом, надежным охранником или товарищем по играм, а ест он совсем немного – от случая к случаю. Всем своим видом и хвостом, пес говорил, что проблем с ним совсем не будет.

Но мамаша с двухлетним сыном не замечали его. А когда они все же заметили пса, ребенок попытался его пнуть. А мамаша ничего ему не сказала.

– А почему ты не сказал им, что когда этот мальчик вырастет, то так же будет поднимать ногу на свою мамашу? – спросила меня Флора.

– Не было времени для назидательных бесед с населением! Бежал в районную поликлинику, чтобы успеть подать заявку на взятие анализа крови у моей маменьки, – ответил я Флоре.

Прочитал в «Литературке» стихи поэтов Украины и порадовался, что живо еще там русское слово. Причем стихи не выдающиеся – не уровня Блока там, Вяч. Иванова или Айги – стихи обыкновенных русскоязычных, как теперь говорят, поэтов Украины. Но прочитал я их с каким-то почти плотским удовольствием от того, что на моей любимой Украине милой живут нормальные, хорошие, добрые люди, пишут стихи на русском языке да еще получают за это ордена Нестора Летописца.

(Кстати, что-то не припомню, чтобы в наших масс-медиа были сообщения о награждении этой наградой кого-либо из украинцев. А вот о чествовании бендеровцев трубят постоянно.)

Хорошее дело сделала «Литературная газета», напечатав подборку украинских русофилов! А то мы привыкли видеть на всех телеэкранах только прокаженную рожу Ющенко, бандитский оскал Януковича, лисьи ужимки пани Юли да драки депутатов Народной Рады.

Писал воспоминания о М. и заметил, как все мелкое, суетливое и корыстное в его поступках и биографии под моим пером уходило постепенно прочь. На бумаге оставалось только крупное, яркое, качественное. И это правильно – большое видится на расстоянии.

А не правильно то, что при жизни человека мы склонны придавать преувеличенно большое значение разным мелочам в его манере поведения, внешности, умении вести разговор или слушать собеседника, отношении к дамам, не можем прощать его маленькие слабости или кажущиеся нам неприятными черты характера. Наверно, это происходит из подсознательного желания самому казаться лучше на фоне негативных качеств другого.

Примерно так покойник В., страдавший недельными запоями, в дни трезвости любил потешаться над встречными пьяницами.

Читаю Некрасова и поражаюсь его актуальности в наше время:

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

За свою полувековую жизнь мне довелось быть свидетелем четырех этапов изменения системы массовых коммуникаций в нашем обществе.

В середине 50-х годов в квартирах стали появляться ламповые приемники, произошел переход от общественных громкоговорителей-тарелок с одной единственной радиопрограммой к индивидуальному приему радиопередач, а значит, у людей появился выбор радиостанций и передач.

В начале 60-х годов массовым явлением становится телевизор. Происходит дальнейшее разделение советской общественной массы на семейные ячейки. Но в то же время телевизор разрушает складывавшийся столетиями ритуал вечерних собраний за одним столом больших семей, их близких, знакомых и приятелей.

В середине 90-х годов в больших городах стал появляться Интернет, и люди получили необыкновенные возможности для свободы и самовыражения.

А в начале нового тысячелетия для нас стала доступной мобильная связь. К личной свободе добавилась свобода общения – возможность мгновенной связи с любым человеком в любой точке земного шара. Так массовые коммуникации, дав невиданную свободу человеку, вновь собрали людей в единое сообщество.

В последние годы в дни празднования 9 мая на городских площадях и улицах все чаще стали появляться портреты Сталина. Постепенно он в народном сознании вновь становится символом и иконой Победы в Отечественной войне 1941-1945 годов.

Народ и история, расставляя акценты и ударения на своем прошлом, создают окончательную редакцию мифа о нашем времени и нашей стране. В этой редакции Сталин навсегда останется в пантеоне любимых героев ушедшей страны.

В большой истории Советского Союза, которую будут изучать наши потомки, победителем в Великой войне будет представлен генералиссимус Сталин, а не маршал Брежнев, как это пытались представить идеологи 70–80-х годов, и не мясник – маршал Жуков, как это хотели представить ненавистники коммунизма, свергнувшие советский режим и ни с того ни с сего объявившие себя демократами.

В «маршрутке» на одно из свободных мест возле двери уселась экзальтированная дамочка с ребенком. Пацану лет 5-6, его все толкают, он всем мешает, и сам не знает, что делать, чтобы не быть помехой взрослым. Мамаша на него орет. Потом начинает бить по голове с воплями: «Баран! Тупой баран! Сволочь!».

Все молчат. Я не могу смотреть на это издевательство: «Мамаша, вы что, действительно полагаете: если бить ребенка по голове, он умнее станет?». Пассажиры покосились на меня, и снова промолчали. Но мамаша бить ребенка перестала.

Что-то у меня, видимо, с нервами не в порядке: не могу равнодушно смотреть, как бьют женщин, детей, собак и иную живность.

Когда заполняю очередную рабочую тетрадь своими маргиналиями, мне кажется, что эти записи гораздо глубже, оригинальнее и даже красивее в литературном плане, чем записи в старых тетрадках.

Однако потом, когда переносу завершённую тетрадь в компьютер – оцифровываю свои мысли и чувства! – замечаю, что в ней не так уж и много перлов, находок, да и просто гармоний.

Можно было бы сказать: опять приблизилось! Но я говорю: был наделен энергией заблуждения! И благодарю Создателя за это.

И шел я по теплomu сору своей же души (Г. Айги).

Литературная викторина (вопросы)

«Как сладкую песню отчизны моей
Люблю я Кавказ».
М. Ю. Лермонтов

1. Не раз проезжал М. Лермонтов по долинам и ущельям Кабардино-Балкарии. В каких станицах побывал поэт?
2. В какой поэме Лермонтова описан байрам по впечатлениям от праздника в Аджи-Ауле (где жил тогда Шора Ногмов) юного поэта в 1825 году?
3. Герой одной из поэм Лермонтова не вымышленное, а историческое лицо, кабардинский князь. Кто он?
4. В основе каких поэм Лермонтова лежат кабардино-черкесские сказания?
5. В какой поэме Лермонтов воспел аул Джамагат, громкие дела которого еще живут в преданиях горцев?
6. В каком стихотворении Лермонтов сочувствовал горским народам:

*Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастья полна
И окровавлена войной.*

7. В каком глубоко философском проникновенном стихотворении Лермонтов хотел видеть жизнь горцев мирной и спокойной?

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?*

8. Как называется первое стихотворение, которое Лермонтов решил выпустить в свет под своим именем, и где оно было напечатано?
9. Какое стихотворение Лермонтова было передано царю с пометкой «воззвание к революции»?
10. Какие годы своей жизни Михаил Лермонтов назвал «страшными»?
11. Назовите главных действующих лиц драмы «Маскарад».
12. При каких обстоятельствах произошла встреча Лермонтова с Белинским в 1840 году?
13. Где и когда состоялась дуэль Лермонтова с Мартыновым?
14. Какие две статьи посвятил Белинский творчеству М. Ю. Лермонтова?
15. Кто написал оперу «Демон»?
16. Кто автор памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске?
17. Кто из художников сделал иллюстрации к «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»?
18. Какие стихотворения М. Ю. Лермонтова положены на музыку?
19. Из какого произведения М. Ю. Лермонтова взята эта картина природы:

*...горные хребты,
Причудливые, как мечты.*

20. Кто является лауреатом Международной премии им. М. Ю. Лермонтова «Золотая Лермонтовская медаль» 2009 года?

Подготовила Нина Громова

В номере:

<i>Али Шогенцуков.</i> Партизан Жамбот. <i>Поэма</i>	3
<i>Ксения Хопина.</i> Право на жизнь. <i>Статья</i>	7
<i>Батыр ас Аланский.</i> Дорога. <i>Главы из повести</i>	9
<i>Юрий Клейберг.</i> <i>Стихи</i>	52
Наши юбиляры. К 70-летию Бориса Мустафаевича Зумакулова	29
<i>Владимир Вороков.</i> Боречка. <i>Очерк</i>	32
<i>БаширХубиев.</i> Региональная социальная политика в исследованиях Б. М. Зумакулова. <i>Очерк</i>	35
<i>Алим Балкаров.</i> В поисках испанской любви. <i>Главы из повести</i>	43
Наши юбиляры. К 80-летию Андрея Ханашховича Хакуашева	73
К 75-летию Ибрагима Матгерисевича Гадиева	75
К 70-летию Оюса Хасановича Уянова	77
К 70-летию Хачима Хабасовича Кауфова	79
К 60-летию Людмилы Загаштоковой	81
<i>Алим Алафаев.</i> Литературная «Вершина» и «Вечер, посвященный Кязиму» на страницах «Колхозной жизни». <i>Очерк</i>	82
<i>Майский «Родник».</i> <i>Стихи</i>	89
<i>Любовь Ахомгодова.</i> Учитель – профессия особенная. <i>Статья.</i> Клуб «Пробуем перо». <i>Стихи</i>	92
<i>Саладин Жилетежев.</i> <i>Рассказы</i>	97
<i>Сакинат Абаева.</i> Берега, берега... <i>Рассказ</i>	104
<i>Зульфия Айшаева.</i> <i>Стихи</i>	109
<i>Людмила Гурова.</i> Последняя любовь. <i>Рассказ</i>	112
<i>Светлана Моттаева.</i> <i>Стихи</i>	114
<i>Кантемир Тхазеплов.</i> Руки с запахом кофе. <i>Рассказ</i>	117
<i>Аминат Атабиева.</i> Баба Нюся. <i>Рассказ</i>	122
<i>Людмила Гуцина.</i> Бирюзовое Солнце. <i>Эссе</i>	137
<i>Абубакир Жемухов.</i> Печаль. <i>Рассказ</i>	138
<i>Элиза Куркаева.</i> Душа и осень. <i>Рассказ</i>	141
<i>Юрий Гетоков.</i> <i>Стихи</i>	155
<i>Хасин Братов.</i> Его высокий взыскующий дух. <i>Очерк</i>	157
<i>Эсет Далиева.</i> Об особенностях поэтического творчества Х.-Б. Муталиева. <i>Статья</i>	162
Страницы памяти. Шекихачев Мухамед Хагуцирович	166
<i>Мадина Буранова.</i> Вечер памяти Бориса Утижева. <i>Статья</i>	176
<i>Пишкан Таов.</i> Последний тяжеловес кабардинской культуры. <i>Статья</i>	178
<i>Сафарби Бейтуганов.</i> Пушкин, Казы-Гирей и другие. <i>Статья</i>	182
<i>Лидия Альборова.</i> Воспитание через устное народное творчество. <i>Очерк</i>	186
<i>Людмила Абазова.</i> К вопросу о преподавании русской литературы студентам-иностранцам. <i>Статья</i>	189
<i>Светлана Кудяева.</i> Воспитательная работа в школе. <i>Статья</i>	193
<i>Майя Бетуганова.</i> Новое время – новые технологии обучения. <i>Статья</i>	197
<i>Эдуард Битиров.</i> Каральби Мальбахов: У нас немало талантливой молодежи. <i>Очерк</i>	201
<i>Ахмед Мизов.</i> Сердцем прирос к земле. <i>Статья</i>	202
<i>Лена Тхазаплизева.</i> Рецензия на монографию Шхагапсоева С. Х., Карачаевской Е. В. «Флора города Нальчика и его окрестностей».	204
<i>Раиса Осикина, Аслан Закураев, Хасан Тхазеплов.</i> Дендроиндикация экологического состояния лесопарковой зоны Нальчика. <i>Статья</i>	206
<i>Светлана Кишева.</i> Нет некрасивых женщин.	180
<i>Эмма Шарданова.</i> Светлый образ черкешенки. <i>Статья</i>	212
<i>Игорь Терехов.</i> Мужчина с веслом. <i>Дневник писателя</i>	216
<i>Литературная викторина</i>	222

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.11.09. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 14.

Тираж 2040 экз. Заказ № 4.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
